

94(476)
Г621

Н.А. Голубева

НАДЕЖДА ГРЕКОВА. МИХАИЛ МАЛИНИН ВРЕМЯ ПОМНИТЬ

Н.Г. Грекова и М.С. Малинин.

94(476)
Г621

Н.А. Голубева

НАДЕЖДА ГРЕКОВА.
МИХАИЛ МАЛИНИН
ВРЕМЯ ПОМНИТЬ

АБ

Минск
«Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки»
2020

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Бел)
Г62

В книге использованы документы и фотоматериалы, предоставленные Российским государственным архивом социально-политической истории, Государственным архивом Российской Федерации, Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации, Архивом внешней политики Российской Федерации, Национальным архивом Республики Беларусь, Белорусским государственным архивом научно-технической документации, Государственным архивом Минской области, Государственным архивом Гомельской области, Мемориальным домом-музеем Героя Советского Союза генерала армии М.С. Малинина — филиалом ГУК «Костромской музей-заповедник», семьей Надежды Грековой и Михаила Малинина

Голубева, Н.А.

Г62

Надежда Грекова, Михаил Малинин. Время поминать / Н.А. Голубева. — Минск : Белорусская энциклопедия имени Петруса Бровки, 2020. — 368 с. : ил.

ISBN 978-985-11-1222-3.

Книга белорусского писателя, кандидата исторических наук Н.А. Голубевой посвящена выдающемуся деятелю политической истории СССР и БССР Надежде Грековой — Председателю Верховного Совета БССР, единственной женщине в Советском Союзе, занимавшей столь высокий пост. В самое сложное для республики десятилетие — с 1938 до 1949 года она успешно решала вопросы ее развития, организуя работу по выпуску оборонной продукции для фронта, поддержке партизанского движения в Беларуси, восстановлению народного хозяйства уже в должности заместителя Председателя СНК, министра пищевой промышленности, депутата Верховного Совета СССР нескольких созывов. Книга посвящена также выдающемуся полководцу, начальнику штабов пяти фронтов генералу армии Михаилу Малинину, с которым судьба связала Надежду Грекову в 1943 году во время подготовки операции «Багратион» по освобождению республики от нацистских захватчиков. На основе широкой источниковедческой базы, архивных документов из личного фонда Иосифа Сталина, а также документов «Особого сектора», хранящихся под грифом высшей степени секретности, в книге предпринята попытка переосмыслить самое драматичное время советской истории 1930-х — начала 1950-х годов.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-11-1222-3

© Голубева Н.А., 2020
© РУП «Издательство «Белорусская
Энциклопедия имени Петруса
Бровки», 2020

ОТ АВТОРА

Женщина в политике, женщина в системе управления, женщина во властных структурах... Это тема, которая на протяжении долгой истории человечества остается не просто актуальной. О ней спорят, с целесообразностью активного участия представительниц слабого пола в социальных процессах, управлении государством соглашаются и не соглашаются. Но жизнь не стоит на месте, нравится это кому-то или нет, женщин в политике, на руководящих должностях становится все больше, а результаты их деятельности доказывают эффективность в процессах управления. Но путь к этим завоеваниям был далеко не однозначным. Сегодня неопровержимым остается то, что именно в 20 веке женщина заявила о себе как о личности, получила реальную возможность самой выбирать свой жизненный путь, включиться в те процессы, которые меняли мир: революционные, национально-освободительные движения, процессы созидания. Именно они, создаваемые с политическими катастрофами и катаклизмами, отрицающие прошлые системы, сформировали ту среду, которая позволила большому количеству людей разных социальных групп и сословий, в том числе женщинам, влиться в работу по преобразованию этого мира. Истории многих из них, ярких, талантливых, очень показательны, а дела, смелые поступки и неординарные решения, зачастую менявшие ход событий, оставили такой яркий след, что и сегодня заставляют говорить о них, писать, изучать феномен женщин во власти, многими восхищаться. Они служат примером для подражания, являются гордостью своих государств.

Такой яркой личностью была и остается Надежда Григорьевна Грекова, Председатель Верховного Совета БССР, единственная женщина в истории Беларуси, которая занимала столь высокий пост. Главой белорусского парламента она была избрана в 1938 году и выполняла эти функции на протяжении 9 лет, являясь одновременно секретарем ЦК КП(б)Б по промышленности и тоже единственной женщиной, занявшей столь высокий пост уже в партийной иерархии республики.

В 1939 году в Советском Союзе 100-тысячным тиражом вышла книга с броским названием «Женщины страны социализма». В ней — очерки о Герое Советского Союза летчице Валентине Гризодубовой, народной артистке СССР Валерии Барсовой, капитане дальнего плавания Анне Щетининой, военном инженере Маргарите Лещинской, а также истории других выдающихся женщин того периода, которые в стране Советов смогли не только освоить не характерные для слабого пола профессии, но и достичь выдающихся результатов, каждая в своей сфере. Среди них и Надежда Грекова — единственная женщина, имеющая на тот момент такой высокий статус не только в республике, но и в Советском Союзе.

Вряд ли можно вспомнить что-то подобное в Европе, Америке. История не сохранила свидетельств, чтобы здесь такие высокие должности занимали женщины, хотя имена некоторых из них в начале века — на слуху: немецкий политический деятель Клара Цеткин, немецкий теоретик марксистской

философии Роза Люксембург, американский общественный деятель Элеонора Рузвельт, впоследствии супруга президента Франклина Рузвельта и первая леди США, Клементина Черчилль, известная благотворительными акциями в рамках Красного Креста, впоследствии главный советник практически по всем политическим вопросам своего мужа, премьер-министра Соединенного Королевства. В большую политику тогда еще только готовились вступить выдающиеся женщины современности Голда Меир, Индира Ганди. В России тоже звучали имена революционных деятелей — Инессы Арманд, Надежды Крупской, Александры Коллонтай, и это, пожалуй, все. А женщина — фактически глава государства по Конституции — такого в политической истории еще не было.

Для советской страны это был факт беспрецедентный. Особенно если вспомнить, что влиятельные женщины того периода в Европе, как правило, происходили из высших сословий или же среднего класса, имели возможность получить образование, реализовать свои амбиции. Надежда Грекова, как и многие женщины страны Советов, представительницы ее поколения, прошла путь, отправной точкой которого стал лозунг времени «кто был никем, тот станет всем». Ее первые университеты — работа с малолетства на пана и огромное желание «выбиться в люди» — мечта простого человека из народа. Кризисы, политические потрясения — это всегда драма, неопоставимые ни с чем огромные и в большинстве своем бессмысленные жертвы, но это всегда и отрицание прошлого, движение вперед. Новое время приносило отрицание старой политической системы, монархии, делало доступным для населения новой страны образование, предоставляло возможность сделать в жизни тот выбор, к которому стремились, реализовать себя, получить доступ к социальным правам и гарантиям.

Но парадоксы истории таковы, что Надежда Грекова вступала в большую политику в сложное, страшное время кровавых репрессий, время, когда лозунги о свободе и справедливости в реальности зачастую оборачивались отрицанием этой справедливости и когда люди, несмотря ни на что, продолжали жить верой и надеждой на эту справедливость, с полной уверенностью, что сам народ сможет построить самое гуманное общество в мире.

Вместе с Грековой в систему государственного управления вливалось большое количество совсем еще молодых руководителей. Многие из них впоследствии станут политическими тяжеловесами, с их именами будут ассоциироваться целые периоды истории Советского Союза — Андрей Андреевич Громько, Леонид Ильич Брежнев, Алексей Николаевич Косыгин, Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, Николай Константинович Байбаков, Михаил Георгиевич Первухин... И еще многие руководители, каждый из которых оставил свой след в истории и запомнился своими решениями, делами, поступками и... отношением к ним людей, которое было разным и не всегда однозначным. Но тогда все они были молодыми представителями нарождающейся новой политической элиты, вышедшими из народа — из рабочих и крестьян, которые за первые годы советской власти смогли получить образование, приобрести практический опыт работы на производстве. И можно было бы сказать, что наступало время молодых, если бы не одно но — кровавый террор страшных 1930-х годов, который буквально выкосил партийные организации областей, республик, а с ними и многих руководителей, обезглавил ведомства, наркоматы.

Им на смену пришла целая плеяда действительно молодых. И вновь парадоксы истории. Они порой бывают так нелогичны, что плохо поддаются анализу, ломают стереотипы о политических закономерностях. Все случилось не только благодаря тому, что новый строй реально предоставлял возможности всем слоям населения для самореализации, но и вопреки этому. Социальная драма целого государства открыла путь в большую политику новому молодому поколению. Приход его представителей во власть, как бы странно это ни звучало, случился в силу обстоятельств страшных и противоестественных, когда обескровленная террором страна остро нуждалась в кадрах. Ответственным, свято верящим в ее светлое будущее, им предстояло строить, причем в условиях продолжающихся репрессий, это будущее, когда вероятность самим попасть в их жернова была реальностью времени. Но все они осознавали свой долг перед этой страной — построить свободное, справедливое общество. А построить его было огромным желанием. Во имя идеи, не ради личного блага, а блага страны, трудились самоотверженно. Многим не было и 30, и им предстояло взять на себя ответственность за эту страну, судьбы людей. Среди них была Надежда Григорьевна Грекова: из рабочих, ей всего 28 лет — фактически единственная женщина среди политической элиты СССР.

Сначала работа в республике на ответственных постах, затем в период Великой Отечественной войны — ответственный пост секретаря Казанского горкома партии и выполнение поручений партии по обеспечению оборонной продукцией фронта, заместитель Председателя СНК БССР, министр пищевой промышленности республики, депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов, первый заместитель министра пищевой промышленности РСФСР, член ревизионной комиссии ЦК КПСС. ... Должности с широчайшими полномочиями, задачами, которые предстояло решать в очень сложный довоенный и послевоенный период — именно тогда, когда существовала колоссальная ответственность за то, чтобы сначала создавать, а затем в максимально короткие сроки вернуть республику к привычной стабильной мирной жизни. А Грекова в соответствии со статьей 20 Конституции Белорусской Советской Социалистической Республики 1937 года как Председатель Верховного Совета БССР являлась фактически главой государства.

Специалисты в области советской политической истории могут возразить, что вся реальная власть находилась в руках партийной элиты, а руководил республикой первый секретарь ЦК КП(б)Б, Председатель же Верховного Совета — должность скорее формальная.

Реальная власть действительно находилась у партийных органов, в которых Грековой был доверен, пожалуй, наиболее сложный участок работы — развитие в республике промышленности, причем в период, который вошел в историю как индустриализация. А в соответствии со статьей 27 Конституции, которая определяла функциональные обязанности Председателя Верховного Совета, она курировала, помимо подготовки заседаний сессии, еще и «внутренние проблемы», к которым относилось кураторство над такими направлениями, как регламент работы наркоматов и ведомств, выполнение ими планов развития республики, утвержденных на сессиях, а это практически все направления развития народного хозяйства.

Строительство первых крупных белорусских предприятий, Минского аэропорта, ГЭС, создание местной промышленности — градообразующих предприятий малых городов, которые и сегодня продолжают работать и многие из ко-

торых являются брендами уже независимой Беларуси, производств по выпуску сельскохозяйственной техники, заложивших основы сельскохозяйственного машиностроения, развитие промышленности в Западной Белоруссии после воссоединения и еще много знаковых объектов, строек предвоенного периода, благодаря которым Беларусь превращалась из отсталой аграрной в экономически развитую республику.

Протоколы заседаний Бюро ЦК КП(б)Б, стенограммы многочисленных совещаний, встреч, письма, которые писали Надежде Григорьевне со всей Беларуси, свидетельствуют, насколько напряженным был тот исторический период, в который пришлось выполнять сложнейшие задачи подъема экономики республики, решать многие социальные задачи, когда спускаемые сверху решения приводили нередко к социальным потрясениям, особенно в развитии аграрного сектора, с серьезными последствиями для населения. И во всем этом нужно было разбираться, отстаивать позиции республики, соглашаться или не соглашаться, доказывать, обосновывать. Вряд ли такую работу можно назвать формальной.

Это было поколение людей, которые могли сказать «нет», если решения шли вразрез с интересами республики, страны, причем без оглядки на личное благополучие. Андрей Громико, которого за принципиальную позицию на международной арене прозвали «Мистер «Нет», Надежда Грекова, требовавшая от Л. Цанавы разорвать с неприличностью арестов и которая могла обратиться напрямую к Берии, когда речь шла о справедливости, Кирилл Мазуров, представитель более позднего поколения, который мог сказать «нет» Хрущеву и Брежневу, если это не соответствовало государственной позиции, другие руководители.

Судьба каждой женщины во власти — это отдельная страница в истории. Надежда Грекова не просто олицетворяла собой человека новой эпохи, которому предстояло строить и создавать, как декларировали партийные документы, страну социальной справедливости. Она соединила в одном лице черты уникального руководителя новой страны под названием Советский Союз, такой же молодой, как и она сама, когда пришлось в буквальном смысле все делать впервые, методом проб и ошибок создавать систему управления. Ситуация диктовала и свои правила игры, и необходимость быть жестким, требовательным, порой бескомпромиссным руководителем, и одновременно тонким психологом, очень внимательным, когда обращение к деталям, на первый взгляд мало значительным событиям, к психологическому состоянию человека позволяло докопаться до сути. Это то, что впоследствии назовут женским стилем руководства.

А тогда, в 1930-е годы, вместе с новым строем, новой страной формировался и социальный феномен — тип женщины-управленца, государственного деятеля, сильной женщины, которая может держать удар, не пасовать перед трудностями, эффективно решать сложнейшие государственные вопросы. Грекова могла бы подражать уже сложившимся стереотипам того времени — женщина в кожанке, женщина, копирующая мужские манеры, образ красного комиссара, сформированный и растиражированный советской пропагандой в те годы. Но Надежда Григорьевна ломала эти стереотипы. Эффектная, со вкусом одетая молодая женщина, которая следила за модными тенденциями, формируя свое представление о деловой женщине с хорошими манерами, владеющая иностранными языками, при этом очень доброжелательная, она олицетворя-

ла образ управленца нового поколения. При этом оставалась руководителем, в арсенале которого были и нестандартные решения, и требовательность, и попытка разобраться, что же пошло не так в государстве, провозгласившем победу социализма, но в котором оказалось так много врагов народа...

Грекова разрушала стереотипы и о том, что у женщины во власти остается так мало времени на семью, на личное счастье. В сложное драматичное время, в самый разгар войны, судьба свела ее с уникальным человеком — Михаилом Сергеевичем Малининым, выдающимся военачальником, генералом армии, начальником штабов пяти фронтов, внесшим значительный вклад в победу над фашизмом. Георгий Жуков, Иван Конев, Константин Рокоссовский, другие представители военной элиты с большим уважением относились к несомненному таланту Малинина, распланировавшего не одну военную операцию. Их связывали годы службы, когда под началом того же Жукова, Рокоссовского, совместно с ними были разработаны и осуществлены практически все значимые сражения Великой Отечественной войны, в том числе уникальная операция «Багратион» по освобождению Беларуси. Их связывали годы дружбы после войны, на которую не смогла повлиять никакая политическая конъюнктура.

Будучи начальником штаба оккупационных войск в Германии в послевоенный период, Малинин многое сделал для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства Беларуси, осуществляя контроль за своевременными поставками по репарациям оборудования для возрождения промышленных предприятий, доставкой гуманитарных грузов. Неоценим вклад Малинина в разработку и испытание новых видов вооружения СССР, в частности ядерного, в военную дипломатию, урегулирование спорных вопросов и конфликтов, которые грозили обернуться непоправимыми для Европы последствиями.

Это была красивая пара сильных самодостаточных людей, любящих и знающих цену любви, жизненным испытаниям. Занимая ответственные посты в СССР, и Грекова, и Малинин оставались простыми, доступными, всегда откликающимися на просьбы, проблемы простых людей. Они, лишенные всякой конъюнктуры, оставались верными своим друзьям, тем, с кем пришлось пройти по дорогам жизни, невзирая на их взлеты и падения, славу и забвение. Никакие события не изменили их отношения с Жуковым, с которым связь никогда не прерывалась вплоть до его ухода, с теми, кто стал жертвой «дела генералов». Со многими дружили семьями, пользуясь уважением большого количества выдающихся людей, военной, творческой, партийной элиты.

Надежда Грекова, которая прошла через все испытания противоречивой истории СССР 1930—1950-х годов, решая, отстаивая, создавая, не раз попадая под подозрение карательных органов, наверняка, рисковала больше других. Ведь женщины в системе управления нередко так раздражают, особенно если «влезают» не в свои вопросы, монополию на которые по каким-то причинам присвоили себе мужчины, и особенно если речь идет о силовом блоке. Но в любой ситуации, при всех трудностях и сложностях политических перипетий Надежда Григорьевна всегда оставалась интересной, эффектной женщиной, которая нравилась, которой хотели подражать, при этом внутренне богатым, удивительно гармоничным и просто красивым человеком.

ПОБЕДИТЕЛИ КТО?

Москва, Старая площадь, 4. Ноябрь 1952 года. В приемной Комитета партийного контроля при ЦК КПСС уже который час находилась Надежда Григорьевна Грекова — первый заместитель министра пищевой промышленности РСФСР. Неожиданный вызов к Матвею Федоровичу Шкирятову, руководителю не менее всесильного ведомства, чем МГБ Лаврентия Берии, не предвещал ничего хорошего. Вокруг стояла такая тишина, что, если бы пролетела муха, ее полет можно было сравнить с грохотом приближающегося поезда. Атмосфера не просто гнетущая. Вместо привычной секретарши — за столом в застывшей позе сотрудник в форме органов госбезопасности. При каждом звонке начальника он вскакивал, после чего бесшумно скрывался за массивными дверями кабинета, так же бесшумно через какое-то время выходил оттуда и вновь застыл на своем месте в неподвижной позе. Тишину нарушал лишь бой массивных часов, расположенных в углу огромной приемной, да шелест бумаг, которые в смежной комнате время от времени перебирал помощник Шкирятова. Наконец, с папками он так же бесшумно прошествовал мимо Надежды Григорьевны в кабинет начальника, и с таким каменным лицом, будто и не было здесь никого.

Послышался грохот. Двери приемной распахнулись. Усиленная охрана, человек с заплывшим от слезок лицом, которого буквально втолкнули в кабинет Шкирятова, следовательно, мгновенно передавший папку с делом помощнику и тоже скрывшийся за массивной дверью-шкафом. В сознании Надежды Григорьевны пронеслось: «Наверняка доставили из особой тюрьмы». О том, что такая существует, в высших партийных кругах знали давно, знали и о том, что она организована по личному указанию Маленкова, подчинялась не МГБ, и даже не МВД, а напрямую Шкирятову и партконтролю ЦК. Тюрьма имела собственных особых следователей, которые вели дела тоже особых подследственных из числа партийных, советских руководителей. Она имела специальный штат охраны, обученной obsługi и занимала в одном из блоков «Матросской тишины» 33 кабинета, вход куда был невозможен даже начальнику карательного заведения без личного разрешения высокого руководства. Об этом в партийных кругах знали, но предпочитали не распространяться, если и говорили на эту тему, то шепотом или намеками. По засекреченным сводкам заполняемость камер была высокой, до 40 человек одновременно, попасть в число которых вряд ли кому-то хотелось.

Что творилось в душе Надежды Григорьевны после увиденного, сложно представить, но внешне она оставалась совершенно спокойной и держалась даже несколько независимо, чем вызывала непонимание товарища, сидевшего за столом все в той же неподвижной позе. Оно читалось в его глазах. Наконец, подследственного вытолкнули из кабинета и под охраной вывели из приемной, над которой вновь нависла гнетущая тишина.

Дверь резко распахнулась и из нее буквально вылетел Шкирятов. Без пиджака, с закатанными рукавами — результат недавней беседы с посетителем, он буквально орал на Надежду Григорьевну:

— Заходи, Надежда! Сама признаваться будешь?! Или мне все рассказать?

— А вот кричать не надо! — уверенно парировала Грекова. — Если есть вопросы, скажите, и я отвечу! А кричать на меня не надо!

Уже в кабинете Шкирятов, сидя за столом, буквально шипел на Надежду Григорьевну, сесть которой даже не предложил:

— Я знаю! Все знаю! И про тебя, Надежда! И про Малинина!

Надежда Григорьевна спокойным голосом снова повторяла: «Если есть вопросы, я отвечу! А пугать меня не надо!»

Такая уверенность и независимость Грековой приводила Шкирятова просто в бешенство. Он выскакивал из-за стола, кричал, выбегал из кабинета, там орал и грозился всех вывести на чистую воду, возвращался в кабинет и снова орал на Надежду Григорьевну. Когда видел невозмутимое выражение лица и уверенный взгляд, вновь приходил в бешенство. Ничего не добившись, срываясь на крик, Шкирятов грозил: «Иди, Надежда, и хорошенько подумай! Я все про тебя знаю, и про Малинина тоже!»

Напряжение спало только тогда, когда Надежда Григорьевна покинула здание ЦК под удивленные взгляды охраны и ожидавшего ее водителя. От Шкирятова, как правило, сам никто не уходил, от него выводили, и под конвоем. До Ржевского переулка захотелось пройти пешком. Всю дорогу домой Надежда Григорьевна задавалась одним вопросом — где, на каком этапе этот человек обрел облик звероподобного существа, жестокого, жаждущего крови, насилия. Крестьянский парень, так же, как и она, как многие представители их поколения, переживший голод, лишения, уничтожает теперь тех, кто строил, создавал, воевал. Может, потому, что не воевал, стиснулся в тылу и не видел всех ужасов войны, подозревая, издеваясь, допрашивая тех же фронтовиков. Но нет.

В памяти всплывал страшный 1939 год, партийные чистки, организатором которых с 1934 года Шкирятов был вместе с Маленковым. Тогда они буквально выкосили белорусскую партийную организацию. Или его приезд в республику в 1946 году. Прошла страшная война, а в разоренной Беларуси Шкирятов снова искал врагов, расхитителей государственной собственности, когда и собственности-то никакой еще фактически не было. Но в те годы они могли противостоять Шкирятову, Маленкову, доносам на руководство республики, которые регулярно поступали на имя Берии, Сталина. В партийной организации всегда ощущалось единство, если видели несправедливость, высказывать свою позицию не боялись, рассчитывая, что во всем разберутся, хотя разбирались далеко не всегда. Но все же сплоченность придавала силы.

Теперь они были одни — она и Михаил Сергеевич Малинин, герой войны, начальник штаба пяти фронтов, генерал армии, супруг, человек, которого любила и уважение к которому было безграничным. И вот теперь над ними, над семьей, а значит, и над близкими к ним людьми нависала реальная опасность. Уже 1950-е годы, страна пережила страшную войну — и снова репрессии. А что не останутся ни перед чем, пример, который еще у всех на слуху. Именно на основании записки Шкирятова, заключения министра госбезопасности Абакумова Особым совещанием осуждена и выслана в Кустанайскую область жена Молотова Полина Жемчужина. И не заступился никто, даже сам Вячеслав Михайлович, а еще недавно казалось, что они — неприкасаемые.

И снова вопрос: «Как люди из крестьян, рабочих, которые так стремились к свободе, справедливости, сами теперь стали сродни фашистским палачам? Как серый, необразованный человек с начальным образованием достиг такой власти над людьми? Так кто теперь победители? Те, кто воевал, освобождал?

Или те, кто распоряжается их судьбами, решает, кого казнить, кого помиловать, кому позволить жить спокойно?»

Могла ли она знать, что ей, прошедшей те же университеты, что и поколение, на долю которого пришлось все перипетии начала 20 века, будет суждено вот так стоять перед каким-то Шкирятовым, который может в одночасье перечеркнуть и ее жизнь, и все то, к чему стремилась, что пришлось пережить. А ведь его жизненный путь, как и таких, как он, начинался практически одинаково, у кого-то с панского подворья и тяжелого крестьянского труда, у кого-то, как у нее, — с Ляховки, рабочей окраины Минска.

ЛЯХОВКА

Надежда Григорьевна всегда помнила Ляховку, жила ее заботами: и тогда, когда была Председателем Верховного Совета БССР, участвуя в развитии этого промышленного района, и когда возвратилась в столицу после ее освобождения, помогая возрождению, и когда, живя уже в Москве и приезжая в родной Минск, радовалась строящимся высотным зданиям, трамвайной линии, новым производствам. Но каждый раз она задавалась вопросом, какой бы она была, эта Ляховка, если бы здесь не прошла в свое время железная дорога, каким бы вообще был Минск, тогда, в начале 20 века, небольшой губернский город. Всего этого могло и не быть, если бы не случай.

Конец 1850-х годов. Россия. Страсти здесь кипели нешуточные и касались они далеко не народно-общественного движения, которое распространялось в обществе, а главным образом ее дальнейшего экономического развития. Во многом это было связано со строительством железных дорог, на них возлагались надежды на расширение торговых контактов с Западом, связей промышленных предприятий, контор, банков, имеющих уже вес и авторитет у зарубежных партнеров, да и французская Ривьера могла бы стать куда ближе. Но противников немало. Конец спорам и дискуссиям положил Высочайший указ императора о создании первой в России сети железных дорог, изданный 26 января (7 февраля) 1857 года. В нем говорилось: «Железные дороги, в надобности коих у многих возникали сомнения еще 10 лет назад, признаны ныне всеми сословиями необходимостью для империи и сделались потребностью народною, желанием общим, постоянным».

Первой дорогой, проложенной по территории Беларуси, была Петербурго-Варшавская, но она проходила через Гродно и захватывала лишь небольшую ее часть. К началу 1870-х годов назрела потребность связать с Западом центр России, а значит, магистраль должна проходить от Москвы до границы Северо-Западного края. И вновь споры, и главным образом о том, где прокладывать маршрут. Вопрос практически решен — по направлению Бобруйск—Пинск. Это план самого министра путей сообщения П. Мельникова. Но неожиданно в спор включился наместник Царства Польского граф Берг. Его план — дорога должна пройти в обход Смоленска и ближе к уже действующей Орловско-Витебской, а значит, через Кобрин, Слоним, Минск, Могилев, Горки связать две ветки. Будущая столица вовсе не рассматривалась как главный железнодорожный узел. По распоряжению императора создали комиссию, и снова те же варианты. Предложение местных властей проложить дорогу по кратчайшему пути — на Оршу, Борисов, Минск — в расчет не бралось. Его всякими правдами

и неправдами удалось передать императору. Бюрократию и лоббирование никто не отменял ни тогда, ни сейчас. На плане появилось высочайшее одобрение, утверждено было именно это предложение. Минск к тому же становился центральным железнодорожным узлом. Для губернского города это действительно явилось историческим решением — у него появлялись все шансы превратиться в быстро развивающийся промышленный регион.

16 ноября 1871 года в Минске состоялось грандиозное событие — открытие для постоянной эксплуатации участка железной дороги. «Минские губернские новости» сообщали: «В назначенный день в 11 часов утра открытие совершено в присутствии начальника губернии и приглашенных управляющим дороною лиц Минска. После благодарственного молебствия, отслуженного Его Преосвященством, Преосвященнейшим Александром, Епископом Минским и Бобруйским, два пассажирских поезда по окроплении их святою водою отправились одновременно один в Москву, а другой в Брест при громких и радостных приветствиях многочисленных жителей Минска, собравшихся на это знаменательное для города событие». И последующие сообщения: «В первый день работы Минской станции был продан 21 билет, во второй — 82». Строительство осуществили в рекордно короткие по тем временам сроки — закладка станции состоялась всего лишь за год до этого — 23 августа 1870 года.

Железная дорога проходила вблизи самого большого городского предместья Минска — Ляховки. В Национальном историческом архиве Беларуси, Белорусском государственном архиве научно-технической документации удалось найти два уникальных документа. Один из них — план губернского города Минска 1797 года, где обозначен район к западу от населенного пункта Кошары под названием «Слобода Ляховка», который уже тогда был большим по тем меркам предместьем. Он размещался на правом берегу Свислочи в районе современной улицы Лодочная. Второй документ — «План губернского г. Минска 1910 года», где Ляховка отмечена уже как самостоятельный район наравне с Комаровским выгоном и Лебяжьим (БІАИД. Ф. 6. Оп. 2ПД. Д. 6. Л. 1—3). Его территория охватывала современные улицы Свердлова, Ульяновская, Октябрьская.

Название Ляховка связывают с ляхами, так звали на белорусский манер поляков, которые поселились здесь когда-то. С их появлением связывают и возникновение ремесленных мастерских, небольших предприятий. Здесь же уже с 19 века быстрыми темпами начинают развиваться, говоря современным языком, промышленные производства — строится дрожжевой завод, кожевенный и даже чугунолитейный, предтеча тяжелой промышленности. Капитализм приходил и на земли Северо-Западного края. Район расширялся за счет прибывающей на предприятия рабочей силы. Они селились поближе к дороге — в Ляховке, куда потянулся и народ из окрестных деревень. Работа в городе, а тем более на железной дороге, сулила хороший заработок.

В начале 20 века приехала сюда и совсем юная Настя Володько. Сирота, она поселилась у сестры, которая была замужем за железнодорожником. Несмотря на возраст, Настя устроилась работать на станцию. Здесь судьба свела ее с Григорием Греком, который несколько раньше приехал на заработки из Витебской губернии. О происхождении фамилии Грек существует несколько версий. Но наиболее правдоподобной представляется та, что связана с появлением греков на территории Витебской, или же Белорусской, губернии, названной так согласно указу императрицы 1795 года по количеству компактно

проживающего здесь белорусского населения. В Российской империи греки появились еще в 18 веке, много их находилось на воинской службе. После первого раздела Речи Посполитой, в состав которой входили земли современной Беларуси, и перехода их под юрисдикцию России, многие греки после отставки предпочитали селиться на новых территориях — красивая природа, леса, озера, спокойный народ. Так, в 1789 году контр-адмирал Павел (Паниоти) Алексина в награду за храбрость, проявленную во время русско-турецкой войны 1787—1788 годов, получил от Екатерины имение Велищи в Витебской губернии. Его сын дослужился до чина майора и после отставки более десяти лет был уездным предводителем дворянства в Велиже. Там и получила распространение фамилия Грек. Так звали или по рождению, когда народ пересказывал, что у греков грек родился, или по принадлежности к барскому двору крестьян, служивых людей.

За свой труд Григорий стал уважаемым человеком, дослужился до вагонновожатого, как вспоминали потом родственники, ходил в белых перчатках и обслуживал пассажиров в вагоне первого класса. За солидность, авторитет и то, что обучен грамоте, его называли не иначе как по имени-отчеству — Григорий Николаевич. Он был старше Анастасии на 15 лет, придерживался патриархальных принципов: прежде чем завести семью, нужно, что называется, стать на ноги. Основную работу он совмещал с работой стрелочника. Все говорило о его основательности, что импонировало девушке. Да и родственники сестры отзывались о нем как о человеке положительном, надежном. Вскоре Анастасия и Григорий поженились и жизнь, казалось бы, пошла своим чередом, как у многих семей рабочей Ляховки. Они много трудились, чтобы накопить деньги на свое жилье, дать детям образование. Семья расширялась, родилось три сына, в 1910 году дочь Надежда, всего же детей было восемь. Жизнь на Ляховке — типичная для промышленных районов того периода, где было все: и совместные праздники, и бандитизм, и разборки стенка на стенку — Серебрянка на Ляховку, Ляховка на Комаровку. Семья Грека жила в районе Верхней Ляховки, более спокойном, там, где сейчас улица Белорусская, немного в стороне от происходящих бурных событий.

С развитием железнодорожного узла разрасталась и Ляховка, и до таких размеров, что в ней образовалось два района. Помимо Верхней Ляховки в границах современных улиц Ульяновской, Свердлова и Белорусской, образовалась и Нижняя Ляховка — прибрежная часть у реки Свислочь улицы Ульяновской и район улицы Октябрьской. Она становилась центром, где были жилые дома и где находились разные производства. Но Ляховка славилась не только тем, что быстро становилась промышленным районом. На современной улице Белорусской жил знаменитый на весь Минск цветовод Янушкевич. Его еще звали просто — цветочник. Он выращивал лучшие в городе цветы, а главное, умел составлять оригинальные букеты. Самая красивая сирень, полюбоваться на которую приходили и местные, и горожане, тоже росла у его дома.

Вообще, само по себе это место уникальное. Сохранились свидетельства о том, что здесь когда-то находилось языческое капище, затем его облюбовали евреи, пришедшие на территорию современной Беларуси 400 лет назад, обустроивая свой быт, привнося традиции. Здесь было много еврейских торговых рядов, лавок, еврейская больница на месте современной 3-й городской больницы. Было и еврейское кладбище в районе современного стадиона «Динамо», довольно обширное, что свидетельствовало о большом количестве проживаю-

щих здесь евреев. Впоследствии, много лет спустя, когда Надежде Григорьевне задавали вопрос о ее склонности к иностранным языкам, а она знала польский, идиш, как, впрочем, и многие в Беларуси в начале 20 века, она только улыбалась в ответ. Людям сложно было объяснить, что многонациональная среда — это образ жизни, когда на одной улице звучали разные языки, когда все понимали друг друга, уважали обычаи и традиции каждого, когда всей улицей отмечали Ян Кипур — еврейский Новый год, польскую пасху, затем православную, когда по белорусской традиции «гукали» весну.

В семье Грека трудились все: и взрослые, и дети, причем с малолетства выполняя посильную работу — пасли коров, ухаживали за скотиной на панском подворье. За это расплачивались мукой, какими-то продуктами, если повезет, то и мешком картошки, но могли и не расплатиться вовсе, а за малейшую провинность жестоко наказывать. Но батрачить за копейки приходилось все равно, время было тяжелым. Беларусь оказалась в эпицентре тех военных, политических событий, которые в одночасье изменили все, нарушили мирную жизнь, власть менялась постоянно и было непонятно, какой она будет и будет ли вообще.

БЕЗВРЕМЬЕ

Когда перебираешь в памяти события 1917—1920 годов, которые происходили в Минске, становишься непонятно, как люди вообще могли жить в том времени, выживать в обстановке неразберихи, смены власти, политических режимов, постоянной войны, когда уже непонятно становилось, кто с кем и кто за кого. Октябрьская революция 1917 года с ее привлекательными для простых людей лозунгами на протяжении еще ряда лет не имела никаких перспектив начать претворяться в жизнь в том же Минске. Политические страсти, военное противостояние буквально разрывали белорусские земли на части. Их делили, разъединяли, присоединяли, подписывали мир, который вновь нарушали или военные действия, или новые политические решения.

Только в тех событиях, о которых спорят еще и сегодня, изучая то время, обстоятельства, простому человеку разобраться было сложно, а то и практически невозможно. Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Минске в ноябре 1917 года, создание Исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Казалось бы, власть переходит в руки народа. И тут первый Всебелорусский съезд в декабре 1917 года, участниками которого стали представители всех сословий. И снова, казалось бы, вот она — реальная демократия. Но в работе съезда отказались участвовать большевики, и его просто разогнали по их же указанию, вернее по решению СНК Западной области.

А еще оккупация Минска германскими войсками в 1918 году и создание на оккупированной немцами белорусской территории Белорусской Народной Республики (БНР) как национального, как провозглашалось, государства, но под контролем немецких властей, с которыми нужно было согласовывать все свои действия, испрашивая разрешения по любому поводу. Среди важных исторических событий мирный договор, подписанный в Брест-Литовске в марте 1918 года, когда под юрисдикцию Германии переходила часть этнических белорусских земель в дополнение к уже занятым территориям Западной Белоруссии, а также создание нового политического образования —

Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбел). Оккупация польскими войсками, и наконец, провозглашение в Минске 31 июля 1920 года Белорусской Советской Социалистической Республики после освобождения Красной Армией значительной части белорусских территорий.

Жители Минска едва успевали разобраться, кто нынче власть, — немцы, поляки, Советы. Григорий Николаевич в армию не был призван как единственный кормилец многодетной семьи, к тому же каждый работник железной дороги был на вес золота, особенно специалист. Дорога нужна была всем: и белым, и красным, и немцам, и полякам. Вагоны он уже не сопровождал, время было не то, выполнял разную работу: и стрелочника, и ремонтника. Дорога кормила, а еще небольшой огород и работа на помещика, вельможное «панство» все еще сохраняло свои земли, вступая в альянс то с немцами, то с поляками, многие и были представителями этих наций.

В начале 1990-х годов, когда страна обретала свою независимость, стало появляться много статей, научных работ о самодостаточности белорусов, о том, как хорошо они жили, находясь в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой. В ранг чуть ли не национальных героев, радетелей за национальную культуру стали возводить известные магнатские роды. Чтобы напомнить, как жили белорусы, достаточно обратиться к документальным свидетельствам.

В 1939 году, работая над очерком о Надежде Грековой как о Председателе Верховного Совета БССР, его автор Тимофей Сазонович Корбунов, тогда редактор газеты «Звезда», а впоследствии секретарь ЦК КПБ по идеологии, писал: «Мохоеды, Короеды, Болотянцы, Соломенки, Песчанки — белорусские села. Болота, песок, подзол принадлежали беднейшему крестьянству до Октябрьской революции, 22 миллиона гектаров, только половина земли в бывшей Белоруссии, а остальной частью владела кучка помещиков. До Октябрьской революции княгиня Югенлоз владела 712 тысячами десятин земли, награбленной у белорусского народа. Князь Витгенштейн имел 700 тысяч десятин, граф Тышкевич — 296 тысяч десятин, граф Потоцкий — 240 тысяч десятин. Только в одной Минской губернии у князя Радзивилла насчитывалось около 200 тысяч десятин земли».

К одному из таких радетелей за народ определили батрачить Надю. За выпас свиней могли хорошо заплатить — дать мешок муки. Отец сговорился с паном. На лето Надю отправили к нему присматривать за свиньями. Но случилось страшное. Ребенок не смог справиться с ретивым поросенком, который, почувствовав свободу, рванул в лес и пропал бесследно. Дальше разворачивалась настоящая драма. Отцовское сердце почувствовало что-то неладное. Он кинулся к пану, а тот ничего не говорит про ребенка, которого и в усадьбе-то не оказалось. Более того, посоветовали убраться подобру-поздорову и дорогу забыть. Григорий Николаевич бросился искать Надю, чисто по наитию определил, где ее могут прятать, и, к своему ужасу, нашел сильно избитого, едва живого ребенка. Наказали ее жестоко, человеческая жизнь батрака, тем более ребенка, ничего не значила. Григорий Николаевич Надю фактически выкрал, привез домой, девочку чудом удалось выводить. Больше ее батрачить к пану не отправляли. Для самой же Надежды это были первые университеты, через которые прошли многие представители ее поколения и той социальной среды, которая ничего хорошего в жизни не сулила простому человеку.

С революцией семья связывала перемены, безоговорочно приняла и ее, и ее лозунги. Они были близки и понятны — земля крестьянам, социальные права, возможность детям получить образование, то есть реально выбиться в люди. Но до их воплощения в жизнь были годы — Минск, Беларусь еще несколько лет оставались тем регионом, где не прекращались военные, политические конфликты. Революционное лихолетье принесло семье не только надежды на лучшую жизнь, но и горе, от которого она так и не смогла оправиться, особенно Григорий Николаевич. Все деньги, которые копились на собственный дом, пропали. Банк, в котором они хранились, закрыли, владелец скрылся, узнать, что с деньгами, так и не удалось. Это стало одной из причин тяжелой болезни Григория Николаевича, он очень переживал за семью, которая вынуждена была купить керосиновую лавку, на которую только и хватило денег, жить в приспособленном помещении. Его достраивали уже в процессе, вновь собирая деньги, не гнушаясь никакой работы. Когда появлялась возможность, Григорий Николаевич умудрялся ездить даже на Украину. Там он покупал подсолнечное масло, а уже в Минске его продавал, накидывая цену. Разница была хорошей прибавкой в семейном бюджете. А соседи, по-хорошему завидуя предпринимательской жилке, называли Грека очень умным человеком. Но беда не отступала. В этот страшный период безвременья в семье умерло двое детей, совсем еще маленьких. Особенно горевали по Рае. Она успела стать любимицей — белокурая, словно куколка, непохожая на породе Греков. В семье же осталось три брата и три сестры.

Но жизнь продолжалась, и в ней детям все было интересно — и как устроен Минск с его витринами, шляпками, гренадией по рельсам конкой, театром, вывесками пошивочных ателье, модными горожанками, которые так отличались от женщин рабочей Ляховки и, несмотря на сложное время, хотели хорошо выглядеть, шумным рынком Верхнего города. Надежду родители иногда брали с собой за покупками. В Минске ей нравилось все, и все здесь разглядывалось с особым интересом. Такие поездки не проходили бесследно. Однажды у нее под подушкой нашли потрепанный журнал мод, потом еще появилась и книга о том, как вести себя в обществе. Это вызвало не просто удивление. Проблемы семьи были так далеки и от моды, и от светских манер.

Много лет спустя ее мама, Анастасия Игнатьевна, вспоминала, как Надя, которая вместе с братьями училась грамоте сначала дома под руководством отца, тайком доставала журнал, отыскивая там нужную страницу, и что-то внимательно рассматривала, изучала, затем открывала книжку и тоже внимательно изучала там какую-то главу. А потом перед зеркалом старалась повторить все, о чем прочитала, принимала разные позы, представляла, как будет прохаживаться по бульвару или набережной, сохраняя статью, осанку.

Вряд ли она тогда могла представить, что все так и будет когда-то в ее жизни. Но путь к той, новой, жизни предстоял долгий и нелегкий. В 1922 году, в 12 лет, Надежда поступила в профтехшколу, которая давала и среднее образование, и специальность швеи. В этом же году, в декабре, был образован Союз Советских Социалистических Республик, одним из учредителей которого стала БССР. Наступали новые времена, а с ними надежды на новую жизнь свободной страны, которую предстояло строить народу и для народа. За ним будущее. В это верила Надежда, как и все ее сверстники.

ИЗБРАННЫЕ. ДОРОГА В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

В июле 1938 года в Белоруссии прошли выборы депутатов в Верховный Совет БССР. Его Председателем была избрана Надежда Григорьевна Грек, ставшая первой и единственной женщиной с таким высоким статусом не только в республике, но и в Советском Союзе, по Конституции Белоруссии — фактически главой государства.

Сегодня можно по-разному относиться и к самим выборам, участие в которых было обязательным для каждого жителя республики, достигшего избирательного возраста. По-разному можно относиться и к квотам, установленным в отношении разных социальных групп населения республики для того, чтобы в новом парламенте были пропорционально представлены делегаты от рабочего класса и крестьянства, интеллигенции, которая именовалась тогда прослойкой между городом и деревней, но от которой тоже должны были присутствовать представители, указывавшие в графе о социальном положении: «служащий». А еще обязательно женщины как признак реального равноправия.

В Национальном архиве Республики Беларусь удалось найти уникальные документы за июнь—июль 1938 года. Это стенограмма 1-й сессии Верховного Совета БССР 1-го созыва от 25—28 июля 1938 года. Считалось, что они безвозвратно утрачены, ведь общеизвестным фактом является то, что архив Совнаркома БССР вывезли из Минска в первые дни войны, не удалось. Немцы наступали стремительно. Об этом свидетельствует Декларация записка секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко И.В. Сталину, В.И. Молотову, Л.М. Кагановичу «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 17 августа 1941 года (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 6. Л. 21—24).

В ней отмечалось: «Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске (в Доме правительства) и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и Председателем СНК БССР... Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.06.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог». Тем ценнее находка.

Фонд 968, опись 1, единица хранения 4, начато 25 июля — окончено 28 июля, на 59 листах. Здесь хранятся материалы той самой первой сессии, и они уникальны. В них — и стенографический отчет, и итоги кампании по выборам депутатов. Несмотря на то, что были квоты на всех и на все, в представленных протоколах по выборам депутатов от регионов формализма не усматривается. Сплошь обстоятельное обсуждение кандидатов, которым высказывалось все — от деловых качеств до одежды, которая вовсе не пролетарская, а буржуйская. И, конечно, наказания. Они так напоминают современные проблемы, будто все происходит вовсе и не в 1938 году — больницы на селе, школы, новые учебники, которые должны соответствовать духу времени, кооперация, товары для народа, цены... Ну чем не современное заседание белорусского парламента? Но в историю сессия вошла не только как первая всенародная кампания.

Заседание первое (25 июля 1938 г., вечернее).

Первый вопрос — Открытие 1-й Сессии Верховного Совета БССР.

Второй вопрос — Избрание Председателя Верховного Совета БССР и его заместителей.

Из стенограммы заседания 1-й сессии Верховного Совета БССР:

«Смоляр. В.П. (Минско-Сталинский округ). Товарищи депутаты, от группы депутатов Минской, Могилевской и Полесской областей, на основании ст. 26 Конституции Белорусской Советской Социалистической Республики, вношу предложение избрать Председателем Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики Грек Надежду Григорьевну, члена коммунистической партии (большевиков), 3-го секретаря Центрального Комитета коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, депутата от Ветковского сельского округа Гомельской области. (Аплодисменты).

Мелких. Есть ли еще какие-нибудь другие предложения по этому поводу.

Голоса с мест. Нет!

Мелких. Ставлю вопрос на голосование. Кто против? Кто воздержался? Единогласно!»

Решение об избрании Грек утверждено на заседании Бюро ЦК КП(б)Б от 26 июля 1938 года, протокол №8 «О Председателе Верховного Совета БССР». И приписка: «В ЦК ВКП(б) послана шифровка» (НАРБ. Ф. 4н. Оп. 1. Д. 12437.

Л. 58). В дополнение к напечатанным в ЦК материалам сообщалось: «На 1-й сессии 1-го созыва делегатами было избрано 67 женщин». Возможно, эта цифра сама по себе ничего не говорит современному читателю, привыкшему к участию представительниц слабого пола в большой политике. Тогда же это была реальная победа новой политической системы впервые в истории Беларуси в парламенте избраны женщины, причем не единицы, а от всех регионов республики.

Ответить на вопрос, почему этот факт отмечался как особо важный, помогут материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Она была проведена в соответствии с указом Николая II и давала такие сведения о женщинах Северо-Западного края: «В Минской, Витебской и Могилевской губерниях 97 процентов неграмотных женщин» (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург, 1897—1905. В 119 т. Могилевская губерния. Т. 23. С. 276; Минская губерния. Т. 22. С. 243; Витебская губерния. Т. 5. С. 283*).

А ведь от этой даты республику отделяло всего 30 лет и 20 — после революции, в течение которых был совершен рывок в плане всеобщей грамотности. Причем первая перепись 1926 года, проведенная в СССР, показала, что «неграмотных в БССР только 50% всего населения». И это результат, который достигнут за неполных 10 лет советской власти. «А по пятилетнему плану намечено ликвидировать неграмотность среди 500 тысяч человек и охватить обязательным обучением всех детей школьного возраста». Об этом с высокой трибуны съезда ЦК КП(б)Б в 1929 году в своем докладе, посвященном включению женщин республики в активные социальные процессы, говорил Ян Гамарник, первый секретарь Компартии Белоруссии (НАРБ. Ф. 4н. Оп. 2. Д. 60. Л. 27). Но и эти показатели уже не устраивали.

ПАРТИЯ И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Первые десятилетия советской власти в Беларуси — время особого внимания к участию женщин в строительстве нового общества. Успехи вроде бы очевидны — они есть на различных должностях в наркоматах, организациях, учреждениях. Это результат принятых в первые послереволюционные годы Декретов о раскрепощении женщин, предоставлении им равных прав с мужчинами на труд, общественную, политическую деятельность, права избирать и быть избранной, а также активной работы женотделов, созданных при ЦК партии и региональных парторганизаций.

Но на ключевых должностях женщин практически нет. Обеспокоенность, судя по тому количеству постановлений, которые были приняты по женскому вопросу в Беларуси, вызвала и ситуация, характерная в целом для республики: женщин крайне мало в местных органах власти, сельских советах, а те, что там работают, не имеют зачастую никакого образования, опыта, в том числе политического. Но на посещение клубов, кружков, рабфаков просто нет времени. Статистика неутешительная. Перепись 1926 года показала, что в республике было 464 508 грамотных женщин против 1 003 259 грамотных мужчин, причем с белорусским языком 348 868 женщин против 792 011 мужчин и с русским языком 44 492 женщины против 61 714 мужчин (*Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Первые сводки. М., 1927—1929. В 10 т. Вып. 5: Возраст и грамотность. Европейская часть РСФСР. Белорусская ССР. М., 1928*).

Анализ занятости женщин в управленческих структурах тоже неутешительный. Об этом серьезный разговор шел на XII съезде КП(б)Б, который рассматривал вопрос о выдвижении женщин на ответственную работу. Его обсуждение на столь высоком уровне — факт уже сам по себе уникальный. В дореволюционной России, демократической Европе того периода о таком и не мечталось.

Национальный архив Республики Беларусь, фонд 4п, опись 2, дело 60. Объемная стенограмма на более чем 600 страницах, многоплановый доклад Гамарника. Перелистываешь пожелтевшие страницы почти столетней давности, а вопросы такие знакомые, не потерявшие актуальности и сегодня, — детские сады, школы, медицина... Но обращает на себя внимание то, как расставлены акценты, приоритеты. Нигде практически не говорится о семье. О ней позаботится государство. А вот как организовать все социальные институты, чтобы высвободить время для женщины заниматься политической, управленческой деятельностью?

Из выступления т. Кремера по обсуждению доклада Гамарника. Лист 179: «...мы маем шмат ясьляў, дзіцячых садоў, якія нядосыць добра яшчэ прыстасаваны да самой работніцы, яны працуюць 8 гадзін. Мы павінны пераглядзець усе бытавыя ўмовы работніц, куды мы трацім сродкі, каб мы маглі тыя сродкі выкарыстоўваць з большым эфектам, каб уцягнуць у справу кіравання нашай дзяржавай, у справу работы нашай партыі большую частку работніц».

И далее: «Мы павінны паставіць сабе асноўнай мэтай уцягненне батрачак, беднячак, сераднячак у вытворчае коопэраваньне, уцягненне калгасніц у работу ўсяго калгаса, каб яна там ня была 5 колам у возе, як зараз, а прымала больш удзел ва ўсёй гаспадарчай працы калгасу».

Дискуссии о том, что женщину освободили, но она оказалась закрепощенной еще больше, достаточно эмоциональные. Работа, активное участие в политкружках, посещение рабфаков, но это занимает 8 часов, столько же приходится на дом, семью, детей. Как решить женский вопрос в Беларуси, как реально разгрузить женщину, дать возможность получать образование, активно участвовать в работе органов власти всех уровней?

Но что бросается в глаза — среди выступающих сплошь известные имена, руководители партии — Ян Гамарник, Александр Червяков, Антон Балицкий, Дмитрий Прищепов и другие — сплошь одни мужчины, принимавшие участие в дискуссии. Отмечено лишь одно приветствие рядовой работницы Лисовской, избранной от одной тысячи делегатов Минска. Может, потому, что женский вопрос в свое время взялись решать мужчины и все еще продолжают делать это сегодня, он остается таким спорным и актуальным. Но документ уникальный. Он не только отражает дух того времени, но и помогает объяснить многие современные тенденции. Съезд рассматривал проблемы женщин в особом ракурсе: как сделать так, чтобы женщина могла учиться, повышать свой культурный уровень, участвовать в управлении. Это было приметой времени, которая отражалась буквально во всем, даже в строительстве жилья, где и кухни-то необходимо было заменить общественными столовыми.

И такие подходы воплощались в жизнь. В Минске в начале 1930-х годов за Красным костелом начали возводить оригинальное здание в стиле модного тогда конструктивизма. Им оказалась фабрика-кухня, где готовились обеды, которые могла купить каждая семья, не тратя времени на приготовление пищи дома. Здесь же была большая столовая, где обслуживались работники Дома правительства и наркоматов. Все компактно, удобно, и никакой лишней траты времени. Иди знаменитый дом на набережной в Москве, построенный в 1931 году для партийной и советской элиты, где жильцам не было необходимо готовить, ведь на первом этаже здания находились столовая и прачечная. Именно поэтому кухни в этом доме удивительно маленькие. Особенно это важно было для женщин, раскрепостить которых ставилась задача в числе первоочередных.

Эти и последующие решения во многом объясняют ситуацию в СССР более позднего периода, когда на первое место, в том числе и для женщин, ставились общественные интересы, а потом уже личные. И это уже стало нормой. Как сложно было понять советскому человеку, что проблема конкретного члена семьи может быть важнее партийного собрания. А все начиналось в далеких 1920-х годах, когда формировался тип советского человека, советской женщины-труженицы, создавалась та среда, в которой воспитывалось не одно поколение страны Советов.

Вспоминаются первые годы перестройки, когда в СССР вдруг зачастили лидеры капиталистических стран, их рассказы о семье, первые леди, сопровождающие их в поездках. Маргарет Тэтчер и ее первое интервью советскому телевидению, наделавшее столько шума, — у премьер-министра Великобритании спрашивают про ракеты, и это вызывает ее недоумение: она же в первую очередь женщина, а потом политик. Как все было тогда необычно.

Но у любого явления есть две стороны. Именно благодаря решениям первых послереволюционных лет современная женщина — в первую очередь образованная и социально активная. А XII съезд КП(б)Б стал своего рода отправной точкой. Он подводил определенные итоги и ставил перспективные задачи.

Они рассматривались на фоне общей ситуации в стране, тех достижений, что дала республике советская власть всего за 12 лет своего существования, в том числе и для изменения статуса женщины, которой еще недавно отводилась роль всего лишь домашней хозяйки.

Чтобы понять, что удалось сделать за этот короткий временной отрезок в плане образованности белорусов, представителей других национальностей, достаточно обратиться к документам, к стенограмме съезда.

Лист 27—28, из доклада Гамарника: «Первый вопрос — ликвидация неграмотности. Белоруссия, не имевшая до революции ни одного высшего учебного заведения, сейчас имеет их четыре, и Академию наук, и ряд других учреждений».

Как видно из материалов съезда, путь к высокообразованной нации только начинался. Образованность до этого была уделом лишь небольшой части общества — зажиточной шляхты. В докладе говорится и об ошибках, которые признаются: «Необходимо: а) всеми мерами... ликвидировать имевшие место отдельные ошибки недопущения в школу детей крестьян-середняков и трудовой интеллигенции; б) усилить интернациональное воспитание». Решение женского вопроса увязывалось с предоставлением равных прав всем национальностям, проживающим в республике, представительницы всех национальностей должны иметь равные социальные права.

Лист 44: «Мы имеем рост экономический и культурный как трудящихся белорусской нации, так и национальных меньшинств. В отношении самого крупного меньшинства — трудящихся евреев проделана большая работа, особенно в части землеустройства, также проделана большая работа в отношении поляков, латышей, культурные нужды русской части удовлетворяются также в полной мере».

Особое внимание в связи с этим уделяется белорусскому языку, национальной культуре. Вот лишь только одна ссылка: «В области театра у нас, как и в Советском Союзе в целом, еще очень мало подлинно своего. Поэтому нужно всемерно поддерживать хорошую... свою белорусскую театральную продукцию». И это 1929 год, а как современно все звучит. На самом же съезде доминирующим рабочим языком был белорусский (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 2. Д. 60. Л. 29*).

И последний штрих к ситуации начала 1930-х годов. В предисловии к материалам переписи по БССР констатировалось: «Несмотря на краткость срока существования белорусской школы и легальной белорусской литературы, число белорусов, знающих родную грамоту, к моменту переписи оказалось очень значительным. На 1.467.767 грамотных белорусов 694.839, т.е. почти половина, показали себя грамотными на белорусском языке, из них 340.645 было грамотных и на белорусском, и на русском языках».

Преобразования в стране создавали условия не только для того, чтобы получить образование, но и реализовать свои возможности, особенно женщинам. Надежда Григорьевна относилась к числу именно таких.

Может сложиться впечатление, что во властные структуры Грекова, которой на момент избрания на высокий пост было всего 28 лет, пришла, что называется, на волне событий. Обстановка в стране в целом в 1938 году действительно крайне сложная, что не обошло стороной и республику. Репрессии практически выкосили кадровый состав госорганов. В большинстве наркоматов не было наркомов, не был в полном составе укомплектован даже аппарат СНК БССР, Госплана. Приставка «врио» — временно исполняющий обязанно-

сти, стала нормой. В республике — острейшая проблема не просто грамотных подготовленных кадров, а заполнения вакансий.

Надежда Григорьевна относилась к категории хорошо подготовленных кадров. Должность Председателя Верховного Совета БССР вовсе не была неожиданным или случайным взлетом молодой красивой женщины. Грекову в республике уже хорошо знали. Несмотря на свой возраст, она прошла все ступеньки и хозяйственной, и управленческой деятельности. В книге «Женщины страны социализма» о Грековой читаем: «В 1927 году Надежда Григорьевна после окончания профессионально-технической школы швейников стала работать швеей на Минской швейной фабрике. Одновременно работала в комсомоле и училась, быстро завоевала большой авторитет среди работниц. Через некоторое время ее избрали членом пленума и президиума Центрального правления союза швейников».

Из книги также узнаем, что она работала на фабрике «Минская швея», а затем до 1931 года — на фабрике «Октябрь», где внесла немало рационализаторских предложений, за что была назначена начальником сектора рационализации. А с 1933 по 1937 год работала сначала заместителем, а затем председателем Центрального правления союза швейников в котором состояло более 17 тысяч человек. То есть производство знала вовсе не понаслышке. И еще один малоизвестный факт биографии. Когда страна готовилась к избирательной кампании в Верховный Совет СССР, Грекова была выдвинута председателем республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет Национальностей СССР, то есть, по современным понятиям, возглавляла в республике ЦИК. И, как сказано в книге, «работая на этом посту, Грекова оправдала доверие партии и народа» (*Женщины страны социализма*. М., 1939. С. 53—54). Поэтому к моменту своего избрания на пост Председателя Верховного Совета БССР она вовсе не была случайным человеком, а вполне подготовленной для этой деятельности. Не была она новичком и в партии.

В Минском областном архиве удалось найти уникальный документ. Он датирован 23 октября 1931 года. Это заявление в партячейку №8 от работницы Н.Г. Грек с просьбой перевести ее из кандидатов в члены партии, каковым являлась с 13 февраля 1930 года. Оно написано на клочке папиросной бумаги, карандашом, от руки, все так наивно, трогательно, но совершенно серьезно, — примета того времени, когда до бюрократии было еще далеко, а человека оценивали по делам. На нем резолюция и тоже карандашом: «Перевести». Надежда Григорьевна, судя по прилагаемым рекомендациям, была не только уважаема, но имела свой стиль во всем — в работе, в умении общаться с людьми, умении подать себя, хорошо и со вкусом одеваться. Заученные когда-то в детстве советы по этикету теперь имели все шансы воплотиться в жизнь, и они воплощались. А умение шить, работа на фабрике только добавляли творческой фантазии — ее образ не всегда вписывался в общепринятые пролетарские каноны.

ШАРМ ПО-ПРОЛЕТАРСКИ

Картины Кузьмы Петрова-Водкина «Девушка в красном платке», «Первая демонстрация», «Весна», других советских художников 1920—1930-х годов. На них — образ современниц Грековой и мода того периода: красная косынка, кожанка, пролетарская кепка — одежда, которую историки моды впоследствии назовут стилем конструктивизма, направления, родившегося в СССР как результат кардинального преобразования образа советского человека, свободного от предрассудков. В одежде ничего лишнего, ничего того, что могло бы отвлекать внимание от самой женщины. Простота, лаконичность, авангард. Этакий шарм по-пролетарски. К разработке нового социалистического стиля были привлечены даже известные художники, скульпторы, над ним работала сама Вера Мухина, автор знаменитой скульптуры «Рабочий и колхозница».

И на этом фоне совершенно другая Надежда Грекова. Сегодня, в начале 21 века, бум на вышиванки. Но в 1920—1930-х годах прошлого столетия в республике это была распространенная одежда, в которой, судя по фотографиям, ходили руководители партии, правительства, и это было признаком хорошего тона. На первом снимке, размещенном на страницах газет с информацией об избрании Председателем Верховного Совета БССР, Надежда Григорьевна тоже в вышиванке, но она всегда старалась создать какой-то интересный ансамбль в одежде, оригинально сочетать его с деловым стилем.

Перелистывая страницы белорусских газет с информацией о выступлениях Грековой на различных мероприятиях, перебирая фотографии разных лет, ловишь себя на мысли о том, каким хорошим дизайнером женской одежды она могла бы стать, оставаясь в профессии. Это была красивая электика — вышиванка и строгая жилетка-пиджак, строгое платье, но с эффектными накладками, дополненное кружевным жабо из модных тенденций начала века, и нигде ни намек на френч, аскетизм партийного стиля.

А дискуссии на этот счет в стране тоже не шуточные. Ведь одежда являлась тогда своего рода элементом политической агитации, и об этом говорилось повсеместно. Подшивки газеты «Комсомольская правда» только за 1929 год. В них — широкая дискуссия о новом быте: какие дома и квартиры нужны рабочим, какой должна быть настольная лампа, чем заменить кружева и фарфоровые статуэтки в оформлении жилища, каким должен быть костюм комсомольца... Центральная проблема — формирование стиля советской моды. В одном из номеров читаем: «Кооперативные и частные швейные мастерские не в состоянии выполнить заказов на мужские и женские формы «Юнг-штурма», которые сыплются на них со всех сторон. Прекрасное явление: оно доказывает: 1) что имеется материальная возможность к улучшению одежды нашей молодежи, и 2) что имеется ярко выраженная потребность противопоставить образцам «лучшей одежды» из магазинов на Петровке и Кузнецком мосту какую-нибудь свою, советскую, «комсомольскую» моду».

В европейской моде — время перемен, господствует стиль Коко Шанель, во многом заимствованный из мужского гардероба. Марлен Дитрих шокировала мир, надев брючный костюм, в одежде демократизм. Модные тенденции Европы до СССР особо не доходили, женщины черпали информацию главным образом из приложений к советским журналам. В республике в ноябре 1924 года вышел первый номер «Беларускай работніцы і сялянкі» — органа отдела по работе среди женщин, позже ставшего выходить под названием «Работніца

і калгасніца Беларусі». На фоне статей с броскими названиями «Як я затрыма-ла шпіёна», «Змагаемся за сталінскі ўраджай», «Навучымся вадзіць самалёты», «Вучымся абараняць радзіму» было и приложение для женщин — кулинарные советы и обязательно модели. Доминировали платья с лаконичными строгими линиями, воротнички, высокие плечики.

В 1934 году в Москве на Сретенке открылся первый советский Дом моды с очень странным названием «Трест Мосбелье», который предлагал новые направления в моде в духе времени. Например, в СССР отсутствовала бижутерия, которая в то время была распространена в Европе и США. Вместо этого для разнообразия женского гардероба вводилась мода на ансамбли — подбирать в тон перчатки, сумку, шляпку. Эта тенденция 1930-х годов так прочно вошла в сознание многих поколений советских женщин, что не отказались от нее и сегодня, она стала уже хрестоматийной. Тогда же, при дефиците на модели, было найдено еще одно решение, проблема компенсировалась расцветками тканей — клетка, полоска, горошек, одежда из однотонных тканей не являлась особо модной.

За тем, как формировался стиль Грековой-руководителя, можно проследить на примере все того же журнала «Роботніца і калгасніца Беларусі». Именно этот журнал в 1938 году первым разместил сообщение об избрании Грековой Председателем Верховного Совета и ее портрет, на котором она в модной, но выполненной в оригинальном стиле, вышиванке. Именно с этим журналом у нее сложилось тесное сотрудничество, здесь освещались ее встречи с женщинами, с творческой интеллигенцией. На этих снимках она разная — в Большом театре, на официальном мероприятии, в трудовом коллективе. Наверное, никто не будет отрицать, что на женщин-политиков, руководителей смотрят с особым интересом, их рассматривают с пристрастием, оценивая одежду, причёску, аксессуары, улавливая модные тенденции, стремятся подражать им. Во многом благодаря образу Грековой формировался деловой стиль женщины-управленца и в республике.

У Грековой все строго, но женственно. Она сама шила, и стиль ее одежды очень интересный благодаря, пожалуй, мягким линиям, которые она привносила в деловой костюм, которому в предвоенный период все больше отдают предпочтение в высших эшелонах власти. К нему Надежда Григорьевна добавляла элементы, подчеркивающие женственность, — элегантный шарфик, кружево, впоследствии брошь, бусы, меха на приемах. Но все было в рамках делового стиля, все дополняло, делало красивую женщину еще более привлекательной. Сегодня это эксклюзив. И что бы кто ни писал о стиле деловой женщины, делающем ее образ слишком официальным, он может быть красивым, добавляющим некий шарм, подчеркивающим, что за внешней строгостью — просто интересная женщина. И Грекова доказывала это своим стилем. К тому же мудрость крылатого расхожего выражения «По одежке встречают» еще никто не опроверг. Но за привлекательным образом Надежды Григорьевны стояла женщина, как показало время, с твердым характером, которой пришлось решать далеко не женские проблемы.

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Кто-то может возразить: Председатель Верховного Совета — пост, который предполагал больше представительские функции, все решалось в ЦК партии. Да, это так. Но Надежда Грекова пришла на эту должность тогда, когда уже являлась секретарем ЦК Компартии Белоруссии, причем курировала промышленность в очень сложное время, когда полным ходом шла индустриализация страны, в республике велись знаковые стройки, которые впоследствии определяли ее промышленный потенциал. К этой очень ответственной должности добавился пост Председателя Верховного Совета, и тоже очень ответственный.

На первой сессии были приняты важные для республики решения, закрепляющие положение о территориальных изменениях, которые вносились в Конституцию БССР. Вместо трех областей — Минской, Могилевской и Полеской — статья 14 формулировалась иначе. В ней говорилось: «Белорусская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской и Полеской». То есть закреплялось ее территориальное расширение. Население с 1,6 миллиона жителей увеличивалось до 6 миллионов 122 тысяч после того как в 1926 году в состав БССР были возвращены восточно-белорусские земли.

Расширялись и права СНК, в частности ему предоставлялось право отменять приказы и инструкции народных комиссаров БССР также были приняты постановления «Об образовании Правительства БССР — Совета Народных Комиссаров БССР» и «Об утверждении структуры местных исполнительных органов власти» с утвержденным перечнем отделов. Их деятельность, начиная от СНК до местных органов власти, была подконтрольной Верховному Совету. Чтобы осуществлять просто взаимодействие с организациями исполнительной власти, в их работе нужно было элементарно разбираться.

На сессии был принят и еще один интересный документ — Закон «О возмещении для депутатов Верховного Совета БССР расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей». Именно с тех пор и по сей день регулируются материальные вопросы народных избранников. В 1938 году на период работы сессии устанавливались суточные в размере 75 рублей, а в целом на выполнение депутатских обязанностей выделялось 500 рублей, предусматривался бесплатный проезд на всех видах железнодорожного и водного транспорта. По смете Президиума Верховного Совета БССР предусматривалось выделение 100 тысяч рублей в год и Председателю Верховного Совета БССР на работу с депутатами, представительство и на отпуск (НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 5. Л. 48—51). Следует отметить, что, согласно отчетности по исполнению статей расходов, по двум последним позициям у Грековой была сплошная экономия.

Что касается парламентской деятельности, то сессии рассматривали сложнейшие вопросы законодательства, в которых нужно было не просто разбираться, а вносить предложения, корректировать их, а для этого хорошо знать проблему. Перелистывая повестки сессий, материалы с обсуждениями актуальных проблем, убеждаешься, что конец 1930-х годов при всей сложности обстановки в стране вовсе не был временем единогласного одобрения. Это произойдет гораздо позже. По многим вопросам — жаркие дискуссии. Депутаты спорили, не соглашались, высказывали свое мнение. Да, голосовали в основном единогласно, но после дискуссий, обсуждений. Чего только стоят дискуссии на втором заседании сессии по поводу бюджета, об изменении за-

конодательства, которое должно быть в одних руках, а не достоянием разных ведомств, споры об изменении герба республики. Теперь вместо дубовых ветвей на нем колосья пшеницы, вместо четырех языков официальными государственными становились два — белорусский и русский, и это тоже отражено на изображении герба. А еще идеологически выдержанные в духе времени телеграммы в адрес Сталина, который в Верховный Совет СССР баллотировался от Минска — факт особого доверия к белорусской партийной организации. Все заседания ведет вновь избранный председатель — Надежда Грек. Ей всего 28 лет, но, судя по комментариям, которыми она сопровождала выступления депутатов, это достаточно компетентный руководитель (*НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—59*). Надежда Григорьевна принимала серьезное хозяйство, к обязанностям секретаря ЦК КП(б)Б по промышленности добавлялись депутатские.

СТАЛИН — ГРЕКОВОЙ. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

При всей важности вопросов, которые входили в компетенцию Председателя Верховного Совета, главными оставались все-таки вопросы индустриализации — вопросы секретаря ЦК по промышленности. Ими Грекова занималась с 1937 года. В своих неопубликованных воспоминаниях «О времени и о себе» она писала: «В 1937 году окончила вечернее отделение института хозяйственников и была выдвинута на партияную работу в аппарат ЦК КПБ вначале заместителем, а потом заведующей промышленно-транспортного отдела ЦК. На XVII съезде ЦК КПБ в 1938 году была избрана третьим секретарем ЦК КПБ» (*Н. Грекова. О времени и о себе. С. 4*). То есть и это избрание тоже было далеко не спонтанным.

Но этому выдвижению предшествовала история, в которой до последнего сохранялась интрига. После очередной поездки первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко в Москву туда срочно вызвали Надежду Грек. Это настораживало, ведь она всего лишь сотрудник аппарата ЦК союзной республики и это вовсе не ее уровень: «Товарищ Пономаренко сказал мне, что нужно поехать в Москву в ЦК ВКП(б) якобы для утверждения меня зав. отделом ЦК. Заучивала цифры показателей всех отраслей промышленности. Будучи на приеме у секретарей ЦК ВКП(б), я, естественно, очень волновалась. А на приеме разговор шел, как потом я уже поняла, чисто ознакомительный со мной, общий: о природных ресурсах в республике и какое мнение мое об отдельных республиканских деятелях. Это была проверка на зрелость и кругозор, объективность и партийность в подходе к тому или другому вопросу» (*Н. Грекова. О времени и о себе. С. 6*).

Но с какой целью? Ведь для утверждения на должность заведующего отделом этого вовсе не требовалось. Только спустя какое-то время Надежда Григорьевна узнала, что разговор по поводу ее кандидатуры состоялся лично с товарищем Сталиным. Слишком уж смелым было предложение белорусской партийной организации, поэтому Пономаренко посчитал правильным обсудить «важный для республики вопрос» сначала с первым секретарем ЦК ВКП(б), чтобы снять другие, которые обязательно последовали бы: и о слишком молодом возрасте для руководителя такого уровня, и о сомнениях, в состоянии ли справиться со столь ответственным участком работы. Об этом разговоре Пантелеймон Кондратьевич рассказал Грековой много позже, особенно о том, как

убеждал Сталина: «...есть в республике молодая, пробивная, в партии с 22 лет, с опытом работы». Каким был разговор, история свидетельств не сохранила, известен результат. «Как потом стало известно, основная цель моего вызова в ЦК ВКП(б) была ознакомление с моей кандидатурой на предмет выдвижения меня третьим секретарем ЦК КПБ и избрания Председателем Верховного Совета БССР. Сталин одобрил предложение ЦК КПБ о моем смелом выдвижении. Мне тогда было 28 лет. Посоветовал изменить фамилию. «Пусть все знают, говорил товарищ Сталин, что в БССР возглавляет верховный орган Советской власти женщина. Фамилия Грек неясно определяет, женщина это или мужчина, а Грекова ясно, что женщина. Пусть все читают и знают, что у нас Верховный орган власти возглавляет женщина» *(О времени и о себе. С. 6—7)*.

Сталин Грекову запомнил и, как показали дальнейшие события, ее деятельность никогда не выпускал из виду, а судьбой и даже личной жизнью всегда интересовался. Но это будет потом, а пока, после избрания на столь ответственные посты, Грекова с головой ушла в работу. Судя по тем сложным задачам, которые решались, это было трудное, но уникальное время. Республика была одной большой стройкой. Многое создавалось впервые. Читаешь протоколы заседаний Бюро ЦК, и словно вновь проживаешь историю страны. То, что сегодня воспринимается обыденным, само собой разумеющимся, тогда становилось событием. Впервые Минск и Москву связало авиасообщение, стал функционировать первый в истории аэропорт. Строились здание Театра оперы и балета, первая клиническая больница, библиотека имени В.И. Ленина, Дворец пионеров, окружной Дом Красной Армии. Готовился и генеральный план застройки города. Судя по новостройкам — в экономике республики осуществлялись небывалые преобразования. Но ситуация была достаточно сложная.

ДАЕШЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ!

Период середины 1930-х годов можно назвать своего рода переходным от экспериментов, которые во многом закончились далеко не теми результатами, которые ожидались, — НЭП, политика военного коммунизма, тактика «Большого скачка», провозглашенная Сталиным в 1929 году, и другие — к более взвешенным подходам в развитии индустриализации, в том числе и в Беларуси, где она имела свои особенности. А это значительное количество хуторских хозяйств на ее территории как результат преобладающей чересполосной формы землепользования, причем с низким качеством земли; высокая доля частного сектора в промышленности (до 50% республиканского объема промышленного производства) и доминирование мелких предприятий.

Следует также иметь в виду, что за период НЭПа произошло 3 экономических кризиса: 1923 года, 1925—1926 годов, 1927—1928 годов, которые тоже не могли не отразиться на ситуации в экономике Беларуси. Последствия ощущались и в середине 1930-х годов. Но тем не менее успехи первой пятилетки демонстрировались на выставке народного хозяйства, которая открылась в Минске 10 августа 1930 года. Как ни парадоксально, она стала самой масштабной не только за всю историю Советской Белоруссии, но и периода независимости, о чем свидетельствуют материалы Белорусского государственного архива научно-технической документации. Сегодня, проезжая мимо площади Калинина в белорусской столице, в районе проспекта Независимости, 91—93,

вряд ли кто-то может представить, что здесь на площади в 75 гектаров были размещены специально построенные уникальные по своему архитектурному решению и художественному оформлению павильоны. Их авторами являлись белорусские специалисты, многие из которых впоследствии стали выдающимися: Алексей Денисов и архитектор-модернист Станислав Гайдукевич, Гаврила Горецкий, молодой академик, брат Максима Горецкого, известные белорусские художники Иван Ахремчик, Валентин Волков и другие. Огромная территория поглощала и Большую Степянку, и район парка Челюскинцев, и выходила к Борисовскому тракту. К примеру, Всемирная Парижская выставка 1900 года занимала 216 гектаров. Минская фактически составляла ее третью часть, и это в небольшой по территории и численности населения республике. Ее посетило около полумиллиона жителей Беларуси и зарубежных гостей, к ней даже провели отдельную трамвайную линию, не метро, как в Париже, но все же.

Однако уникальность выставки была в содержании. На ее территории разбили опытные поля, где демонстрировали технологию выращивания зерновых культур, лекарственных растений. В оригинальных павильонах демонстрировались достижения всех отраслей народного хозяйства. Здесь даже были выстроены павильоны «Белгоскино» и «Белгосиздательства». К сожалению, этот уникальный памятник первым достижениям экономики Советской Белоруссии был очень быстро предан забвению из-за начавшихся арестов создателей выставки. Тогда были репрессированы Гаврила Горецкий, председатель художественного совета выставки Язэп Дыла, искусствовед Николай Щекотихин, историк Михаил Мелешко, заведующий отделом мелиорации профессор Александр Дубах и другие. Грандиозное сооружение разрушили, а все, что там происходило, — вычеркнули из истории республики. Были даже уничтожены плакаты, практически готовый альбом фотографии. Самого фотографа тоже арестовали. Но значение той первой выставки для становления экономики республики в первые десятилетия ее истории неопределимы. Это была уже база, пример того, как за короткий срок можно добиться реальных успехов. И они впечатляли.

Именно на этой выставке были представлены предприятия, которые только создавались и которым впоследствии придавалось особое значение в развитии белорусской экономики, — «Осинторф» и Оршанский льнокомбинат. Именно эти предприятия не просто на контроле у секретаря ЦК Грековой, она их курировала, отвечала за их развитие. Они, выражаясь современным языком, были флагманами республики. Почему? Ее экономика являлась составной частью экономики СССР, и индустриализация республики проходила тоже как составная часть единого процесса в масштабах всей страны. Центральное руководство считало нецелесообразным развитие в регионе тяжелой промышленности и предприятий военно-промышленного комплекса. Это было обусловлено ее геополитическим положением приграничной территории СССР — в случае военных действий экономические потери были бы огромными, а также отсутствием уже разведанных месторождений нефти, газа, каменного угля, железных руд.

Поэтому развитие промышленности республики было ориентировано на использование местного сырья. Главными стройками являлись «Осинторф», который к концу 1930-х годов начинает применять гидравлический способ добычи торфа, пришедший на смену ручному, и Оршанский льнокомбинат, значительно расширивший производство, — вместо одного чесального цеха

строятся прядильный, ткацкий, отделочный. К нему внимание особое. Лен — продукция экспортная, валюта для молодой страны крайне необходима. Но не все шло гладко. Совещания, анализ ситуации, жесткие решения, много прямых поручений Грековой. Вопросы к работе завода «Осинторф» тоже серьезные. Записку на Бюро ЦК КП(б)Б по всем проблемам готовит Надежда Григорьевна. Постановление «О работе завода Осинторф» от 02.09.1938 года жесткое: «Заводом Осинторф сорвано выполнение государственного задания по добыче торфа, что создало крайне напряженное состояние в топливном балансе энергопромышленности БССР» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12459. Л. 1).

На контроле и строительстве Оршанского льнокомбината, важнейшего предприятия не только для республики. Национальный архив Республики Беларусь, фонд 4п, опись 1, дело 12437, лист 1, специальное постановление Бюро ЦК КП(б)Б от 26.07.1938 года «Об окончании строительства и подготовки к пуску Оршанского льнокомбината». Ситуация критическая: «генеральной сметы и утвержденного ген. плана до сего времени нет», «несвоевременное поступление электрооборудования» и далее в том же духе. И жесткие поручения «установить срок пуска Оршанского льнокомбината на полную мощность во втором квартале 39-го года и просить ЦК ВКП(б) обязать Госплан и Наркомлегпром СССР обеспечить строительство льнокомбината финансированием и оборудованием к указанному сроку».

Много упреков не только по этому, но и по другим объектам к наркому тяжелой промышленности Лазарю Моисеевичу Кагановичу. Пункт 3 постановления гласил: «Довести до сведения Наркома тяжелой промышленности Л.М. Кагановича о создавшейся угрозе срыва пуска в 1938 году второй очереди Белгреса из-за несвоевременного поступления по вине Главэнерго электрооборудования — недостает 30 км. кабеля и др. оборудования, что ставит под прямую угрозу срыв пуска льнокомбината».

Лазарь Моисеевич в будущем припомнит такие вольности белорусской партийной организации, а пока ее руководство писало письма в ЦК, товарищу Сталину по поводу недостатков в работе Наркомата тяжелой промышленности. За ними следовали поездки в Москву Грековой как кураторастроек, отраслевого заместителя Председателя СНК на личный прием к всеильному наркому. Очень тактичная в оценках вышестоящего начальства, Надежда Григорьевна в своих воспоминаниях, хотя и вскользь, все же не смогла удержаться от характеристики весьма своеобразного стиля руководства Лазаря Моисеевича, особенно его словарного запаса. В кабинете стоял сплошной крик, а в перерывах — принятая в народе (читай ненормативная) лексика, уровень безграмотного в полном смысле человека, не окончившего даже начальной школы и взлетевшего до невиданных высот. Но важен был результат. Республика получала в первую очередь и кабель, и оборудование. А руководители старшего поколения, причем всех уровней, наверняка помнят, что в советское время это стало вполне нормальной практикой — ходить по высоким кабинетам столицы и выпрашивать цемент, оборудование, технику. А все начиналось с далеких 1920—1930-х годов.

Именно тогда начал формироваться «особый статус» Беларуси как сборочного цеха Советского Союза. Строительство крупных промышленных производств размещать на ее территории не совсем оправдано временем и географическим положением. А вот кооперация с крупными заводами СССР вполне оправдана: заводом по выпуску грузовых машин, тракторов. Она закладывала

основы интеграционным процессам, которые позволили уже в 1950-х годах превратить республику в высокотехнологичный регион, развеять стереотипы как о только аграрной, которые в середине 1930-х годов были буквально навязаны БССР. В связи с этим с большой благодарностью хочется вспомнить усилия Кирилла Трофимовича Мазурова, первого секретаря ЦК Компартии Беларуси, который не только настоял на размещении, строительстве на территории республики крупных промышленных производств, но и на проведении в 1950-х годах геолого-разведывательных работ, в результате чего мы сегодня имеем шахты по добыче калийных удобрений, речичскую нефть.

Тогда же, согласно пятилетнему плану, предполагалось расширение металлообрабатывающей, машиностроительной и перерабатывающей промышленности, создание энергетической базы в размерах, необходимых для полной электрификации всех производственных процессов в промышленности, а также увеличение добычи торфа, производства строительных материалов из местного сырья. Не меньше внимания было местной промышленности, промкооперации, быстрому развитию отраслей, базировавшихся на переработке своего сырья: керамической, стекольной, спичечной, деревообрабатывающей, бумажной, других видов, первоочередному развитию легкой и пищевой промышленности.

В стране катастрофически не хватало так называемого ширпотреба, элементарных и нужных в хозяйстве вещей, таких как посуда, ведра, обувь. Особый раздел — переработка сельхозпродукции и создание консервных комбинатов. Последствия голодомора начала 1930-х годов преодолеть удалось, но об его уроках помнили, а еще развитие предприятий местного значения, начиная от металлостроительных до маслозаводов. Все решения по этим проблемам — на контроле ЦК. Но темпы, итоги работы не устраивали. Это констатировалось на большом совещании «О развитии местной промышленности и промкооперации в Белорусской ССР» под председательством Н. Грековой. Его основные программные положения широко обсуждались во всех партийных организациях, на страницах газет. Большая дискуссия велась в «Советской Белоруссии» в номере за 8 сентября 1939 года. Вот только некоторые разделы: 1. Местная промышленность БССР работает неудовлетворительно. 2. Расширение производства товаров ширпотреба — важнейшая задача. 3. Развернуть в каждом районе широкую сеть мелких предприятий. 4. Правильно разместить местную промышленность территориально. Ну чем не современные проблемы, необходимость возрождения градообразующих предприятий для малых городов, фактически уничтоженных в начале 1990-х годов и с таким трудом создававшихся в 1930-х.

Тогда эти решения были архиважными. Предприятия местной промышленности становились центрами развития регионов, позволяли снять очень острые вопросы занятости населения, обеспечить большое количество людей работой. Быховский сначала ацетоновый, затем преобразованный в овоще-консервный комбинат, Рогачевский молочно-консервный (1938), Добрушская бумажная фабрика и еще много других предприятий местной промышленности вдохнули новую жизнь в регионы, способствовали их развитию, многие впоследствии и вовсе стали брендами страны. Об этом говорит даже памятник белорусской рогачевской сгущенке, установленный уже в 21 веке. Какое это имело значение для развития республики, говорят цифры. К 1940 году в местной промышленности была занята практически половина трудоспособного на-

селения. Преобразалась и Ляховка. Здесь произошло объединение небольших заводов в одно крупное предприятие — кожзавод «Большевик», за счет расширения старого чугунолитейного завода создан современный завод «Энергия», обновлен и дрожжевой завод «Красная заря», построен завод цепей, которые превратили Ляховку в развитый промышленный район города, где в 1933 году проложили первую трамвайную линию.

О том, каких результатов удалось тогда добиться республике в целом, красноречиво свидетельствуют материалы IV сессии Верховного Совета БССР, проходившей 25—27 апреля 1940 года, в частности доклад Наркома финансов БССР И.З. Степанова: «За 1939 год валовая продукция промышленности БССР по сравнению с 1938 годом выросла на 6,9 процентов, в том числе Наркомата местной топливной промышленности на 34,4 процента, Наркомата местной промышленности — на 12,6. Государственный бюджет выполнен по доходам на 105 процентов и по расходам — на 102,8» (*IV сессия Верховного Совета БССР 25—27 апреля 1940 года. Стенографический отчет. Минск, 1941. С. 14*).

Промышленность не только в Беларуси, но и в целом в СССР развивалась достаточно высокими темпами. К концу 1930-х годов по объему промышленного производства он вышел на 2-е место в мире. В БССР за 1929—1940 годы было построено и реконструировано около 2 тысяч предприятий, на которых производилось 80% всей промышленной продукции. Возникли новые отрасли промышленности (стальное строительство, сельскохозяйственное машиностроение, моторостроение). К концу 1930-х годов произошло некоторое оживление сельскохозяйственного производства. Объем валовой продукции сельского хозяйства, который резко понизился в 1929—1932 годы, к концу 1940 года в основном достиг уровня 1928—1929 годов. Возможно, кому-то эти показатели покажутся наивными, но это действительно был прорыв для еще недавно аграрной республики.

Товарищ Степанов в своем докладе не забыл обратить внимание на еще одну важную составляющую таких показателей: «Этих успехов Белорусская ССР достигла в результате огромной помощи великого героического русского народа народу Советской Белоруссии, разгрома троцкистско-бухаринской банды и в результате повседневных забот партии Ленина—Сталина» (*IV сессия Верховного Совета БССР 25—27 апреля 1940 года. Стенографический отчет. Минск, 1941. С. 14*). Риторика таких выступлений, правительственных решений становилась нормой.

ПОБЕДИВШИЙ НА КРОВИ СОЦИАЛИЗМ

Грекова вступала в большую политику в самый страшный период в истории СССР. Историки назовут его временем большого террора. Причем вся ее деятельность проходила тогда, когда репрессии на протяжении почти трех десятилетий являлись перманентным состоянием общества. Начавшиеся практически с конца 1920-х годов и продолжавшиеся до начала 1953 года с разной степенью активности, как ни парадоксально это звучит, они использовались как метод построения нового справедливого общества. Об этом свидетельствуют партийные документы всех уровней, где очередной громкий или не совсем громкий процесс оправдывался целесообразностью очиститься от вредителей, шпионов, предателей во имя построения справедливого общества. Старт воплощению такой

стратегии партии был дан в докладе Сталина на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году. В нем вождь всех времен и народов заявил: «Бесклассовое общество не может прийти в порядке самотека. Его надо завоевать и построить... путем усиления органов диктатуры пролетариата..., развертывания классовой борьбы..., путем уничтожения классов..., ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними. Дело, кажется, ясное». Дело, которое казалось Сталину таким ясным и понятным, обернулось драмой не только для сотен тысяч коммунистов и беспартийных, но и миллионов простых людей. Они оказались участниками какого-то кровавого спектакля, который разыгрывали вожди, отводя кому-то роль просто врагов народа, кому-то иностранных агентов, но все они после показательных процессов, если повезет, а то и просто тихо, без лишних зрителей-свидетелей приговаривались советским судом, тройками к разным срокам наказания, многие к смерти были обречены изначально. Пик репрессий пришелся на 1937 год.

Об этом страшном периоде написано значительное количество исследований. Поэтому целесообразно обратиться к документам обобщающего характера, в частности к «Записке комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов» за 1960-й год, только к некоторым ее разделам. Она достаточно объемная, почти 200 страниц убогистого текста, и в ней драма тысяч невинных людей, драма огромной страны.

Так, в разделе «Истребление руководящих кадров партии и государства» говорилось: «В эти годы (1930-е. *Примен. авт.*) были арестованы 1108 из 1966 делегатов XVII съезда партии. Большинство из которых расстреляно. Такая же участь постигла 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного на этом съезде. Только в 1937 году без предварительного согласования с Президиумом ЦК СССР арестовано 149 членов ЦК». В разделе «Массовые необоснованные репрессии в 1937—1938 годах» приведена следующая статистика: «С 27 февраля 1937 года по 29 сентября 1938 года рассмотрено и утверждено 383 списка на 44 161 человека, из них подлежало расстрелу 38 627 человек, заключению в ИТЛ на 10 лет — 54 030 человек... Подпись Молотова имеется на 373 списках на 43 569 человек, Сталина — на 361 списке на 41 391 человека, Жданова — на 175 списках на 20 985 человек, Кагановича — на 189 списках на 19 110 человек...»

В документе имеется раздел «Репрессирование по «лимитам», которые устанавливались для всех республик, краев, при этом указывалось, что они «являются ориентировочными». Так, в Белорусской ССР во исполнение приказа следовало расстрелять 2000 человек, заключить в лагеря и тюрьмы на срок от 8 до 10 лет — 10 000 человек, в Азово-Черноморском крае, соответственно, 5000 и 8000 человек, в Западно-Сибирском крае — 5000 и 12 000 человек. По лагерям НКВД намечалось репрессировать 10 000 заключенных — всех по 1-й категории.

Но наиболее страшные сведения — это статистические данные в целом о репрессиях. В записке приводятся такие данные: «В 1934 году арестовано — 68 415 человек; в 1935 году арестовано — 104 716 человек; в 1936 году арестовано 85 530 человек. Всего за 1935 и 1936 годы арестовано 190 246 человек, из них расстреляно — 2347 человек. В 1937 арестовано 779 056 человек; в 1938 арестовано 593 336 человек. Всего за 1937 и 1938 годы арестовано 1 372 392 человека, из них расстреляно 681 692 человека, в том числе по не-

полным данным по решению внесудебных органов 631 897 человек» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 39а. Л. 4—199).

Размах, а главное — механизм репрессий отражают также документы, ранее относящиеся к разряду ограниченного пользования, в частности материалы Государственного архива Российской Федерации — «Приказы НКВД СССР, 1934—1941 гг.»; Российского государственного архива социально-политической истории — «Особая папка» И.В. Сталина, «Материалы Секретариата НКВД — МВД СССР, 1944—1953 гг.»; «Особая папка» Л.П. Берии, «Материалы Секретариата МВД СССР, 1950 — декабрь 1952 г.».

Эти и другие архивные документы, научные исследования дополняют сведения обобщенной записки о репрессированных только в 1937—1938 годах: арестовано около 1,6 миллиона человек, более 680 тысяч из них расстреляно. Следует отметить, что жертвами в основном становились простые люди, не имеющие никакого отношения к властным структурам. И дополнение: число репрессированных руководящих партийных работников, начальствующего состава разного уровня исчисляется несколькими десятками тысяч.

Начало практической реализации политики большого террора положил приказ НКВД №00447 «О проведении операции по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников», утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 30 июля 1937 года и лично Сталиным. В нем — новый понятийный аппарат, новая классификация. Согласно этому документу в СССР выделялась особая категория граждан — «антисоветские элементы». В приказе они разделялись на две категории. Первая — те, кто подлежал немедленному аресту и расстрелу, вторая — подлежащие заключению в лагерь или тюрьму на срок от 3 до 10 лет.

31 июля 1937 года на заседании Секретариата ЦК утвержден первый «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР». К нему приложена «Справка о количестве лиц, подлежащих суду по 1-й категории: Горьковская область — 18 человек; Саратовская область — 10 человек. По 2-й категории: Горьковская область — 10 человек, Саратовская — 0 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 410. Л. 124—125). Всего на первом этапе было предписано арестовать около 260 тысяч человек, из них 70 тысяч расстрелять. В число подлежащих уничтожению входило 10 тысяч уже содержащихся в лагерях.

О том, что такие списки регулярно вносились на рассмотрение руководства страны, свидетельствуют документы 1938 года. Это «Записка к списку лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР» за подписью наркома внутренних дел Н.И. Ежова на имя Сталина от 26 июля 1938 года. К ней приложен «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР» с резолюцией Сталина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417. Л. 210—211). Следующий лист 212. Это «Справка о количестве лиц, подлежащих суду по 1-й категории (Москва — Центр)» — 139 человек. То есть процесс был непрерывным, судя по объемным делам с аналогичными справками за 1937—1938 годы. Особым пунктом приказа оговаривалось, что высылке или заключению в лагерь могли подвергаться семьи «врагов народа».

Самое страшное в этом приказе то, что местным органам власти и НКВД предоставлялось право запрашивать у Центра дополнительные лимиты на аресты и расстрелы. Этим положением, как показывают документы, активно пользовались, в том числе и руководители Беларуси, которые стремились скрупулезно выполнить все пункты приказа.

ВИНОВНЫ. ПРИЧАСТНЫ

Пользовался таким правом разоблачать, карать и Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, причем практически сразу же после избрания первым секретарем ЦК КП(б)Б. Сохранились его записки-шифровки в Центр с просьбами увеличить квоты для республики на аресты. Основанием для этого явился анализ ситуации в БССР, сделанный новым руководителем республики, что называется, свежий взгляд на нее. С первых дней, а прибыл Пономаренко в республику 18 июня 1938 года, Пантелеймон Кондратьевич начинает борьбу за чистку рядов белорусской партийной организации — он много выступает перед народом, обличая тех, кто недосмотрел. Об этом красноречиво рассказывают передовицы газет за июнь—июль 1938 года. Например, «Гомельская праўда» за 8 июля 1938 года сообщала о его выступлении перед партактивом, где в качестве основной ставилась задача «выкорчевывания врагов», много говорилось о бдительности. И примеры уже начатой борьбы — о разоблачении сотрудников Наркомпроса, которых он называет не иначе как «фашисты» и которых сначала «думали снимать, но пришлось посадить».

Сколько раз Пономаренко поставил подпись под расстрельными списками, не подсчитано, но она там стоит, причем в ряде случаев единственная. Об этом свидетельствуют документы, прокламированные белорусскими архивистами, историками Вячеславом Белеменевым, Виктором Шимолиным, причем документы только первых месяцев работы (<http://www.homoliber.org/ru/rp/rp030103.html>).

Они приводят такие данные: под грифом «Совершенно секретно» на имя Сталина Пономаренко направляются шифровки. Первая датирована в июле. В ней он просит увеличить количество репрессированных для БССР по первой категории (расстрел) на две тысячи человек, а по второй (тюрьма или лагерь) — на три тысячи. На документе единственная подпись — П. Пономаренко. Затем следует разоблачение Петра Левицкого — второго секретаря ЦК. Пономаренко обвиняет его в сокрытии от партии дворянского происхождения, участии в деятельности «национал-фашистской организации» под руководством Шаранговича и Волковича. А то, что такая организация существовала, подтвердили арестованные к тому времени третий секретарь ЦК КП(б)Б Потапейко, секретарь парткома Академии наук БССР Иванищенко и белорусский писатель Александрович. Какие методы применялись, чтобы подтвердить, тоже известно. И это при том, что еще недавно сам Левицкий боролся за чистоту рядов партии, например, в Бобруйске после собрания партактива добился ареста 17 руководящих работников, в числе которых — местный прокурор и председатель райисполкома.

Но Пономаренко ничего предосудительного в этом не увидел. Главное — это сокрытие происхождения, банда, то есть главными являлись политические мотивы. По итогам расследования он в письме от 17 июля 1938 года вносит на имя секретаря ЦК ВКП(б)Б А.А. Андреева предложение: «На основании изложенного, считаю необходимым арест Левицкого и доставку после необходимой обработки его в Москве в распоряжение НКВД БССР». Как «обработывали», тоже известно.

Затем следовало разоблачение наркома внутренних дел БССР Алексея Наседкина, которого не спасли даже отчеты об эффективности работы органов НКВД «по изобличению вражеского элемента». Они изложены в записке «Ста-

тистические данные репрессированных шпионов, диверсантов и повстанцев польской, латвийской и немецкой разведок с 1 июня по 1 сентября 1938 года». Вообще информация, шокирующая даже сегодня, когда уже многое известно о репрессивной машине: за три месяца из белорусского общества «изъято» 6530 «врагов народа»! Факт — документальный, скрепленный подписями... Согласно записке, репрессированных делят по нескольким категориям, например, в «разрезе» социального статуса: кулаков — 1844, колхозников — 1762, единоличников — 640, служащих — 1268, инженеров и научных работников — 16, рабочих — 424, рабочих совхозов, МТС и МТМ — 50, техников и мастеров — 20, кустарей — 227, служителей культа — 7, домохозяек — 48, без определенных занятий — 192, домработницы — 32».

По «политическому» признаку: перебежчиков — 610, дезертиров польской армии — 84, политэмигрантов — 20, служивших в поль(ской) армии — 120, бывших царских офицеров — 163, бывших балаховцев — 120, бывших бандитов — 509, добровольцев белых армий — 118, бывших контрабандистов — 579, бывших торговцев — 101, членов «католического костельного актива» — 778».

Только одних этих фактов, которые приводит в своих исследованиях по поводу причастности Пономаренко, органов НКВД к репрессиям известный белорусский архивист Вячеслав Тележенев, достаточно, чтобы дать однозначный ответ — конечно же, виноваты, конечно же причастны.

В чем была причина такой жестокости, такого террора? Наверное, в страхе на уровне паранойи у тех, кто стоит у руля. Раскритиченные документы, материалы ограниченного пользования свидетельствуют, что он присутствовал у руководства всегда. И это не только интриги, желание оставаться в обойме, борьба за близость к вождю между функциями, но и перед постоянно нарастающей угрозой войны, постоянными попытками ликвидировать единственное социалистическое государство. Доктрина об удушении России перед Первой мировой выполнены не были, капиталистический мир готовился реализовать нереализованные планы начала 20 века.

В связи с этим репрессии предусматривались не только в отношении антисоветских элементов, но и «контрреволюционных национальных контингентов». Вводилось и такое новое понятие. Под этим лозунгом в 1937—1938 годах были проведены десятки «национальных операций» против советских граждан разных национальностей — поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, литовцев, финнов, болгар, китайцев, греков, афганцев, иранцев, македонцев. Их считали потенциальными пособниками врага в будущей войне. Что же в Беларуси? Об этом есть сведения все в той же записке Алексея Наседкина «Статистические данные репрессированных шпионов, диверсантов и повстанцев польской, латвийской и немецкой разведок с 1 июня по 1 сентября 1938 года». В ней отмечалось, что по «национальному признаку» врагов оказалось: поляков — 2663, белорусов — 2717, украинцев — 68, русских — 61, евреев — 375, немцев — 152, латышей — 400, литовцев — 56, эстонцев — 12, прочих — 26».

Страх присутствовал и у руководителей разного уровня самим попасть в число претендентов на ликвидацию, не соответствовать взятому партией курсу на очищение своих рядов. Люди понимали — если не арестован сегодня, это вполне может произойти завтра, в том числе и по причине политической близорукости. Партия учила всегда действовать на опережение, и руководители действовали. Страх самим оказаться «врагом народа» заставлял изучать,

отслеживать, разоблачать, вовремя информировать, принимать действенные меры. К сожалению, было и большое количество тех, кто воспользовался ситуацией, — доносы являлись надежным приемом для сведения личных счетов, решения меркантильных вопросов.

В результате размах репрессий оказался столь огромным, что даже Сталин, положивший начало кровавой акции и не ожидавший, что она достигнет таких масштабов, вынужден был в ноябре 1938 года отдать приказ о прекращении массовых операций НКВД.

«Всем секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам управлений НКВД по краю, области. По имеющимся в ЦК материалам, некоторые секретари обкомов и крайкомов, видимо, желая освободиться от нареканий, очень охотно дают органам НКВД согласие на арест отдельных руководителей, директоров, технических директоров, инженеров и техников, конструкторов промышленности, транспорта и других отраслей. ЦК напоминает, что ни секретарь обкома или крайкома, ни секретарь ЦК нацкомпартии, ни тем более другие партийно-советские руководители на местах не имеют права давать согласие на такие аресты. ЦК ВКП(б) обязывает вас руководствоваться давно установленным ЦК правилом, обязательным как для партийно-советских организаций на местах, так и для органов НКВД, в силу которого руководители, директора, технические директоры, инженеры, техники и конструкторы могут арестовываться лишь с согласия соответствующего наркома, причем в случае несогласия сторон насчет ареста или неареста того или иного лица стороны могут обращаться в ЦК ВКП(б) за разрешением вопроса. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56. Л. 20).

До этого репрессии осудил январский пленум ЦК ВКП(б) 1938 года. На нем даже принимается постановление «Об ошибках партийных организаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократических отношениях к апелляциям исключенных из ВКП(б) и мерах по ликвидации этих недостатков».

И снова местные органы власти хотят попасть в струю, тот же Пономаренко пишет уже другую записку и уже о необходимости приостановить репрессии, так как народное хозяйство БССР несет потери из-за большого количества изъятых из отраслей специалистов. Но потери были невозполнимы.

Как умирали сами в недавнем прошлом палачи? В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось «Прошение о помиловании Г.Г. Ягоды», 1937 год: «Вина моя перед Родиной велика. Не искупить ее в какой-либо мере. Тяжело умирать. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранить мне жизнь». Личная подпись. (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 60. Д. 334. Л. 3). Тут же «Протокол обыска и опись имущества, изъятого на квартирах и даче Г.Г. Ягоды» за 8 апреля 1937 года. Заверенная копия, машинопись. Без чувства омерзения читать невозможно: «1. Денег советских 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп. 2. Вин разных — 1229 бут. Большинство из них заграничные и изготовления — 1897, 1900 и 1902 гг. 3. Коллекция порнографических снимков — 3904 шт. 4. Порнографических фильмов 11 шт. 5. Сигарет заграничных разных, египетских, турецких — 11 075 шт... 29. Чулок шелковых и фильдеперсовых заграничных — 130 пар... 92. Револьверов разных — 19... 105. Резиновый искусственный половой член — 1121. Антикварных изделий разных — 270 (Копия документа Центрального архива Феде-

ральной службы безопасности. Кат. 329). Как говорится, ничто человеческое не было чуждо даже наркомам НКВД.

ЦК сбавлял обороты, но это вовсе не означало, что репрессии закончились, аресты, расстрелы проводились постоянно. Колыма, Воркута, Норильск... ГУЛАГ — Главное управление лагерей, созданное в 1930 году, становилось не только символом страха, именем нарицательным, но и категорией нравственной, характеризующей целый период, страшный, драматичный, советской эпохи. Но даже XVIII партсъезд, состоявшийся в 1939 году, осудивший репрессии, их не остановил. Что называется, пожурили друг друга в выступлениях, и снова за свое. Пожалуй, самыми шокирующими документами являются письма, записки заместителя Председателя СНК СССР А.Я. Вышинского народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии об установлении нового порядка созыва Особого совещания. Она как всегда секретная, под ней дата 31 мая 1939 года: «За последнее время в каждом заседании Особого совещания рассматриваются от 200 до 300 дел. Таким образом, на рассмотрение каждого дела затрачивается до 1 минуты. Это, несомненно, не гарантирует нас от ошибок... Считаю необходимым просить Вас установить более частый созыв Особого совещания с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел и увеличить количество часов каждого заседания. А. Вышинский» (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 143. Л. 39).

Одна минута — и судьба человека решена, она просто вот так обрывалась, потому что кому-то рассуждать материалы было элементарно некогда, да и незачем. В Государственном архиве Российской Федерации сохранились подлинники трех постановлений об «Особом совещании». Они идут, что называется, в подборку. Два из них — ЦИК СНК СССР. Одно — «Об особом совещании при НКВД СССР» от 5 ноября 1934 года. В нем говорилось: «Предоставить Народному комиссариату внутренних дел Союза СССР право применять к лицам, признаваемым общественно опасными:

- а) ссылку на срок до 5 лет под домашний надзор...;
- в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет;

2. Для применения мер, указанных в ст. 1, при Народном комиссаре внутренних дел Союза ССР создается Особое совещание...»

Это постановление дополняло другое, уже от 1 декабря 1934 года: «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». Оно касалось процедуры:

«I. 1. Предложить следственным властям вести дела... в ускоренном порядке...; 2. Предложить судебным органам не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников... о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению; 3. Предложить органам НКВД СССР приводить приговоры о высшей мере наказания... немедленно по вынесении судебных приговоров.

II. 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней; 3. Дела слушать без участия сторон; 5. Приговор... приводить в исполнение немедленно» (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 12. Д. 516. Л. 4).

И последнее постановление — уже СНК СССР и ЦК ВКП(б) за №1232—191с «О порядке производства арестов» от 17 июня 1935 года, которое тоже касается процедурных вопросов: «Разрешение на арест членов и кандидатов ВКП(б) дается по согласованию с секретарями районных, краевых, областных коми-

тетов ВКП(б)» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 481. Л. 178—179). То есть круговой порукой были повязаны все, система учитывала все, строго соблюдая принцип коллективности, коллегиальности.

Эти и еще целый массив документов о применении карательных мер в отношении граждан СССР с разбивкой по социальной принадлежности, возрасту, полу, происхождению, другим показателям говорят о многом: и о том, что в стране Советов была создана мощнейшая база для работы репрессивной машины, и об элементарных нарушениях прав человека, и о том, что к массовым репрессиям, скорее всего, готовились загодя, выжидая удобный момент, и о том, что не только напрямую, но и косвенно к ним было причастно большое количество людей, и еще много о чем.

Но тогда, в 1938 году, к просьбе Вышинского прислушались. Совещания стали проводить чаще, и с годами их решения становились все более жестокими и циничными. Грекова тогда и представить не могла, что время ее работы будет таким кровавым, а репрессивная машина будет работать в усиленном режиме даже в годы войны. Страх самим попасть в жернова репрессий не останавливали даже огромные человеческие жертвы на фронтах, нехватка рабочих рук в тылу. Вот только пример одного военного месяца 1944 года. Государственный архив Российской Федерации, фонд Р-9401, опись 2, дело 64, лист 8: «Докладная записка наркомата внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину «О рассмотрении Особым совещанием при НКВД СССР следственных дел на 560 человек». Дата — 3 января 1944 года. Следующая записка от 7 января с таким же названием и аналогичного содержания, но уже на 789 человек (л. 53), записка от 12 января — на 558 человек (л. 54). Но все эти страшные события Грековой еще предстоит пережить, и не только. Предстоит разбираться в политических хитросплетениях, принимать решения, но это будет потом.

ГРЕКОВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Тогда же, в 1938 году, Грекова буквально с первых дней своего избрания попадает в атмосферу, когда с одной стороны констатировались победы, достижения, с другой — враги, которые проникли во все сферы жизни и которых становилось все больше и больше. Как совместить эти взаимоисключающие явления, кто действительно прав, а кто действительно враг, кто оклеветан и кто — клеветник. С этим вопросом Надежде Григорьевне тоже пришлось столкнуться.

В конце июля 1938 года неожиданным для членов президиума стал созыв срочного заседания Бюро ЦК КПВ(б)Б. Заявлено оно было как закрытое и инициировал его лично первый секретарь Пономаренко. Это настораживало. Что стояло за такими повестками, уже было хорошо известно. Еще больше настораживал вопрос, который предстояло обсудить, — речь шла о Председателе СНК Белоруссии Афанасии Федоровиче Ковалеве. Он написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности в связи с тем, что «вверенный участок не потянул, ...не рассчитал силы ...опыта не хватило». Заседание состоялось 28 июля 1938 года, фактически в первые дни работы Грековой в качестве Председателя Верховного Совета БССР. Его протокол, как было принято тогда по негласным правилам, написан от руки, в случае чего можно что-то стереть, отказаться от сказанного. Гриф «Особо секретно».

Заседание ведет лично Пономаренко, высказываются нелицеприятные, обидные оценки деятельности Ковалева. Упреков от членов Бюро много. Больше всего настораживает содержание пункта 8 протокола заседания. Риторика Никифора Наталевича (Председателя Президиума Верховного Совета БССР), как и других членов ЦК, свидетельствует, что вопрос о Ковалеве в принципе предreshен: «В СНК методы работы остались старые, которые годами культивировали враги. Сам Ковалев зазнался, он первое время не хотел со мной даже разговаривать».

Надежда Григорьевна, судя по выступлению, в растерянности и пытается перевести разговор на хозяйственные проблемы: «Вопросы промышленности больше решаются в ЦК, идут в ЦК, а не в СНК, ...СНК их не решает». В завершение обсуждения, вопреки правилам ведения протокола, вместо текста постановления просто одно слово «Постановление» и приписка: «Единогласно» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12437. Л. 152—153). О чем голосовали? Что следовало за такой записью, догадаться несложно. Время было страшным. Афанасия Федоровича арестовали 25 января 1939 года. Этот драматичный эпизод он описал в своей книге «Колокол мой — правда», которая вышла в Минске в период перестройки в 1989 году. «После девяносточасового стояния на допросах ноги и руки распухли. Лицо отекло. Я с трудом передвигался. Ноги не вмещались в штанины, пришлось разорвать их до колен, а на ноги надеть галоши, которые носил раньше на саноггах. Физически я был сломлен, духовно — нет. В таком виде я и предстал перед наркомом внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавой. Он пожелал лично допросить меня. Посреди кабинета, куда меня ввели... стоял длинный стол, в конце которого сидел небольшого роста человек. Черный, с большим носом. Цанаву я встречал, будучи на свободе, на совещаниях в ЦК КП(б)В, которые проходили в кабинете П.К. Пономаренко. Теперь вот я стоял перед ним как подсудимый. По моему виду он мог судить, как старательно потрудились его подчиненные. «Да... как видно живется вам тут неважно. Комфорт тут тюремный. Самый подходящий для врагов народа, ха-ха-ха», — ехидно смеялся Цанава. Ему угодливо улыбались присутствующие здесь же работники старшего состава аппарата НКВД.

Цанава, довольный своим остроумием, продолжал некоторое время молча рассматривать меня с ног до головы... потом изрек: «Нам нэт неабхадымасти вазыцца с тобой, нам все известно. Ты, безусловно, враг, и будэм судыць, как врага народа. Но мы хатым облегчыць твою участь тэм, што ты чыстасэрдэчна раскажэш о своей враждебной работе». Это были те же слова, которые много раз говорил следователь. Ничего нового. Это еще больше убеждало меня, что обвинение построено на клевете. В душе я радовался, что сильнее их, на моей стороне правда. «Ты должен правдиво рассказать все, — продолжал Цанава. — От нас ничего не скроешь. Гавары!»

«Мне нечего скрывать! — ответил я. — Вам, как и следователю, я говорю только правду. Лично вам хочу кое-что добавить». При этих словах Цанава даже вытянул шею, выпучил глаза, весь напрягся: «Вот-вот. Давай, все рассказывай!» Но Ковалев не сдавался. «Вы говорите, что все знаете и можете судить меня. Так судите открытым, гласным судом, где бы я мог выступить перед народом, перед моими избирателями, которые избрали меня депутатом Верховного Совета СССР и БССР, чтобы я мог сказать, что все предъявленные мне обвинения построены на лжи и клевете...» Тогда Афанасий Федорович, как узнал впоследствии, не мог и предположить, что именно Пономаренко инициировал его

арест, лично дал санкцию. Об этом он узнал много лет спустя, в 1980-х годах, когда страна менялась и стал возможным доступ к документам.

Но драматичная ситуация Ковалева на этом не заканчивалась. Он был сослан в Омскую область, где отбывал наказание. Неожиданно в апреле 1942 года Афанасий Федорович был вызван к начальнику тюрьмы, в кабинете ему зачитали постановление Прокуратуры СССР. В нем говорилось, что после рассмотрения материалов его следственного дела прокуратура пришла к следующему выводу: обвинения основаны на ложных, клеветнических показаниях. Узнал Ковалев и о том, что было еще одно постановление. Оно датировано октябрём 1940 года. Прокурор СССР по надзору за судебно-следственными органами вынес решение об освобождении Ковалева из тюрьмы ввиду отсутствия состава преступления. Но его просто потеряли или скрыли. Фактически три года человек ни за что отбывал наказание. В 1943 году он был полностью реабилитирован.

Сам Афанасий Федорович винил во всем Пономаренко и Цанаву. Как же хотели бывшие товарищи упрятать подальше чем-то не угодившего им Председателя СНК или выслуживались, выполняя план по посадкам. С Надеждой Григорьевной до конца жизни у него оставались нормальные отношения. Ситуацию он понимал, выступи против — сам попадешь в жернова, главное, что она не видела в нем врага, не клеветала, а обратила внимание на недостатки в работе СНК. Но в это драматичное время она и сама ходила по острию.

НАРОДНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЛЕЗНИЦЫ

Так называли в народе в 1930-х годах письма, которые писали люди в высокие инстанции о своих бедах. А Грековой писали отовсюду, причем зачастую вообще не указывая адреса, на конверте часто можно прочитать незамысловатое: «Минск, Грек». Или совсем просто: «Ляге Грековой». И все слезницы доходили до адресата. Судя по объемным делам под номерами 14854, 14790 фонда 4п, описи 1 Национального архива Республики Беларусь, другим документам, таких писем-слезниц поступало много.

Работая над материалами, сравнивая переписку других руководителей республики, можно прийти к выводу, что у Грековой она наиболее объемная после Пономаренко. Почему так? Подсказка даже в одном простом примере. Надежда Григорьевна, будучи уже и Секретарем ЦК, и Председателем Верховного Совета БССР, продолжала жить на Ляховке, причем в том самом доме, который еще в 1920-х годах ее отец приспособил под жилье, а затем переделывал, достраивал несколько лет. От бывшей керосиновой лавки не осталось и следа. В 1927 году его не стало, он умер от того, что кровь пошла горлом, то есть от туберкулеза, болезни, которая в те годы косила многих. Семья продолжала жить в этом доме, а в жизни Надежды Григорьевны в бытовом плане ничего не менялось, изменения произошли только в личной жизни. В 1931 году родилась дочь Лиля, мужем стал сотрудник милиции, по воспоминаниям родственников — красивый парень по имени Сергей. Что произошло между супругами, Надежда Григорьевна никогда не рассказывала. На бумаге они оставались мужем и женой, фактически же брак не сложился. Поэтому для Грековой и ее маленькой Лили Ляховка оставалась родным домом. После работы они шли на Свислочь, здесь всегда было многолюдно, летом катались на лодке, плавали,

но особенно ждали зиму. Надежда Григорьевна надевала коньки, вместе со всеми нарезала круги по льду, сковавшему реку, падала, вставала, иными словами, была как все. Потом вместе с соседями на улице наряжали елку, как в детстве. Ее здесь знали многие — вместе росли, вместе учились. Кто-то звал просто Надей, кто-то тетей Надей. Поэтому и в письмах обращались как к своему, близкому и очень доступному человеку, что называется по-свойски, по-простому, к народному председателю.

При анализе обращений, которые поступали в адрес Грековой, поначалу возникнул вполне закономерный вопрос: почему письма, жалобы, казалось бы, обычная переписка, практически всегда открытая для изучения, долгие годы хранились под грифом и, что особенно удивляло, среди документов «Особого сектора» — наивысшей степени секретности. На первый взгляд это может показаться странным. Письма от простых людей и такая секретность, причем практически до начала 1990-х годов? Но когда начинаешь читать их, понимаешь, сколь неудобным для руководства было то, о чем писали рабочие, колхозники, дети, комсомольцы, понимаешь, как идеалы отличались от действительности. На фоне здравниц во славу и рапортов о достижениях — просто драматичные человеческие истории. «Тетя Грекова, помогите нам, бедным советским детям. Я ученица 20-й школы 6 класса пишу вам письмо и описываю свою бедную жизнь. Я пишу потому что мы живем хуже всех на свете. Нас пять детей, мы все учимся, нам нужны книги, тетради, обувь, одеться, но у мамы даже нет на хлеб. Тетя Грекова мы просим вас помочь нам в большой беде». Или другое: «Я старуха, имею от роду 65 лет, оказалась без всяких средств к существованию, мне дали 11 рублей, а кружка соли на рынке стоит 15» и таких писем много.

Но самые страшные письма — об арестах родственников. Грековой писала г-ка С.М. Эгле из Минска: «Будучи исключительно больным человеком, мой муж Эгле Рейнгольд Янович был арестован органами НКВД. Я очень прошу продвинуть дело моего мужа, каждый лишний просроченный день может привести к безвременной смерти этого безвинного человека, столь преданного партии Ленина — Сталина. (Минск, ул. Коммунистическая, 16, кв. 3)» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14790. Л. 24). В объемном деле «Особого сектора» письмо от комсомолки Галины Уласевич и пионерки Марины и Владимира: «Дорогая Надежда Григорьевна, наш отец 28 июня 1938 года был арестован и долгое время сидит под арестом. Взят он был больной, без теплого белья и пальто. Не считая его виновным, мы просим походатайствовать, чтобы ускорили следствие и выпустили отца. Мы будем Вам всю жизнь благодарны» (Минск, ул. Советская, д. 26, кв. 4, дата 09.04.1939). Таких писем целые тома, люди просили, надеялись, связывали с Грековой свои надежды. И она реагировала и очень жестко ставила вопросы и о проведении расследований, и о повторном пересмотре, если что-то вызывало сомнения. Основные поручения касались ведомства Цанавы.

Надежда Григорьевна вынуждена была общаться с ним. А он, судя по документам, ее просто на дух не переносил. Она раздражала его своими резолюциями с просьбой разобраться в судьбе того или иного человека, давала поручения ему, облеченному такими полномочиями. Об этом свидетельствуют небрежные ответы, порой в нарушение установленного срока, и нескрываемая раздраженность, особенно на повторные поручения (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14854, 14589). Но Цанава вынужден был реагировать, более того, принимать меры.

Из переписки Грековой — Цанавы за 1938—1939 годы (Сводка поступающих заявлений на имя Секретаря ЦК КП(б)Б Грековой. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1.

Д. 14854, 14589): «По поручению Секретаря ЦК КП(б)Б направляются Вам копии двух заявлений Эгле и Уласевичевых. О результатах рассмотрения заявлений просьба сообщить тов. Грековой». И Лаврентий Фомич отвечал. Результаты рассмотрений были разными: «По делу арестованного мужа Левита М.Н. исполнено 9.V (мая) 1939 г. Прокуратура БССР вынесла решение об ходатайстве перед НКВД СССР об освобождении Левита» или ответ на письмо г-ки Мотлок З.Г. (Минск) «О неправильном решении суда» (обвинялся во вредительстве при строительстве) — «Решение областного суда отменено».

В результате поручений Грековой было пересмотрено немало дел в отношении арестованных. Цанава в ответе от 07.03.1939 года писал, например, по поводу компрометирующих материалов на г-на Орлова: «Письмо ложное, факты не подтвердились». Но было немало и таких, когда поступали краткие ответы: «Вопрос закончен (ос. с)». Это было решение в отношении дела арестованного мужа г-ки Минковой. Или же «Приговор суда вынесен правильно» (прошение об освобождении арестованного мужа г-ки Сливкиной Ю.А. из Старобина).

Переписка в несколько томов говорит о многом. В ней — истории большого количества людей, семей, которых коснулись аресты, драма униженных и обреченных на гибель. В ней — истории тех, кто элементарно голодал в условиях провозглашенного партией лозунга о победе социализма. Чтобы понять, каким он оказался в реальности, как жили в городе и на селе, достаточно было просто перечитать письма от населения по годам, и многое становилось понятным. Но это была та правда, которая кардинально меняла представление о стране победившего социализма. Поэтому и застряли их подальше с глаз долой, в материалы «Особого сектора», где они пролежали вплоть до 1990-х годов.

Что касается Цанавы, то многие письма можно было бы просто положить «под сукно» по причине полной ясности ситуации, но по настоянию Грековой с ними разбирались, готовили ответы. Что являлось самым неприятным для него, так это уязвленное самолюбие, ведь отвечать приходилось ему, руководителю ведомства, одно название которого наводило на людей страх, и кому? Какой-то женщине, моложе его по годам, но выше по статусу. Ненависть, самолюбие зашкаливали. Она вмешивалась в святая святых, ставила под сомнение своими поручениями его деятельность. Цанава искал любой повод причислить Грекову к врагам народа. И это оказалось задачей не из легких. Она выдвигалась Пономаренко, к ней благоволит Сталин, у которого Пантелеймон Кондратьевич тоже на особом счету. Но повод — дело времени. Нужно только хорошенько поискать, покопаться в прошлом, проанализировать связи, контакты, дела.

НЕПРИКАСАЕМЫХ НЕТ!

Сценарий по поиску врагов народа среди белорусского руководства разгрызался по традиционной схеме, но Пономаренко в какой-то момент ее поломал. Чутье подсказывало, что вокруг него что-то происходит. И опасения были не напрасны. До Пономаренко дошла информация, что донос на него написал некий Ципорин, который утверждал, что был с ним в близких отношениях и хорошо знает всю его преступную деятельность. Не дожидаясь развязки, Пантелеймон Кондратьевич решил действовать на опережение.

С Ципориным он действительно когда-то пересекался, но это было очень давно, причем чисто формально, — вместе учились на Кубанском рабфаке с 1926 по 1929 год. Во время троцкистского выступления Ципорина в конце 1927 года Пантелеймон Кондратьевич находился в президиуме собрания и, следовательно, знал о нем. Затем вместе учились в одном и том же московском институте, имели две-три встречи, жили даже в одной комнате три месяца. Этот факт мог стать хорошим поводом для фабрикации очередного громкого дела и сведения счетов с руководителем, который очень рьяно взялся за борьбу против нарушений в органах НКВД БССР.

И Пономаренко оперативно обращается лично к Маленкову. «Суть дела заключается в том, что сейчас арестованные предатели Наседкин, Стояновский, Шлифенсон и др., как только почувствовали, что их вражескую работу раскрывает ЦК КП(б) Белоруссии, решили меня спровоцировать», — писал Пономаренко. «Установленная за мною слежка, расстановка агентуры в ЦК, на квартире, на даче, слежка во время пребывания в Москве, агентурное наблюдение за родственниками и т.д., конечно, им ничего не дали. В ноябре из Жлобина в ЦК на мое имя поступило письмо Ципорина, исключенного в 1935 году из партии за троцкистское выступление, имевшее место в 1927 году и в дальнейшем скрытое от партии. В письме он просил затребовать и рассмотреть его дело, т.к. его обращения в КПК не дали результатов из-за ненахождения дела. Письмо было написано так, что можно было понять, что он мой знакомый. Вскоре после написания письма его арестовали и, при обыске нашли копию письма ко мне, отпечатанную на машинке. Собственно, провокация и началась уже с написания письма. Как выяснилось, Ципорин до ареста работал в Жлобинском райотделе НКВД. Хотя в самом Жлобине было известно, что он исключен из ВКП(б) за троцкистское выступление».

Ципорин же продолжал давать показания на Пономаренко. Как подчеркивал Пантелеймон Кондратьевич в своем письме, опуская в них уже слово «товарищ», что свидетельствовало о том, что судьба первого секретаря ЦК КП(б)Б предрешена, нужны только правильные показания. Пономаренко в записке обращал внимание и на то, что «...Ципорин, как установлено, имел в тюрьме специальные условия. Раскормлен, получал специальный стол. После троцкистского выступления в 1927 году сразу был завербован секретным сотрудником НКВД и работал таковым до ареста. Показания Ципорина, даже в их первоначальном виде, представляют чепуху — мало ли кому с кем приходилось в одном учебном заведении учиться или сталкиваться. Но ведь это было только началом. Однако далее предатели ничего не успели сделать, так как были разоблачены».

Одновременно с письмом Пономаренко на имя Маленкова ушло и другое. Оно под грифом «Совершенно секретно. Только лично» и предназначалось народному комиссару внутренних дел СССР Лаврентию Берии. Докладная подписана секретарем ЦК КП(б)Б Грековой и наркомом внутренних дел БССР Цанавой. В ней они информировали недавно назначенного нового руководителя НКВД о проведенном «независимом» расследовании «Дела Ципорина». В записке говорилось: «Будучи передопрошен нами, Ципорин по основным вопросам его допроса не подтвердил свои показания, данные Кашицыну, и объяснил, что его Кашицын в присутствии начальника отделения допрашивал под нажимом и ориентировал на показания, компрометирующие секретаря ЦК КП(б)Б товарища Пономаренко». Грекова и Цанава также сообщали о принятых ме-

рах: «За провокаторскую работу, направленную на дискредитацию секретаря ЦК КП(б)Б товарища Пономаренко, нами Кашицын арестован».

Это был тот случай, когда в белорусской партийной организации по принципиальным вопросам действовали согласованно, когда на второй план отходили личная неприязнь, личные амбиции. Авторитет руководства республики, восстановление справедливости были выше межличностных отношений. В конце 1938 года особое внимание к себе со стороны органов НКВД почувствовала и Грекова. Такой смелости, как непосредственное обращение напрямую к Берии, по тем временам не пришлось никому. Над Надеждой Григорьевной нависла реальная угроза. Ее старшая дочь спустя годы вспоминала: «Это были тяжелые годы — годы арестов. Помню то напряжение, которое царило в это время в доме. Помню этот маленький черный чемоданчик, который стоял всегда у дверей нашей квартиры. Уже тогда я понимала, что маме угрожает опасность» (*Лилия Грек. Воспоминания о Грековой Надежде Григорьевне, выдающемся государственном деятеле. М., 2010. С. 6*).

Сама же Надежда Григорьевна впоследствии говорила, что самым страшным в ее жизни был 1939 год. В своих воспоминаниях «О времени и о себе» она писала: «С кадрами в те годы было напряженно. Все основные руководящие работники в 1937—1939 годах были репрессированы. На каждом заседании Бюро ЦК рассматривались вопросы реабилитации и восстановлению в партии. Это был сложный и ответственный период» (*ЦК Грекова. О времени и о себе. С. 4*). Несмотря на то, что в Цикорском базировались, напряжение все-равно не спадало. И Пономаренко, и Надежда Григорьевна продолжали чувствовать к себе повышенное внимание. Как она впоследствии вспоминала, после работы они очень часто шли не домой, а всю ночь вместе гуляли по улицам Минска, возвращаясь на работу только под утро. Так, вне дома, было спокойнее. Аресты обычно производились именно в ночное время, тогда казалось, что, если это и произойдет, днем не так страшно.

Прессинг был тяжелейший, но то, что творилось в душе руководителя, не должно было сказываться на работе, на решении большого количества поставленных задач. Надежда Григорьевна оставила интересные воспоминания о стиле, который сложился в руководстве республики в те годы. «Работали мы в те годы так, что никакого нормированного дня у нас не было. По несколько лет не ходили в отпуск. Не было у нас и выходных дней. Если формально и считалось воскресенье нерабочим днем, то фактически он был занят разными активами, конференциями, собраниями. В рабочие дни не принято было проводить такие заседания» (*О времени и о себе. С. 5*).

Но, несмотря на репрессии, подозрительность, жизнь продолжалась, люди не переставали общаться, Пономаренко не собирался отказываться от традиционных встреч в неформальной обстановке. «Часто члены Бюро ЦК и министры собирались у Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко на даче в Дроздах. Там за обедом или ужином встречали деятелей науки, искусства, промышленности и сельского хозяйства как нашей республики, так и Союза. Оговаривались готовящиеся проекты и вопросы. Ближе узнавали кадры. Разговор велся так тактично, что я и по сие время вспоминаю эти встречи. Хорошо, что Поно-

маренко, придя к нам из аппарата ЦК ВКП(б), передавал, учил нас партийному стилю в работе с кадрами» (*О времени и о себе. С. 5*).

Кстати, о Дроздах. Партийное руководство неспроста облюбовало это место рядом с Минском. Здесь была лесистая местность и, несмотря на сложный рельеф — наивысшая отметка — 220,4 м, наименьшая — 197 м, хороший микроклимат, который располагал к отдыху. Перед войной Управление делами ЦК имело в своем распоряжении 6 дачных домиков и планировало создание целого жилого городка. В Белорусском государственном архиве научно-технической документации удалось найти интересные документы по этому поводу. В «Пояснительной записке» к проекту читаем: «Участок жилгородка «Дрозды» составляет 69,5 га, из которых 42 гектара занимает существующий поселок «Дрозды».

Пункт 2 предусматривал выполнение генплана. В его задачу входило «размещение на участке 7-ми дачных домов, столовой, ларьков, хоз. двора, котельной, организация подъездов, благоустройство и озеленение. Территория жилгородка от дороги на Зацень и далее по границе участка обносится забором на ж/б столбах с металлическим заполнением». Согласно записке, также на центральной аллее запроектирована столовая, рядом клуб, галантерейный ларек. И еще интересные сведения: «Для каждой дачи запроектирован участок под опытный огород площадью 0,25 га». Планировалось также высадить парк. Но этим скромным по современным меркам планам не суждено было реализоваться. Война перепутала все планы. К проекту вернулись только в 1958 году, когда и Пономаренко переживал не лучшие времена в своей карьере, и в республике было уже другое руководство. Его автором стал белорусский архитектор Беляев. Согласно архивным документам, довоенный проект реализовали в полном объеме, только еще высадили парк — «300 деревьев и около 2000 кустарников в возрасте 12—15 лет (90% — лиственные породы и 10% — хвойные). Заказчиком выступило Управление делами ЦК КПВ (БГАНТД. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1358. Л. 5—7). Все скромно. В конце 1930-х годов все было еще скромнее. Но на быт тогда не особо обращали внимание. Дачные посиделки белорусского руководства были пусть и коротким, но все же отдыхом, возможностью лучше узнать друг друга.

Надежда Григорьевна всегда с уважением и теплотой вспоминала годы работы с Пономаренко. Он был способен не только на нестандартные решения в экстремальных ситуациях. Он всегда находил место для шутки, любил, как бы сегодня сказали, розыгрыши, не лишен был юмора. «Мне запомнился такой случай. Однажды при поездке из Минска в Москву он на одной из станций вышел из своего вагона, который шел спецпоездом. Подошел к машинисту и сначала начал расспрашивать про колеса, двигатель, пытаясь продемонстрировать свои познания. А они оказались, судя по реакции машиниста, не очень. И Пономаренко сначала обозвали чудаком, а потом и словом покрепче. Тогда Пантелеймон Кондратьевич спрашивает: «А скажите, а кого везете?» На что тоже получил вполне конкретный ответ: «А черт его знает, не видел его». И каково же было смущение и удивление машиниста, когда, прибыв в Москву, он узнал, что тот, кого он обозвал чудаком, и есть его главный пассажир, первый секретарь ЦК КПБ. Пантелеймон Кондратьевич только улыбнулся на прощание вконец растерявшемуся машинисту» (*Там же. С. 5*).

Вообще Пономаренко — уникальный в своем роде руководитель. С одной стороны — сильная личность, отстаивающий интересы республики, требую-

щий выполнения решений партии, далеко не кабинетный первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, который ехал туда, где были проблемы, решал их, особенно это касалось западных областей. Он «мотался» по городам, пытаясь разрешить сложные проблемы, слал шифровки, записки на имя Сталина, предопределяя, опережая его вопросы, поручения.

С другой — тонкий аппаратчик с необыкновенным не только политическим чутьем, но и личностного плана, всегда чувствующий конъюнктуру, скорую смену элит или же настроения высшей политической элиты, моделируя, исходя из этого, свое поведение. Период наркома НКВД Ежова — массовые аресты и посадки. По репрессиям республика по показателям не отстает. Партия начинает осуждать репрессии. И на этом фоне — борьба за справедливость, восстановление в партии незаконно оклеветанных, освобождение от уголовного преследования. Показательным является, например, документ «О тов. Земцеве Д.Я.». Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13339. Л. 6—7):

«Слушали: О клеветнически-провокационных действиях Земцева Д.Я. Постановили: Произведенной по решению Бюро ЦК КП(б)Б от 05.01.1939 г. проверкой действий Земцева Д.Я. в Бельничском и Руденском районах, установлено: 1. Земцев, получив поручение от ЦК КП(б)Б 20.12.1937 г. расследовать опубликованные корреспонденции в газете «Звезда» по Бельничскому району под заголовком «Очистить Бельничский район от врагов» от 18.12.1937 г. и по Руденскому району «Вражское действие» от 27.09.1937 г. вместо тщательного и объективного расследования, пользуясь провокационными методами, добился на районных партсобраниях принятия решений о выражении политического недоверия всему районному руководству и исключения из партии секретарей этих районов т.т. Плетнева и Римша, с формулировкой «как враги народа». Более того, не имея на то никакого права и оснований, Земцев обязал начальника РО НКВД Бельничского района арестовать тов. Римшу. 2. Далее Земцев заявил, что Руденская партийная организация сильно засорена и надо не менее 50% всех коммунистов исключить из партии, и приступил к массовым необоснованным исключениям. Тов. Земцев вызвал к себе членов райкома и каждому вручил список коммунистов и обязал в тот же день провести партсобрания первичных организаций и указанных в списке исключить из партии. В итоге оклеветал по Руденскому району 17 человек и фактически ликвидировал районный комитет партии, по Бельничскому — 6 человек».

Решением Бюро ретивый сотрудник был «за массовые, необоснованные, при помощи клеветы и провокации, исключения из партии людей» сам исключен из партии и привлечен к судебной ответственности. Но в принципе ничего не менялось: осуждали и оправдывали все теми же методами, сваливая все на врагов народа, а практические действия — в духе тех, которые устроили в республике Георгий Маленков и Матвей Шкирятов, практически вырезав в 1937—1939 годах ее партийную организацию. Но, как вспоминала Грекова, при задекларированных лозунгах о борьбе с нарушением законности, незаконными репрессиями в отношении тысяч невинных граждан, в 1939 году страх все равно не отпускал. Этот год оказался несопоставимым ни с каким другим по своему драматизму.

ЭТОТ СТРАШНЫЙ, ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ 1939 ГОД

По воспоминаниям самой Грековой, 1939 год был самым страшным в ее жизни. Для страны это было время контрастов, взаимоисключающих партийных решений, период надежд, которые связывались с начавшим свою работу 10 марта 1939 года XVIII съездом ВКП(б). Впоследствии этот форум коммунистов назовут съездом реформаторов. Его ключевые положения были смелыми. На нем ставилась задача догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны. Был утвержден план третьей пятилетки с амбициозными задачами, принят новый устав партии, в котором отдельная запись касалась запрета на массовые чистки (*XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 740*). После принятия постановления ЦК ВКП(б), осуждающего чистки в партии, именно с принципиальными решениями съезда по данному вопросу связывались большие надежды. Практическим их подтверждением стала амнистия в отношении значительного количества граждан и осуждение ежовщины.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 477, опись 1, дело 18) хранится объемная стенограмма XVIII съезда ВКП(б), не правленая, а собственноручными пометками, внесенными правками выступающих. Доклады Сталина, Жукова, Маленкова... В них страшная статистика, о которой говорят открыто, с партийной принципиальностью репрессии осуждают те, кто стоял у истогов, раскручивал их маховик. Тот же Маленков, который в 1937 году лично прибыл в белорусскую партийную организацию для чистки ее рядов, теперь осуждал действия местных партийных организаций, благословленных на репрессии им же самим. Берия, назначенный 25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР, еще недавно все с тем же Маленковым потопивший в крови грузинскую парторганизацию в ходе кампании по борьбе за чистоту партийных рядов, теперь был героем. Как свидетельствует статистика, с его приходом на пост главы НКВД масштабы репрессий резко сократились. Это действительно так. Но было бы неправильно связывать такие изменения с именем Берии и ставить это ему в заслугу, что нередко отмечается в научной литературе последних лет, публицистике. Берия ничего лично сам в стране, в изменении ее политической линии не решал. Он был исполнителем решений партии. Просто его приход совпал с изменением этого самого курса.

В 1939—1940 годах было освобождено подавляющее большинство лиц, не осужденных в 1937—1938 годах; также на свободу вышла часть осужденных и отправленных в лагеря. По данным экспертов МГУ, в 1939—1940 годах на свободу вышло 140—200 тысяч человек. В связи с этим у Берии сложился имидж человека, восстановившего «социалистическую законность» в самом конце 1930-х годов. Но репрессии не прекращались. На фоне их осуждения за 1939 год по обвинению в контрреволюционных преступлениях были приговорены к высшей мере наказания 2,6 тысячи человек, за 1940 год — 1,6 тысячи (*А. Барсенков, А. Вдовин. История России. 1917—2007. М., 2008. С. 291*).

На съезде прозвучало и эмоциональное выступление Хрущева, участие которого в чистках партийных рядов, как свидетельствуют ставшие доступными документы, было особо рьяным. Но покаяния нет. Говоря об успехах, Никита

Сергеевич подчеркивал: «Эти успехи не пришли сами собой, они завоеваны в жестокой борьбе с врагами рабочего класса, с врагами всего нашего народа, в борьбе с агентами фашистских разведок — с троцкистами, бухаринцами и буржуазными националистами. Под руководством товарища Сталина сломили вражеское сопротивление, смели врагов, разгромили и уничтожили их... Украинский народ с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам любченским, хвелям, затонским и другой нечисти. Эти изверги, отбросы человечества прокляты трудящимися Советской Украины» (*XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 169*).

Но его еще недавнюю ретивость люди прекрасно помнили. Надежда Грекова впоследствии вспоминала, что у Хрущева руки в крови были по локоть. Это подтверждают и документы. В Российском государственном архиве социально-политической истории (Особая папка Политбюро, фонд 89, опись 73, дело 49) хранятся заявки на расстрел разоблачителя репрессий в СССР товарища Хрущева, его письменные распоряжения в отношении 41 303 человек по Москве и области и 167 363 человек на Украине. Здесь же хранятся материалы о недовольстве членов Политбюро действиями Хрущева, записка с резолюцией Сталина весьма краткого содержания: «Уймись, дурак!» (л. 1—2). Судя по документам, ни один из партийных руководителей не проявлял такой активности в борьбе с врагами народа. Иначе говоря, такой кровожадности. Как покажут другие события, особенно периода начала войны, Никита Сергеевич вообще с особым усердием выполнял решения ЦК этой их части, когда нужно было все особенно взвешивать и отдавать себе отчет о содеянном.

А пока отцы красного террора, партийных чисток осуждали и обличали. От белорусской партийной организации на съезде выступал Пантелеймон Пономаренко. В начале 1939 года он подводил итоги реабилитации незаконно репрессированных: «Сейчас восстановлено 2,5 тысячи человек. Восстановлены не потому, что партийные органы или партия нашли возможность им что-то прощать, этим людям. Не потому. А потому, что им нечего прощать, они в громадном большинстве были исключены без каких-то ни было оснований, по проваторским данным, в отдельных же случаях были проступки, которые не вызвали необходимости исключения из партии. Около полутора тысяч исключений подтверждены, так как имели серьезные проступки по отношению к партии и советской власти».

В духе нового курса партии Пономаренко рапортовал о вскрытых нарушениях законности, в том числе и в органах НКВД. Об этом он оперативно информировал ЦК ВКП(б) еще в декабре 1938 года. Факты он излагал действительно страшные, например, как под руководством Алексея Наседкина сотрудниками его ведомства в июле—сентябре 1937 года в БССР была ликвидирована «Белорусская православная автокефальная церковь» с центром в Минске. Общее количество арестованных участников всех групп, которые включали служителей культа и тех, кто им сочувствовал, составило 2387 человек. Или о чистках в Академии наук, когда Наседкин 25 июня 1938 года по этому поводу сообщал в докладной записке «О фактах засоренности личного состава и вредительства в Белорусской академии наук». В 1937—1938 годах органами НКВД там было арестовано «57 человек агентов зарубежных разведок, троцкистов, правых и нацфашистов. Также было выявлено вражеских элементов, которые продолжали работать в академии, в количестве 40 научных работников, уроженцев

Польши, Германии, Литвы, Латвии и др. стран, часть которых прибыла в СССР после Октябрьской революции».

В записке сообщалось и о том, что «в руководстве академии находятся активные контрреволюционеры: вице-президент Академии наук Колас, участник эсеровской организации Вольфсон, кадровый меньшевик, участник троцкистской организации. Директором Института биологии работает участник нацистской организации, директором Института химии работает участник нацистской организации Козлов и ряд других лиц». Досталось и Михасю Лынькову, который заступился за молодых литераторов, Пимену Панченко, который проходил, оказывается, по раскрываемому делу «Организаторы».

И еще примеры большого количества сфабрикованных дел. Только часть из них в «Статистических сведениях репрессированных шпионов, диверсантов и повстанцев польской, латвийской и немецкой разведок» (за время с 1 июня по 1 сентября 1938 года), то есть в бытность Пономаренко уже первым секретарем белорусской партийной организации:

«Национальный состав репрессированных:

1. Поляков — 2663	6. Немцев — 152
2. Белорусов — 2717	7. Латышей — 149
3. Украинцев — 68	8. Ейковцев — 56
4. Русских — 61	9. Эстонцев — 42
5. Евреев — 375	10. Прочих — 26»

Эти данные НКВД БССР хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь. Работа же Пономаренко по наведению порядка в белорусской партийной организации была оценена высоко. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года он избирается членом ЦК ВКП(б). До этого, в декабре 1938 года, состоялась его личная встреча со Сталиным, где речь шла о результатах работы в Белоруссии, которая, судя по тому, как завершился съезд для Пономаренко, была оценена весьма положительно. Тем более что в своем выступлении на съезде он предупреждал о «самоуспокоенности», которая становится причиной того, что многие товарищи стали «политически разоружаться». «Только этим можно объяснить то обстоятельство, что в Белоруссии долго не замечали, как оставшиеся неразоблаченными враги изменили тактику, взяли курс на ослабление государственной дисциплины». И далее о вражеской агентуре, которая заседала буквально везде (XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939 г. С. 124).

Делегатом съезда от белорусской партийной организации была и Грекова. Слушать разоблачительные речи было тяжело, ведь многое пришлось пережить самой. Обнадёживало то, что руководство республики выступало единым фронтом, как могло, противостояло ложным обвинениям, если считало, что это так. Но, отправляясь на партийный форум, она не могла и предположить, какую роль он сыграет в ее судьбе. А пока вместе с самыми достойными коммунистами со всей страны слушала доклад товарища Сталина, активно участвовала в работе секций и свято верила в перемены. Но перемены неожиданно коснулись ее самой. Впоследствии в своих неопубликованных воспоминаниях Грекова напишет: «Самым знаменательным днем в моей жизни было избрание меня на XVIII партсъезде членом Центральной ревизионной комиссии ЦК ВКП(б)»

(*О времени и о себе. Л. 10*). Это стало полной неожиданностью не только для нее. Ведь по регламенту все кандидатуры согласовываются на уровне Бюро ЦК партии, и делается это заранее, предложения вносятся после тщательно-го обсуждения кандидатур в республиканских партийных организациях. Сама процедура избрания состава ревизионной комиссии, как правило, отработана до мелочей и тоже согласована с Политбюро, как и национальный, возрастной состав предполагаемых членов, а накануне открытия съезда — обязательное совещание старейшин с участием всех членов Политбюро.

Согласно регламенту, председательствующий тов. Андреев задал традиционный вопрос, есть ли у присутствующих другие предложения по кандидатурам, на что последовал вполне традиционный ответ хором: «Нет!» А среди фамилий — Берия, Буденный, Ворошилов, после одного только их упоминания, как отмечается в стенограмме съезда, — «Бурные, продолжительные аплодисменты» (РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 29). Но тут произошло непредвиденное. Слово попросил товарищ Сталин. Председательствующий товарищ Андреев не растерялся, объявляет «тов. Сталин (делегаты съезда устраивают тов. Сталину шумную продолжительную овацию). Все стоя долго приветствуют тов. Сталина возгласами: «Да здравствует тов. Сталин!», «Товарищу Сталину, ура!»

Неожиданно он подходит к трибуне. Что происходило дальше — в неправильной стенограмме съезда. Тут что все пошло по сценарию, — на странице 24 дописано рукой стенографиста. Как вспоминала впоследствии Надежда Григорьевна сложившуюся ситуацию: «Зал замер». Можно только представить, в каком состоянии находились те, кто готовил это заседание, наверняка были мысли, что сделано что-то не так.

Что происходило дальше — в воспоминаниях Грековой: «Сталин всегда говорил тихо. Он подошел к трибуне и сказал: «Я предлагаю дополнить список — ввести в состав членов Ревизионной комиссии товарища Грекову. Услышав из уст Сталина такое предложение, я едва не упала со стула. Потом в моей голове пронеслось, что это не обо мне он говорит, а о ком-то с похожей на мою фамилией или однофамильце. Заметив, как я шарахнулась, и мое смущение, Сталин рукой указал на место, где я сидела рядом с Пономаренко, и сказал: «Как, товарищи из Белоруссии? Не возражаете?» Голоса раздались с мест: «Поддерживаем!» Вот так по предложению Сталина был дополнен моей кандидатурой список состава руководящих органов ЦК КПБ(б) на XVIII партсъезде. Разве может такое быть забытым? Никогда!» (*О времени и о себе. С. 11*).

По протоколу тов. Андреев вопрос ставит на голосование. «Грекова Н.Г. — третий секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. Отводы есть?»

Голоса: «Нет!» (Там же).

А потом было неформальное общение с товарищем Сталиным, но без своей истории и тут не обошлось. После заседания ревизионной комиссии было назначено фотографирование вновь избранных ее членов. Приехать должен лично Сталин. Надежда Григорьевна, как истинная женщина, побежала в парикмахерскую делать прическу, время еще позволяло. И тут выясняется, что Иосиф Виссарионович уже выехал и фотографирование сдвигается, в зале спешно расставляют стулья, собираются делегаты, за Грековой в парикмахерскую срочно послали адъютанта, а процесс наведения красоты еще в начале пути. Сталин прибыл, ему докладывают, что собрались все, кроме Грековой, и после небольшой заминки адъютант, не зная, как сказать, наконец осторожно добавляет, что она... в парикмахерской, но вот-вот прибудет. Сталин к ситуации отнесся

с пониманием. Предложил всем рассаживаться и подождать товарища Грекову, причина уважительная и дело уж больно важное. Сама же она, даже сложно представить ее состояние в такой момент, попыталась незаметно войти в зал и так же незаметно пристроиться в последнем ряду. Но не получилось. Сталин повернулся в ее сторону и пригласил в первый ряд: «Проходите, товарищ Грекова, не стесняйтесь, садитесь вот сюда, мы вас ждем». На память о той встрече осталась фотография и воспоминания на всю жизнь. Иосиф Виссарионович наверняка остался доволен собой, а Грекову, как показали последующие события, запомнил хорошо... и надолго. Надолго запомнил ситуацию и Цанава.

Закончился исторический съезд. Итоги страшного, противоречивого года подводила «Записка секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко начальнику Управления кадров ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о вредительстве в руководстве республики. 3 июля 1939 г.» (НАРБ. Ф. 4Б. Оп. 21. Д. 1522. Л. 1—8. Копия). Она объемная, на 8 листах, читаешь ее — и становится не по себе. Ведь в ней только небольшая часть того, что происходило в республике за такой короткий временной отрезок. Цифры, процессы, количество незаконно репрессированных и имена, имена, имена людей, чьи судьбы были исковерканы, жизнь фактически перечеркнута одним росчерком пера очередного доносчика, следователя, тройкой.

Вот лишь некоторые выдержки, которые говорят сами за себя: «Особенно массовый характер имело создание провокационных дел против районных советских и партийных руководителей в конце 1937 г. и начале 1938. Были исключены из партии и по провокационным материалам арестованы руководители парторганизаций Бельничского, Руденского, Семеновского, Березинского, Червенского, Сиротинского, Хормянского и ряда других районов».

Или еще выдержка: «...по прямому указанию руководства ЦК КП(б)Б по Белоруссии широко развернулись так называемые показательные процессы над районными руководителями, которых судили на глазах разложившейся части единоличников, используя показания этих единоличников, показывавших все, что угодно, так как они были озлоблены за требования руководителей выполнять госпоставки. Были исключены из партии и сняты с работы 24 секретаря райкомов, 33 секретаря райкомов партии были просто сняты с наложением различных партийных взысканий, около 35 секретарей райкомов были арестованы. Подавляющее большинство из них реабилитировано полностью. Были сняты с работы и арестованы около 50 председателей райисполкомов».

Досталось и творческой интеллигенции: «Кадры писателей, художников, скульпторов, артистов испытывали на себе дикое хулиганское отношение. В середине 1938 года они были в состоянии творческой пассивности, моральной подавленности. Писатели и наиболее видные артисты дошли до того, что буквально гадали — кто будет следующим арестован. Вокруг этих людей создавалась обстановка отдаления их от партии и Советской власти». И приписка: «Сейчас органами НКВД доказано, что эти материалы являются клеветническими, и, за немногим исключением, все они реабилитированы полностью». Правда, не уточняется, какое количество посмертно. И еще немаловажная деталь — при принятии важнейших решений в стиль партийного руководства входило такое понятие, как снять с себя ответственность. Пономаренко не исключение. Он констатирует факты и тоже снимает с себя ответственность, скромно умалчивая о своем участии в такого рода разоблачениях. Он пишет: «Сообщая о вышеизложенном, передаю это на усмотрение Центрального Комитета ВКП(б)».

Казалось бы, страшный период позади, но напряжение не спадало. Оно нагнеталось еще и той обстановкой, которая складывалась у западных границ СССР, у границ Белоруссии.

МЕССИНГ, БЕЛОРУССИЯ И НКВД

В один из дней начала сентября 1939 года Лаврентий Цанава попросил Пономаренко срочно принять его с сообщением особой важности. Добро было получено, и он незамедлительно приехал в ЦК. Пантелеймон Кондратьевич на встречу пригласил секретарей, в том числе и Надежду Григорьевну. Ни у кого не было сомнения, что речь пойдет о событиях, которых ждали со дня на день и к которым готовились. Все очень волновались. Грекова в своих воспоминаниях «О времени и о себе» так описывала царившее в руководстве республики настроение: «Командующий БВО генерал-полковник Ковалев сообщил дату, когда наши войска должны перейти польскую границу, — 17 сентября 1939 года. Это была строжайшая тайна. Готовились секретно к открытию госпиталей в Минске на случай столкновений на границе. Мне и Малину В.Н. — зав. отделом пропаганды ЦК было поручено написать листовки и обращения к населению западных областей об особой важной миссии советских войск. Требовалась гигантская работа по подбору кадров с тем чтобы по мере освобождения западных районов туда направлялись подготовленные кадры для налаживания нормальной жизни населения и органов Советской власти» (*О времени и о себе. С. 7*).

Каково же было удивление собравшихся, когда Цанава человек более чем серьезный, начал рассказывать о каком-то Мессинге, который смог обвести вокруг пальца и пограничников, и следователей, вполне легально проникнуть из Польши на территорию СССР и внушить тем, что они белогвардейцы. А еще о том, что и сам не смог устоять перед его командой, принять у себя в кабинете, что и было сделано. Этот факт беспокоил больше всего. Если один человек может управлять самим наркомом, манипулировать сознанием его сотрудников, произойти может все, что угодно. Ситуация угрожающая. «У Пономаренко, да и у всех нас, кто был в кабинете, сложилось впечатление, что это — шарлатан, темная личность», — вспоминала впоследствии Грекова (*Там же. С. 10*). В рассказ Цанавы верилось с трудом. Впоследствии, когда опросили участников устроенного Мессингом спектакля, выяснилось, что все, о чем говорил Цанава, правда. Надежда Григорьевна так описывает экстрасенса в своих воспоминаниях: «Мессинг пристроился к группе выезжающих специалистов Виленского радиозавода (Вильнюс в 1939 году входил в состав Польши. — *Примеч. авт.*) и вместе с ними приехал в Минск. Когда разобрались, что он никакого отношения к специалистам завода не имеет, его задержали. На допросе у следователя КГБ он, прикрикнув на него, спросил, на каком основании его задержали и почему сейчас его допрашивает белогвардеец. Следователь, поддавшись его гипнозу, заметил у себя на груди белогвардейские кресты и другие знаки отличия. Мессинг потребовал сейчас же дать распоряжение о его освобождении. Следователь выписал пропуск и оповестил посты. Когда он выходил, часовые отдавали ему честь. Когда опомнились, подумали, что Мессинг сбежал. Но через несколько дней он позвонил наркому КГБ и попросил его принять. Нарком принял его незамедлительно» (*Там же. С. 9*). Цанаве он объяснил, что

«...в Польше его замучили еврейские погромы и гонения, (к этому времени его семья — отец и братья были расстреляны в Майданеке — *Примеч. авт.*), а у нас в стране он слышал, что все национальности равны, а он как человек, обладающий редкой индивидуальностью, на основе «дальневидения» может читать мысли человека и подчинять его своей воле, готов дать расписку, что во вред никому ничего плохого делать не будет» (*О времени и о себе. С. 9*).

Пономаренко попросил привести Мессинга в ЦК: «Каково же было наше удивление, когда он действительно демонстрировал нам чудеса: через индуктора читал мысли. Индуктор — это человек, которого он держит за руку и тот должен про себя говорить задуманное, а он по токам крови произносит вслух, что тот думает». Как сложилась судьба Мессинга в СССР — известно широкой публике. Он не только выступал с концертами, демонстрируя свои уникальные способности, но и не раз выполнял деликатные поручения всесильного ведомства. С Надеждой Грековой судьба будет сводить его еще не раз. Тогда же, в сентябре 1939 года, руководство республики на примере судьбы конкретного человека еще раз убедилось, насколько тревожна ситуация по ту сторону границы. Простых людей, бежавших от войны на территорию Белоруссии, становилось все больше.

ДЕМОКРАТИЯ ПО-ПОЛЬСКИ, ДЕМОКРАТИЯ ПО-СОВЕТСКИ

В своих воспоминаниях «О времени и о себе» Надежда Григорьевна писала: «Около 9 лет я исполняла обязанности Председателя Верховного Совета БССР. За это время было проведено восемь сессий Верховного Совета БССР. Две из них — третья и шестая запомнились как исключительно выдающиеся события в жизни белорусского народа».

Шестая сессия проходила в марте 1944 года в Гомеле на освобожденной от гитлеровцев территории, впервые после начала войны. Но об этом позже. Третья же сессия действительно была знаковой. Она состоялась в ноябре 1939 года и именно на ней было принято историческое решение о включении Западной Белоруссии в состав Белорусской ССР, воссоединении народов в единое государство. Месяцем раньше в октябре 1939 года в Белостоке произошло еще одно историческое событие — жители региона собрались на Народное собрание. Пресса сообщала тогда о принятии на нем важных для Западной Белоруссии документов — «О государственной власти», «О вхождении Западной Белоруссии в состав БССР», «О земле», «О национализации банков и крупных промышленных предприятий». Эти и другие решения организационного характера положили начало кардинальным изменениям жизни региона. Вхождение Западной Белоруссии в состав БССР юридически было закреплено в Декларации Народного собрания Западной Белоруссии.

Внеочередная V сессия Верховного Совета СССР первого созыва, которая состоялась 2 ноября 1939 года в Москве, приняла решение удовлетворить просьбу Народного собрания Западной Белоруссии и включить ее территорию в состав СССР, объединив с БССР. 14 ноября 1939 года на внеочередной III сессии Верховного Совета БССР был подписан Закон «О принятии Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики». В ре-

зультате территория БССР увеличилась с 125,5 тыс. кв. км до 225,7 тыс. кв. км, а численность населения выросла в 2 раза и составила 10 млн 200 тыс. человек. На западнобелорусских землях, вошедших в состав БССР, были образованы Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская области.

Но это была официальная информация, за которой стояли очень сложные политические, дипломатические процессы, особенно те, которые происходили в последние предвоенные годы. О них написано немало исследований, о них спорят и по сей день, высказывая порой диаметрально противоположные точки зрения. Для кого-то акт воссоединения — это освобождение. Многочисленные документы, статистические данные, и в первую очередь конца 1930-х годов, воспоминания очевидцев событий подтверждают, что эта точка зрения наиболее соответствует действительности. Они же подтверждают, что народам, проживающим на западных территориях, грозила агрессивная колонизация, ассимиляция и окатоличивание. Для них был закрыт доступ к получению образования на национальных языках, о высшем или специальном образовании речи вообще не шло, имелись ограничения экономического плана. По сути белорусы, как и украинцы, евреи, русские, люди других национальностей, были практически бесправными.

В качестве примера достаточно обратиться только к одному документу — Докладной записке белостокского воеводы Бана Осташевского на имя министра внутренних дел Польши от 23 июня 1939 года «Проблемы укрепления польского господствующего положения в Белостокском воеводстве». Она была направлена высокому начальству под грифом «секретная», и ее содержание не оставляет никаких сомнений в том, что белорусское население ждала незавидная участь: полная утрата своей национальной идентичности и бесправное положение. Вот только некоторые выдержки из записки: «Выражаясь кратко, наше отношение к белорусам может быть определено так: мы желаем одного и настойчиво требуем, чтобы это национальное меньшинство думало по-польски, ничего взамен не давать и ничего не делать в ином направлении». Или другая выдержка: «Рано или поздно белорусское население подлежит колонизации. Они представляют из себя пассивную массу, без широкого народного сознания, без собственных государственных традиций. Желательно, однако, этот процесс ускорить, иначе могут возникнуть различные недоразумения, мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру».

Практически о том же в записке Виленского воеводы Ботяньски: «Эти земли следует сделать польскими, и это без сомнения... В школах, костелах надо применять определенное давление в направлении завоевания белорусов. Часто это может казаться brutальным, но цель великая, чтобы с этим считаться. Лозунг «аполитичная школа» является недоразумением. В восточных землях школа должна быть политической, это такое могучее оружие для колонизации, что должно использоваться политической администрацией» (*Польша — Беларусь. 1921—1953. Сборник документов и материалов. Минск, 2012. С. 181—182*).

А еще преследование непольского населения по любому поводу, если кто-то пытался отстаивать свои права, свое человеческое достоинство. Результат всех ждал один — ужасы концлагеря в Березе-Картузской, где пытки по своей изощренности и жестокости мало чем отличались от тех, которые потом применяли фашисты на оккупированных территориях, в той же Польше. В этот лагерь мог попасть любой за малейшее проявление инакомыслия, он и создан

был для того, чтобы «сломить волю заключенных, раздавить людей психологически и физически» (*Польша — Беларусь. 1921—1953. Сборник документов и материалов. Минск, 2012. С. 183—184*).

Каким был этот лагерь, что там происходило — тоже в документах и воспоминаниях очевидцев. Л.Т. Волосюк находился в лагере в 1936 году. «Встреча новоприбывших сопровождалась пытками и побоями. Через лагерь нас выгнали в оплетенный шестью рядами проволоки двор с казармой, которая именовалась арестантским блоком. Здесь нас пропустили через шпалер полицейских с дубинками и втокнули по отдельности в маленькие каморки, где палач Пытель, он же комендант блока, поддавал нас особой ревизии — обработке по голому телу. Пытель же сам и приводил в чувство с помощью ведра воды. Затем Пытель выдавал арестантское облачение... Я получил номер 633. До полуночи двое полицейских обучали нас, как мы должны справляться и вести себя, сопровождая «науку» дубинками. По полуночи ворвались к нам четыре полицейских во главе с майором. Я изложил рапорт, как меня учили. Майор лениво выслушал меня и полицейским сказал продолжать учебу. Один полицейский схватил меня за одну руку, а другой за другую, двое же других полицейских начали лупить меня по плечам и груди... Очнулся я весь облитый водой, в тяжелой лихорадке. Таким же истязаниям подвергались и женщины».

Об этом же идет речь в воспоминаниях члена Коммунистической партии Западной Белоруссии, уроженки Слонимщины В.Г. Искрик, которая находилась в лагере в сентябре 1939 года: «В нашей партии было всего 90 женщин, в основном комсомольского возраста. Перед воротами концлагеря всех нас выстроили по двое в ряд и пропустили за воротами до большого трехэтажного здания сквозь двойной строй полицейских с дубинками. Несколько странный вид избиения был для нас неожиданным и ужасным. Каждый полицейский старался обязательно ударить проходящую жертву дубинкой по голове или по спине. Особенно сильным истязаниям подвергались упавшие. То же самое происходило и на лестницах здания до третьего этажа». Дальше читать страшно. В воспоминаниях — о том, как подвешивали вниз головой и заливали в рот концентрированный раствор соли, как заставляли стоять в таком же солевом растворе по пояс в воде, в которой разлагалось человеческое тело, прочие ужасы (*Они не стали на колени: Сборник воспоминаний и документов о концлагере Береза-Картузский. Минск, 1966. С. 49—50*). Эдакая демократия по-польски. За 5 лет его существования, то есть с 1934 года, через лагерь прошло около 10 тысяч человек — представителей разных национальностей и политических взглядов, просто рядовых белорусов. Несомненно, для людей, переживших все это, воссоединение было освобождением, и оно вселяло надежду.

Для кого-то воссоединение — это оккупация, акт агрессии. Такие заключения делаются на основе репрессий, которые были осуществлены в отношении части населения Западной Белоруссии, только уже с советской стороны, в конце 1930-х годов, и которым подверглось население практически всех республик СССР. Истина всегда посередине, когда в реальности присутствуют элементы и тех и других событий. А ситуация была действительно сложная, говоря современным языком, западные границы, западные территории были серьезным очагом напряженности. Достаточно только обратиться к рассекреченным документам последних предвоенных лет, чтобы стало понятно, насколько все было запутано, когда не то союзники, не то враги искали компромисс и в то же время вели закулисные переговоры, пытаясь создать альянсы

в своих интересах, но уже против интересов вроде бы как союзников. Документы свидетельствуют, что все действительно было сложно и запутано. Результат оказался неутешительным — попытки СССР создать пояс безопасности в Европе, обезопасить свои границы путем создания альянсов, переговоров с Великобританией, Польшей, Германией не увенчались успехом. Единственным весомым достижением стал пакт Молотова—Риббентропа. К нему можно относиться по-разному, но очевидным является тот факт, что свою роль в отсрочке военных действий в отношении Советского Союза он сыграл.

О перипетиях того времени, его закулисы написано начиная с конца 1980-х годов, когда в СССР наконец признали наличие такого договора, достаточное количество исследований. Но картина не может быть полной без другого массива документов, на которые обращалось внимание еще Съездом Советов в 1989 году. Это не рассекреченные протоколы к самому пакту, стенограммы переговоров, торг за сферы влияния, стенограммы совещаний у Сталина по этому вопросу с очень разными вариантами сценариев развития событий, которые писались в СССР. Поэтому давать однозначные оценки было бы преждевременным. Неопровержимым фактом остается как то, что Германия отказываться от своих агрессивных планов не собиралась, так и то, что белорусскому населению ничего хорошего ждать от польских властей не приходилось.

Сведения могут дополнить ранее неизвестные воспоминания тех, кто непосредственно принимал участие в реализации всех указаний высших партийных органов по Западной Белоруссии. Одной из ключевых фигур была Надежда Грекова. Она не просто председательствовала на сессии, выполняя протокольные функции, а буквально с первых дней вместе с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пономаренко включилась в решение народнохозяйственных задач Западной Белоруссии, была фактически ответственна за этот регион.

В первые дни, недели — все очень эмоционально, на подъеме, особенно сессия — первая всенародная, с делегатами от всех регионов Западной Белоруссии, с яркими личностями и такими же яркими выступлениями. Каждый хотел как можно лучше высказать все свои чувства в адрес народа Западной Белоруссии, партии и правительства. Но не обошлось и без курьезов, которые стоили Грековой немало нервов и выдержки. Как вспоминала Надежда Григорьевна, поначалу все шло хорошо: выступления Сурганова, Якуба Коласа, приветствия от пионеров, телеграммы...

«На трибуну поднимается видный военачальник, — вспоминала Надежда Григорьевна. — В руках у него пограничный столб. Он, переходя государственную границу, захватил его с собой и додумался принести в зал, а во время своего выступления поставить рядом. Заканчивая речь, обратился ко мне со словами: «Товарищ Председатель Верховного Совета БССР, граница перенесена (в связи с объединением западных областей). Куда прикажете поставить пограничный столб?» Вот так номер. Я сначала растерялась ужасно, ввиду ясности границы не было необходимости давать указание, куда его поставить, в зале все взоры — к пограничному столбу». Эта заминка, пока депутаты разглядывали раритет, и помогла Грековой собраться. Через мгновение она уже благодарила его за содержательное выступление, объясняя, что государственная граница определена и столб займет свое достойное место на одном из ее участков. И это все в прямом эфире.

Выступая, свою речь он закончил лозунгами: «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин! И врежемся мы в Рим!» (Тогда много писали об оси Берлин—Рим как линии безопасности. — *Примеч. авт.*). А третья сессия транслировалась по всем радиостанциям». Дальше события разворачивались стремительно. «Не прошло и 5 минут, как Пономаренко срочно из президиума вызвали к телефону, звонил лично Сталин, который «строго спросил у Пономаренко: «Что у вас там происходит на сессии? (Это совпало с заключением договора СССР и Германии о ненападении). Почему такие призывы?» Пришлось давать пояснения и пережить неприятное» (*О времени и о себе. С. 48*). Что стояло за этой фразой, догадаться несложно. Сам Сталин делает не просто замечание, в нем содержится прямое указание на то, что белорусские товарищи своими непродуманными речами срывают с таким трудом заключенное соглашение с Германией.

На Пономаренко страшно было смотреть после нелюбезного разговора со Сталиным, который еще неизвестно чем закончится. Поэтому он с таким удовольствием аплодировал, когда, наконец, закончилось это выступление, что подтверждают сохранившиеся кадры кинохроники. Просматривая их, не сразу поймешь, с чем была связана такая эйфория Пантелеймона Кондратьевича. Этот эпизод все расставил по своим местам. Благо ситуацию разрядило выступление депутата А. А. Матвеева, секретаря Минского обкома партии. «Он решил выступить на белорусском языке. Текст был напечатан. Буквы русские, но, не зная белорусского языка, он неправильно начал ставить ударение, в двух словах они и вовсе выглядели комично: «Белорусский народ 20 гадов жил под примусом». В зале, естественно, раздался смех». Успокаивать зал снова пришлось Грековой. Но все вроде обошлось. Только потом Матвеева так и прозвали — «примус». А хотел сказать: «20 гадов пад прымусам» (*Там же. С. 48*).

За политическими решениями стояли вполне конкретные практические действия. Для руководства республики, лично Пономаренко сентябрь—декабрь 1939 года, судя по документам, стал серьезным испытанием. Все, что касалось Западной Белоруссии, — на контроле лично Сталина. От того, как там будут решены поставленные задачи, в первую очередь народно-хозяйственные, политические, идеологические, зависел авторитет СССР, который все свои действия осуществлял под лозунгом освободительной миссии и преимуществ социализма. И это надо было подтверждать.

Шифровки, записки, которые направлялись на имя Иосифа Виссарионовича только с 17 по 25 сентября 1939 года и практически каждый день за подписью Пономаренко, свидетельствуют, насколько напряженным был этот период для республики, для ее руководства. Судя по документам, как член Военного совета Западного округа Пантелеймон Кондратьевич вместе с частями Красной Армии под командованием Андрея Ивановича Еременко принимал непосредственное участие в военных действиях, фактически возглавил освободительную миссию в Западной Белоруссии. В донесениях — о переходе под контроль населенных пунктов Столбцы, Мир, Кореличи, Новогрудок, Несвиж, Слоним, Барановичи, Волковыск. Фотоархив, кадры кинохроники запечатлели его участие в митингах в этих населенных пунктах, запечатлели и то, как он беседует с солдатами, осматривает, например, замок Радзивиллов, его ценности.

Но в записках в Центр много бравады о победах и отступлении поляков, которые деморализованы. К сожалению, в них ничего не говорится о потерях, а они были как с одной, так и с другой стороны. Каковы они — это уже под грифом и по линии другого ведомства. Официальная же статистика того

периода (по данным Молотова) давала такие сведения: с советской стороны убитых 737 человек, раненых — 1862 человека. Современные источники называют несколько иные цифры потерь: убитых — 1475, раненых и пропавших без вести — 3858 человек. Потери вермахта — от 13 до 20 тысяч человек убитых и пропавших без вести, около 30 тысяч раненых. Польская армия потеряла 66 тысяч убитыми, 120—200 тысяч ранеными, около 700 тысяч пленных (*Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистические исследования. М., 2001*).

В Западной же Белоруссии начинались совсем другие проблемы. После похода с освободительной миссией, торжеств наступали будни, наполненные событиями, многие из которых стали не менее неожиданными, чем некоторые выступления на сессии, а многие — настоящей драмой. Их предстояло решать ЦК под руководством Пономаренко, правительству. Контроль, реализация многих задач возлагались в том числе и на Грекову. А их выполнение было далеко не однозначным и сопряженным со многими сложностями.

В Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 4п, опись 1, дело 14536) в корпусе документов «Особый сектор» (Строго секретно) — документы только за четыре месяца 1939 года и в них — прямые поручения Грековой по решению многих хозяйственных, производственных, социальных проблем в регионе, где предстояло фактически изменить все — от политической системы до уклада жизни. Иркине подписывала докладные записки, расчеты, обоснования по цифрам для той или иной отрасли. Например, документы, которые готовила Грекова на заседание Бюро ЦК КП(б)Б, «О переходе на советскую валюту на территории Западной Белоруссии», о промышленных предприятиях (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14536. Л. 1—2*). В материалах о стратегии ЦК ВКП(б) и СНК СССР в отношении Западной Белоруссии много прямых поручений двум адресатам — «т.т. Пономаренко, Грековой». А решения ЦК ВКП(б), СНК СССР, как бы сейчас сказали, были далеко не популярные, во многом резали по живому то, что создавалось, формировалось поколениями на территории Западной Белоруссии. Они в основном о национализации. В перечень обязательных попадали все промышленные предприятия пищевой промышленности, бумажные, стекольные, фанерные, по изготовлению льноволокна, кожевенные заводы, лесопильни, даже небольшие фермы частников по откорму серебристо-черной лисы, такой популярной в то время в Европе чернобулки. А еще банки, железная дорога, медицинские учреждения, школы... Ситуация же на территории Западной Белоруссии была, мягко говоря, неоднозначной.

В материалах за 1939 год удалось обнаружить весьма неприятный для руководства республики документ (фонд 4п, опись 1, дело 14536, лист 7. Сов. секретно. Серия «К», экз. 1). Передано из «СССР, НКО, Политуправление 10-й армии. 28 декабря 39 г.». Его содержание резко диссонировало с теми восторженными откликами населения на перемены в Западной Белоруссии, которыми пестрела пресса.

«Военному совету Белоруссии Особого военного округа. Начальнику политуправления Белорусского Особого военного округа — дивизионному комиссару тов. Иванову. При этом направляю копию доклада начальника гарнизона «Черная Весь» — майора тов. Цытович с приложением копии анонимного письма контрреволюционного содержания. Зам. начальника ПУАРМА — 10. Батальонный комиссар Токарев. Перевод с польского:

«Товарищи щенки, шалопаи. Вам управлять мусорными ямами и клозетами, что вы науправляли, что килограмм черного хлеба 65 грошей. Обещали блага, а где оно. Народ без работы и крыши над головой. Иное говорите, иное делаете. Съехалась эта нищета голодная и грабит как может население, из квартир выбрасывает и без работы оставляет, а дороговизна растет. Удирают с советского рая. Правила господа, что вы их там оскорбляли, но было все, что душа пожелает, съел рабочий, съел пан. Где это равенство, щенки и шалопаи... Темный сброд, к чему вы довели людей и мы убедились, что люди, которые умели управлять, то находятся в тюрьме, а вы так науправляли, что пустой кооператив, дороговизна. Вы сукины сыны, придет и на вас момент. Рай советский, нужда, голод, жены босые и нагие, ходят в пальто, которые им послали. О сахаре забыли. Вы изменники, продавшие весь народ на беду, но сами пьют, жрут, выменивают соль на все и жены ваши пасутся. Долой с коммунистами. Пусть живут паны, ибо было все. Прочь с советской Россией, нуждой и голодом. Пусть живет Польша и царская Россия».

И, к большому сожалению, во многом описанная ситуация была правдой — хозяйственные связи, которые фактически оказались разрушены в одночасье, привели к коллапсу. К этому добавлялись и другие проблемы — большое количество пленных, миграция, расселение и переселение населения, а еще элементарный грабёж поставщиков из восточных регионов продуктов, саботаж со стороны бывших хозяев. Телеграммы с мест на имя Пономаренко — реальное тому подтверждение. И их много (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14751. Л. 59, *Свободный сектор*): «Председатель временного управления города Лида отказывает обеспечить азототранспортом согласно вашего распоряжения. = Гоманько». Или же (Там же. Л. 68): «Из Кобыльник. Просим срочно прислать нам десять машин соли и две керосина на кобыльницкое волпо. Высланные вами соль и керосин где-то остановили, к нам не пускают. Население страдает, есть факты заболевания». Присутствовала и неисполнительность со стороны центральных органов власти республики (Там же. Л. 70): «В Волковысском уезде долгое время отсутствует соль. За все время получено всего 3 тонны. Положение тяжелое. Наши телефонные разговоры и телеграммы Наркомторгу Ванееву Совнаркому Киселеву меры завозу не принимаются. = Павловец».

На них, как и на других документах, прямые поручения Грековой. Резолюции жесткие — «т. Грековой. Разобраться», «Решить» и все в таком же духе. На место выезжают Пономаренко, Грекова. Надежда Григорьевна так впоследствии описывала ситуацию в своих воспоминаниях: «В основном все проходило нормально, без больших схваток и столкновений с польскими пограничниками. Как было предусмотрено по договору, а наши товарищи по мере освобождения организовывали управление и нормализацию жизни в освобожденных районах. Но были и отдельные выпадки. Так, например, при освобождении Бреста мэр города поляк оказал сопротивление. Он закрыл доступ ко всем базам продовольствия, заявляя, что в городе нет ни хлеба, ни мяса, нет никаких продовольственных запасов. В это время Пономаренко и я находились в Бресте» (*О времени и о себе. С. 8*).

Решение было принято незамедлительно. В мэрии собрали срочное совещание, чтобы разобраться в ситуации на месте. Все прекрасно понимали, что такого в принципе быть не могло, вполне благополучный в социальном плане город вдруг лишился всего. Для разговора пригласили и мэра. «На польском

языке издевательски он заявлял, что, мол, завоевателям он не только хлеба, мяса, но и воды не даст. Переводчик его выступление и ответы на вопросы, касающиеся снабжения населения, переводил не с его слов, а сам придумывал ответы, что, мол, мы хотим помочь, но все фонды и ресурсы израсходованы, рады бы, но не можем» (*О времени и о себе. С. 8*).

Панам было невдомек, что Грекова хорошо знала польский, поэтому после очередных «объяснений по поводу сложной ситуации» попросила сделать перерыв, во время которого и рассказала Пономаренко, что над ними просто издеваются. «Решили, что после перерыва мне надо выступить на польском языке и разоблачить их заговор, пусть знают, что мы их поняли» (*Там же. С. 8*). Можно только представить себе состояние поляков, которые и предположить не могли, что большевистская власть — это не варвары и завоеватели, а вполне образованные люди. Это во-первых. А во-вторых — хорошо информированы и нацелены решить вопрос обеспечения города продовольствием. Результаты совещания не заставили себя долго ждать. «Вскоре были открыты магазины, базы, склады, постепенно нормализовалась жизнь» (*Там же*). Мэра, который пришел на совещание с узелком и, как он сказал, уже исповедовавшись у ксендза, никто задерживать не стал к его великому разочарованию. Спектакль, где большевики прямо в мэрии арестовывают представителя власти, не состоялся.

ЭТО БЫЛ ТИТАНИЧЕСКИЙ ТРУД

Сегодня с позиции восьми десятилетий, прошедших после воссоединения с Западной Белоруссией, есть возможность еще раз оценить его значение в истории для проживающего там населения. Об этом, как ни парадоксально, и по сей день не утихают споры. Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно обратиться к польской статистике предвоенного периода. Интересную информацию содержит «Малый статистический сборник», изданный в Варшаве в 1938 году. Согласно содержащимся в нем данным, на территории Западной Белоруссии в 1931 году сельское население составляло 85%, из них 79% было занято в сельском хозяйстве. Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства, которые составляли 23% всей территории Польши и 11% ее населения, имели только 2,8% предприятий и 1,9% рабочих страны. Недельная зарплата в этих воеводствах к уровню зарплаты в Варшаве составляла: в Виленском воеводстве — 53,7%, Новогрудском — 33,6, Полесском — 45%, тогда как в Краковском — 71%. Средний дневной заработок рабочего в Новогрудском воеводстве составлял 2 злотых, в Полесском — 2,96 злотых. На Городищенской фанерной фабрике рабочие-мужчины получали 1,20 злотых, рабочие-женщины — 0,60 злотых. При этом килограмм ситного хлеба стоил 0,34 злотых, пшеничной муки — 0,53, масла — 3,4 (*Mały rocznik statystyczny. Warszawa, 1938. S. 176, 255, 285, 286*).

Приведем цифры для сравнения. В БССР в 1929—1940 годах было введено в строй или реконструировано 1853 предприятия. К 1940 году валовая продукция промышленности восточных областей Белорусской ССР составила 2 млрд 377,8 млн рублей и превысила показатели 1913 года в 23 раза (*IV сессия Верховного Совета БССР 25—27 апреля 1940 года. Стенографический отчет. Минск, 1941. С. 1—14*).

Или цифры по образованию. Если в 1930-х годах в БССР была фактически ликвидирована неграмотность, то в Западной Белоруссии по состоянию на 1931 год 43% жителей старше 10 лет были неграмотными. К сентябрю 1939 года на 100 квадратных километров в Виленском и Новогрудском воеводствах приходилось 5,4 школы, в Полесском — 3,4 (средний показатель по Польше — 7,3). В результате целенаправленной колонизации к 1938/1939 учебному году все белорусскоязычные школы были переведены на польский язык.

В сфере высшего образования в 1938/1939 учебном году во всей Польше насчитывалось всего 218 студентов-белорусов. Среди учащихся Виленского университета количество белорусов в 1930—1936 годах составляло 1—2%, доля поляков, по данным на 1937/1938 учебный год, — 72,6%. Что касается интеллигенции, то в Полесском воеводстве в 1928 году лишь 2,5% интеллигенции приходилось на долю белорусов (на долю поляков — 75%), при том, что в Полесском воеводстве поляки составляли 8% населения, а белорусы — 65%. (*Западная Белоруссия: Стат. справочник. Минск, 1939. С. 136*). Эти цифры свидетельствуют, что ситуация с белорусским населением, с состоянием экономического развития региона, которое и назвать-то развитием сложно, ситуация с образованием, база для которого также практически отсутствовала, с другими отраслями народного хозяйства была просто удручающей.

Поэтому все силы центрального белорусского руководства были брошены на то, чтобы приблизить регион к уровню жизни восточных областей. И многое действительно было сделано за, казалось бы, нереально короткие сроки, всего-то за неполные три года. Как свидетельствуют документы, это был действительно титанический труд.

В первую очередь решался кадровый вопрос. Работники основных отраслей народного хозяйства направлялись в западный регион практически из всех областей республики. Как показывает анализ протоколов заседаний Бюро ЦК КП(б)Б, кандидатуры по представлению партийных организаций обсуждались, рассматривались на нем в обязательном порядке и особенно внимательно с точки зрения «политической подкованности», на характеристиках — визы Пономаренко, Цанавы, секретарей ЦК. Итоговый список утверждался лично Лаврентием Фомичом. Протоколы заседаний таких Бюро ЦК свидетельствуют, что на работу в Западную Белоруссию отправляли сотрудников практически всех отраслей и категорий, начиная от заместителя Наркомпроса БССР Василия Никифоровича Корсакова, партийных работников — Федора Васильевича Глебова, заместителя заведующего отдела кадров Минского обкома партии, Федора Андреевича Журова, заместителя заведующего отделом пропаганды Могилевского обкома партии — до узких специалистов, например, редактора Полоцкой районной газеты Бориса Моисеевича Зельманова, цензора Минского обллита, писателя Никифора Афанасьевича Крапивы, писателя Михаила Михайловича Блистинова, и это помимо большой группы работников экономического сектора республики. То есть охвачены были все направления народного хозяйства. Как сложились судьбы этих людей? Были ли они репрессированы или погибли в первые дни войны, возможно, успели эвакуироваться или влиться в ряды действующей армии? Об этом станет известно потом. Тогда же они, веря в идеалы самого справедливого общества, отправлялись строить новую жизнь в Западной Белоруссии.

Тех, кто жил с такой верой, было немало. Люди из разных регионов как Западной Белоруссии, так и самой республики писали лично Сталину очень

патриотичные письма. Многие хотели вступить в ряды Красной Армии, пройти воинскую службу. Вот, например, трогательное письмо Крапивко из Западной Белоруссии, где он писал, что счастлив и хотел бы служить новой родине, свободной от панов и гнета. Или же просьба учителей с Гомельщины направить их на работу в Брест, а Адам Сейдан из того же Бреста просил определить его на работу в заготконтору, куда так хотел устроиться, но при панах белорусов туда не принимали, и вот теперь есть такая возможность. Писем, обращений много, они такие искренние, где-то наивные, люди выражали готовность служить родине, работать на землях, куда пришла свобода и справедливость (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14751. Л. 15—17).

И в предвоенный период действительно было сделано невозможное. Грекова не просто участвует, говоря казенным языком, в решении жизненно важных вопросов региона. Многого вообще приходилось начинать с нуля и доводить до логического завершения — создавать не только базу для развития промышленности, но и целые отрасли с ключевыми организациями, предприятиями. Создавать условия для ликвидации неграмотности, снижения уровня заболеваемости, заниматься систематизацией национализированных культурных ценностей, массой других проблем. А этими другими проблемами были поставки продовольствия, предметов первой необходимости в западные регионы, где не все складывалось гладко. Об этом свидетельствует, например, совещание у секретаря ЦК КП(б) Н. Г. Грековой по вопросу отправки выделенных фондов товаров в западные области БССР от 9 декабря 1939 года (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14551. Л. 1—20). Вот только некоторые выдержки из стенограммы этого совещания: «Созыв совещания вызван тем, что, несмотря на острую потребность в трех областях в товарах, которые были отпущены, к сожалению, они никак не доходят до потребителей. В чем причина? Совсем непонятно. Фонды товаров, выделенные экономсоветом, доведены, а наши организации, которые обязаны буквально проследить за каждым шагом следования этих товаров, относятся к поручению совершенно недопустимо».

Или же о реальном положении: «Мы имеем такое положение, что сейчас во всех трех областях повсеместное явление, когда соли, спичек, махорки, мыла, крупы и прочих товаров нет. Почему такое положение? В бывшей панской Польше трудящиеся и, в особенности крестьянство, на селе долгий период в глаза не видели соли. И сейчас мы имеем такое же положение. Почему спички не могут быть завезены». И совсем жесткое: «Возражения не принимаются. Это недопустимое положение, когда спекулянты, которые успели захватить товар из первой партии, сейчас берут за кружку соли по 14—15 рублей. Такие товары, которых у нас больше, чем достаточно, перерастают в такой вопрос, который вызывает чрезвычайно политически нехорошие настроения у трудящихся в результате такой неповоротливости наших торгующих организаций». А вопрос действительно политический — от мыла, спичек и прочей, казалось бы, мелочевки зависела стабильность региона в целом, настроение большого количества людей. Поэтому и поручения жесткие, в духе времени, когда решать нужно было все быстро и четко.

Контора «Главсоль» уже через несколько дней рапортовала: «...заявляю ответственно, что 600 тысяч тонн по первому заданию отгружено. ...до 15 декабря мы отгрузку закончим». Следует обратить внимание на даты: совещание состоялось 9 декабря, практически за неделю был решен вопрос об очень немалых поставках не только соли, но и других необходимых товаров. Все было

на ручном управлении. Последняя запись всех совещаний у Грековой заканчивалась неизменно: «информацию представлять ежедневно к 11 часам вечера». И это тоже о стиле работы — в ситуациях, когда решались важные вопросы страны, трудились сутками, никто не думал ни о выходных, ни о нормированном рабочем дне. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний ключевых ведомств республики — совещания, оперативные штабы, принятие жестких решений.

В фонде 4п Национального архива Республики Беларусь (*опись 1, дело 14495*) хранятся постановления Бюро ЦК КП(б)Б относительно западных областей Белоруссии за 1939—1941 годы (категория «Особый сектор»). Их можно разделить на две части: те, которые касались адаптации к общей системе управления народным хозяйством в целом по республике (протокол №102 заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 11.11.39 г. «О национализации предприятий согласно прилагаемого списка»), и те, согласно которым доводились планы по сдаче государству продукции, произведенной на построенных в Западной Белоруссии предприятиях. Целый пласт документов касался возведения объектов стратегического значения. А строили их всем миром и в очень сжатые сроки. Только один пример — постановление «О ходе строительства Днепро-Бугского канала и флота для Западного речного пароходства» (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14495. Л. 135*). Напряжение захватывало, цифры впечатляли. Но в материалах отмечалось, что ход строительства все равно не устраивал, он неудовлетворительный. И тут же — решение направить со всех областей Белоруссии «дополнительно 6 100 рабочих и 2 700 подвод». Поручение областями было выполнено в течение неполной недели. Переброску людских, материальных ресурсов в западные регионы можно сравнить с уникальной операцией по эвакуации тысяч промышленных предприятий в оптимально короткие сроки в начальный период войны, аналогов которой не было в мире.

Вопросы национализации являлись актуальными не только в отношении предприятий, банков, земли. На территории Западной Белоруссии находились поместья, собственность крупных магнатов. До сих пор много споров, догадок о том, куда пропали богатые коллекции, собрания книг из их дворцов, усадеб, замков, в том числе Радзивиллов. Многое списывалось на советскую власть, на период ее установления в Западной Белоруссии. В архиве удалось отыскать интересный документ — выписка из протокола №9 заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 5 июля 1940 года «Об использовании здания и имущества бывшего замка Радзивилла» (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14495. Л. 189. Особый сектор*).

Пункт первый протокола гласил: «Признать нецелесообразным организацию музея в здании б. замка Радзивилла. Имущество замка распределить следующим образом: а) библиотеку и архив передать Академии наук; б) наиболее ценные художественные картины, коллекцию службных поясов, часть мебели, представляющие ценность скульптуры и вазы передать Управлению по делам искусств при СНК БССР для Республиканской картинной галереи; в) коллекцию оружия и часть имущества рыцарского зала передать историческому музею. Часть рыцарских доспехов передать киностудии «Советская Белоруссия»; г) коллекцию охотничьего зала сосредоточить в музее Беловежского государственного Заповедника; д) все костюмы передать Большому театру оперы и балета и киностудии; е) все остальное имущество реализовать через гостор-

говлю; ж) лошадей передать районным организациям Несвижского и Клецкого районов, за исключением племенных лошадей, которых передать на одну из государственных конюшен».

Пункт 2: «Здание б. замка передать в распоряжение НКВД БССР для развешивания автодорожного техникума». Пункт 3: «Для реализации настоящего решения создать комиссию в составе: т. Красника (комиссар замка), т. Озирского (начальник Управления по делам искусств), т. Сиротко (секретарь Несвижского райкома партии)». Подпись — Пономаренко (*Выписка из материалов Партархива при ЦК КП(б)Б: ф. 4, оп. 17, д. 26—2, л. 5*).

Этот документ проливает свет на многие вопросы — где и у кого искать утраченные ценности. Странная запись о передаче замка в распоряжение НКВД БССР тоже говорит о многом, особенно о том, что было причислено ко «всему остальному имуществу» и куда оно было реализовано. Ведь впоследствии всплывало многое, в том числе и на аукционах.

В Западной Белоруссии строились новые производства, старые адаптировались под общие критерии советской белорусской экономики, регион уже как промышленный развивался быстрыми темпами. Грекова как секретарь ЦК по промышленности фактически координировала работу целого ряда наркоматов по созданию в кратчайшие сроки стабильной ситуации в западных областях, организацию работы предприятий, ликвидацию безработицы, неграмотности, развитие медицины, села. Она называла 1939 год не только самым страшным в своей жизни из-за репрессий, но и самым сложным в плане решения большого количества хозяйственных вопросов, в первую очередь в Западной Белоруссии, вопросов, многие из которых были лично на контроле у Сталина.

Каковы были результаты работы по Западной Белоруссии — тоже в цифрах. Вот только некоторые из них: в 1941 году в западных областях было создано более 40 тысяч предприятий, новых производств разного уровня — цифра, которая заставляет удивляться. А это рабочие места, занятость населения, изменение социального состава, когда формировался рабочий класс. Изменения в образовании, культуре, здравоохранении позволили говорить об интеллигенции в Западной Белоруссии, о воссоздании национальных традиций. В 1941 году в западных областях БССР уже действовали 4192 белорусские школы, 987 польских, 173 русские, 168 еврейских, 63 литовские, 43 украинские. То есть учитывались интересы представителей всех национальностей. И это очень отличалось от политики польских властей. Были созданы театры, открыто 100 кинотеатров, 92 Дома культуры, 220 библиотек. Во всех областных и районных центрах выходили газеты на белорусском языке (*Западная Белоруссия: Стат. справочник. Минск, 1939. С. 136*).

Надежда Григорьевна не только занималась хозяйственными вопросами, работой по организации Советов на местах, что было отдельной страницей в ее деятельности. Грекову очень беспокоила судьба женщин Западной Белоруссии. Она скрупулезно собирала материалы о женских историях. Планировала ли передать их в печать или использовать еще каким-то образом, прослеживая через их судьбы то, как удалось изменить жизнь женщины после воссоединения, неизвестно. Но в Национальном архиве Республики Беларусь в материалах «Особого сектора» в папке «Грекова Н.Г.» сохранился большой массив документов. Они так и называются «Материалы о судьбах освобожденных женщин освобожденной Белоруссии», начато январь 1940 — закончено февраль 1940 г. (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1983*).

История Марии Дьячук из Белостока — как у многих женщин того времени: родилась в деревне Гнетюки, в 17 лет вышла замуж, родила дочь, но муж, которого забрали в солдаты, сгинул где-то на войне. И начались мытарства — работа у крупного владельца аптек Губаря, на которого батрачила, и как потом вспоминала, условия были невыносимыми. В Белостоке, куда подалась с малолетним ребенком, условия не лучше — работа в доме фабриканта Трилинга по 18 часов, а когда заболела — выгнали вон из дома. После долгих поисков удалось устроиться на текстильную фабрику, где платили гроши и где началась ее борьба за лучшую долю. После воссоединения — член Временного управления Белостока, делегат Народного собрания, она среди делегатов Внеочередной 5-й сессии Верховного Совета СССР в Москве. Как сама Мария написала по итогам поездки в столицу: «Я никогда не думала, что мне выпадет счастье видеть родного Сталина».

Или история крестьянки из деревни Бастынь на Полесье Марии Сафроновны Бушило, которую она рассказала с трибуны Внеочередной сессии. Тяжелый крестьянский труд, трое детей, война, после которой жизнь стала еще тяжелей. «Польское правительство враждебно относилось к белорусам, наделяло их непосильными налогами, бросало в тюрьмы. Три сына восстали против несправедливости, их бросили в концлагерь Береза-Картузский, они прошли страшные пытки. За сыновьями восстала и она, предя крестьянка. И ей уготован был лагерь, пытки, из которого удалось бежать и продолжить борьбу. На сессии состоялась ее личная встреча со Сталиным».

Женщины, которые были никем и фактически обречены, после освобождения влились в активную политическую жизнь, деятельность по развитию народного хозяйства, возглавляли организации, целые производства, как, например, Женя Капкан фабрику, из которой была простой рабочей. Ее разрушил владелец фабрикант Трилинг перед бегством из Белостока. Или история Александры Бахта, которая из домработницы превратилась сначала в стахановку строгального цеха, а затем стала руководителем целого производства, депутатом Верховного Совета БССР. С его трибуны она, рассказывая свою историю, отмечала: «Женщина испытывала тройной гнет: гнет царских колонизаторов, гнет белопанской буржуазии, помещиков и кулаков и гнет домашнего насилия».

В документах «Особого сектора» истории, истории, истории... В них судьбы женщин Западной Белоруссии, которые так изменились после воссоединения. И кто бы что ни писал, ни пытался доказать обратное, ни критиковал расхожие лозунги того периода, это было реальное раскрепощение, избавление от рабства. Женщина становилась полноправным участником строительства нового общества.

Надежда Григорьевна за свой труд по развитию экономики Западной Белоруссии была удостоена первой в своей жизни высокой правительственной награды — ордена Ленина. Это стало признанием того, что вверенный ей участок работы она обеспечила достойно. Но и здесь не обошлось без своей истории. Она вспоминала: «Очень памятен был 1939 год еще и тем, что лично из рук Калинина Михаила Ивановича мне в Кремле был вручен первый орден Ленина» (*О времени и о себе. С. 10*). Но и тут не обошлось без переживаний, и не только тех, что испытывает человек перед вручением высокой государственной награды. «От имени группы награжденных мне надо было выступать, — вспоминала Надежда Григорьевна. — У меня был сильный кашель, естественно,

я очень волновалась за свое предстоящее выступление и приняла порошок кодеина, но видимо горечь осталась у меня на губах». То, что это так, подтвердили последующие события. Калинин после вручения ордена не мог отказать себе в удовольствии поцеловать не просто партийного руководителя, а еще и красивую женщину. Но на его лице вдруг появилось странное выражение, и он начал облизываться. «Все присутствующие в Свердловском зале начали аплодировать ему. Видимо, всем показалось, что он облизывается от удовольствия, расцеловав молодую. А я-то хорошо знала, что облизывался он от горького кодеина, оставшегося на моих губах» (*О времени и о себе. С. 10*).

Но при всех достижениях первых лет воссоединения с восточными землями в Западной Белоруссии оставалось еще немало проблем — многие из них спорные, неоднозначные, не все постановления правительства, центрального руководства страны принимались на местах, особенно решения ЦК КП(б)Б в области сельского хозяйства. Порой они оборачивались драмой.

В Национальном архиве Республики Беларусь (ф. 4п. Оп. 1. Д. 14495. Л. 242—243. *Особый сектор*) хранится Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 8 апреля 1941 года № 55 (Строго секретно) «Об установлении предельных норм землепользования на один крестьянский двор по Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областям Белорусской ССР». На нем была утверждена «Докладная записка на имя т. Сталина и т. Молотова». Выдержки из нее дают полную картину того, что происходило на селе в западном регионе: «На 1 января 1941 года в западных областях БССР имеется 720.824 единоличных крестьянских хозяйств. Из них имеют земли до 2 гектаров — 95.781 хозяйство, от 2 до 5 га — 252.530 хозяйств, от 5 до 10 га — 259.780 хозяйств, от 10 до 15 га — 75.501 хозяйство, свыше 15 га — 37.232 хозяйства.

Удельный вес единоличных крестьянских хозяйств, пользующихся землей в пределах до 5 гектаров, составляет 48,3% общего количества хозяйств и на их долю приходится 1046,5 тыс. га, или 22,5% всей земли. — по 3 га на двор. В то же время 37.232 кулацких и зажиточных хозяйства, составляющих 5,1% общего количества крестьянских хозяйств, имеют в своем пользовании свыше 830 тыс. га земли, или 18% к общей земельной площади крестьянских хозяйств. В среднем на долю кулацко-зажиточного хозяйства приходится свыше 22 га земли». И далее, как это было принято обосновывать решения со ссылкой на мнение масс: «Многие колхозники, бедняки и середняки ставят на общих собраниях вопрос о необходимости ограничения норм землепользования для кулаков». И меры принимались.

Люди сопротивлялись, документы хранят свидетельства, как вступали в рукопашную с теми, кто приходил отбирать землю. Но меры жесткие. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4п, оп. 1, д. 14495, л. 326 (*Особый сектор*) — здесь находится постановление Совнаркома БССР и ЦК КП(б)Б «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областей БССР». В нем говорилось: «К единоличным хозяйствам и колхозникам, не выполнившим своих обязательств по сдаче зерна государству в установленные сроки и при смягчающих обстоятельствах, суд применяет штраф в размере до двукратной стоимости невыполненной части обязательства зерна, исчисленной по государственной закупочной цене, с одновременным досрочным взысканием в бесспорном порядке всей невыполненной части

годового обязательства по сдаче зерна государству. При наличииотягчающих обстоятельств (сговор, противодействия при бесспорном взыскании невыполненной части зерна по обязательству) — виновные привлекаются к ответственности по стст. 93 и 94 УК БССР». Что это за статьи — хорошо известно.

Но меры репрессивного характера в отношении крестьянства касались не только западных областей. От них страдали все. В материалах все того же фонда 4п (*опись 1, дело 14748. Особый сектор*) хранятся входящие телеграммы серии «Г» на имя руководства республики по вопросам сельского хозяйства, их много и они в основном об ужесточении мер. Телеграмма из Москвы, получена 22 января 1939 года, адресата два — «Минск ЦЕКАПАРТ ОБКОМПАРТ»: «Сообщается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1939 года: В связи с тем, что нарушение устава сельскохозяйственной артели по превышению норм скота и приусадебных участков, находящихся в личном пользовании колхозников, имеет место во всех республиках, краях и областях, а также исходя из просьб нацкомпартий о распространении на области и края постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по Белоруссии от 4 декабря 1938 года, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляет:

Первое. Ликвидировать нарушения устава сельскохозяйственной артели по приусадебным участкам колхозников и привести размеры этих участков в соответствие с уставом артели к 15 апреля 1939 г. Все излишки приусадебных участков зачислить в запасные земельные фонды колхозов для наделения колхозников усадьбами при разделах семей, а также вновь принимаемых в члены колхоза. За невыполнение этого пункта постановления будут отвечать соответствующие председатели СНК и секретари райкомов, как нарушители закона.

Второе. Ликвидировать нарушения устава сельскохозяйственной артели по нормам скота в личном пользовании. Излишки скота в обязательном порядке сдать государству по ценам мясопоставок, а часть скота, в первую очередь племенного, продать по ценам мясопоставок колхозникам для ликвидации бескоровности и бесскотности, а также колхозам для исполнения и организации новых товарных ферм. Находящийся в личном пользовании в нарушение устава рабочий скот обобществить и сдать колхозам». Меры — «исключать колхозников из колхозов, руководителей привлекать как нарушителей закона».

То есть меры в отношении личных подсобных хозяйств вовсе не были изобретением Никиты Сергеевича Хрущева в середине 1950-х годов. Их истоки еще в 1930-х. Документы подобного характера поступали на места с завидной регулярностью. Пункт семь очередной телеграммы от 21 января 1939 года предписывал «предусмотреть, что земли, занимаемые садами, должны входить в общий размер приусадебного участка колхозного двора», то есть со всеми распространяемыми на них требованиями, и тоже облагаться налогом. С каким же облегчением в начале 1950-х годов после смерти Сталина и первых позитивных шагов Хрущева по возрождению села было воспринято решение об отмене налога на деревья в садах частных — на яблони, груши, вишни, кусты, все плодовые растения, относящиеся к так называемым реформам 1939 года.

Тогда же восьмой пункт постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1939 года напоминал, что «Настоящее постановление не подлежит опубликованию в печати. Отчет в СНК и ЦК представить к 1 марта 1939 года НР П4446. Подписи — Пред. СНК Союза Молотов, Секретарь ЦК Сталин». Почему? Видимо, власти боялись открыто говорить о репрессивных мерах в отношении села, боялись и народного гнева, а скорее всего, страховались, чтобы в случае чего

ответственность можно было переложить на местные органы власти, как это уже не раз происходило, например, с теми же репрессиями.

В 1939 году ответственность на местные органы власти перекладывалась и по поводу перегибов в изучении «Краткого курса истории ВКП(б)», хотя еще недавно наблюдался идеологический бум по этому поводу. И вдруг в декабре 1939 года неожиданная телеграмма на имя ЦК союзных республик, краевых, областных комитетов партии по поводу перекосов в организации изучения истории ВКП(б). В Минске эта телеграмма получена 10 декабря 1939 года. «Из Москвы серия Г Три адреса Минск ЦЕКАПАРТ копии Совнарком копия Наркомпрос». В ней сообщается о решении ЦК от 9 декабря: «Специальной проверкой установлено, что в некоторых средних школах вместо преподавания истории СССР директорами и преподавателями школ самовольно введено обязательное преподавание истории ВКП(б), что противоречит решению ЦК ВКП(б) от 14 ноября 38-г, согласно которому преподавание истории ВКП(б) предусмотрено только в высших учебных заведениях... Малоподготовленным ученикам дают обязательные задания прочесть на один урок по целой главе краткого курса и по три статьи первоисточников. ЦК ВКП(б) считает неправильным, что Наркомпросы союзных республик проходят мимо подобных фактов и не следят за преподаванием истории СССР в средних школах. ЦК ВКП(б) постановляет: Обязать Наркомпросы союзных республик немедленно ликвидировать факты самовольного введения обязательного преподавания истории ВКП(б) в средних школах и воспретить проведение испытаний и выставление сметов по курсу истории ВКП(б) для учащихся этих школ». НР П232. Секретарь Сталин.

На телеграмме резолюция Пономаренко: «Г. Малину. Надо проверить у нас» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14748. Л. 29. Особый сектор, входящие телеграммы серии «Г». Январь 1939 — декабрь 1939 г.).

Ситуация по республике оказалась такая же, как и в целом по Союзу. Она и не могла быть иной, ведь по поводу изучения «Краткого курса» принято специальное постановление Бюро ЦК ВКП(б) от 14.09.1938 года «Об изучении истории ВКП(б)». По данным Наркомпроса БССР «Краткий курс» был введен для обязательного изучения в школах республики (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12465. Л. 29).

Что же произошло в стране Советов? Почему было принято такое решение? Что вызвало вдруг такую обеспокоенность у руководителей страны? Была ли это реальная забота о ситуации в народном образовании или попытка не навязывать подрастающему поколению лож с юных лет, ведь реальность оказалась другой: изучение проходило на фоне каждодневных процессов о врагах народа. А ведь еще недавно по всей стране — всенародное обсуждение значения «Краткого курса истории ВКП(б)», изучение от мала до велика, текст разобран на цитаты, которые звучат повсюду — от учебных заведений до докладов высшего партийного руководства. Помимо главных политических постулатов, он декларировал успехи страны Советов, которых она достигла под руководством партии. Редактировал труд лично Сталин, который одобрил текст после многочисленных правок в сентябре 1938 года.

Понимали ли руководители несоответствие написанного с реальностью, боялись ли потерять доверие молодого поколения, заставляя заучивать на память цитаты из «Краткого курса» о счастливой жизни, а дома, в семьях, в городах и весях видеть совершенно другую картину? Или же понимали, как не го-

това детская психика воспринять ложь и какими идеологическими последствиями это может обернуться для страны в будущем.

Репрессии, страшная статистика о резком сокращении количества специалистов, представителей рабочих профессий в народном хозяйстве были тому подтверждением. Не обошли эти процессы и Западную Белоруссию. Репрессии начались практически сразу после воссоединения — против «антисоветски настроенных граждан», осадников, то есть поляков, которые были переселены польским правительством в западные области с целью усиления там польского влияния. Они проводились в соответствии со специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в развитие которого принимались соответствующие директивы народных комиссаров внутренних дел СССР и БССР.

В инструктивной форме в них до местных органов власти доводились не только количество людей, подлежащих выселению, но подробно расписывался механизм проведения таких операций. Согласно «Директиве народного комиссара внутренних дел БССР Л.Ф.Цанавы начальникам управлений НКВД Западных областей Белоруссии о выселении осадников» от 25 декабря 1939 года предписывалось «немедленно приступить к этой работе и к 25 января 1940 года закончить составление точного учета». Его предполагалось «провести под благовидным предлогом, не поднимая шума и не расшифровывая цели производства учета». Вся работа должна была осуществляться оперативные тройки. «Для перевозки семьи осадника и его имущества, — говорилось в Директиве, — используют того же транспортные средства, которые после сдачи семьи осадника в эшелон возвращаются обратно и передаются местным органам власти». Директива, которая была нормой в карательной системе, не перестает удивлять. Предписывалось также «...осадников, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности в прошлом или настоящем, арестовать с последующим оформлением дел на «Особое совещание». И далее в таком же духе.

Согласно Директиве, массовые депортации были осуществлены в максимально короткие сроки — с сентября 1939 года, фактически с момента воссоединения, по июнь 1941 года. Их было проведено четыре. Первая проходила с 13 по 15 февраля 1940 года. В результате в отдаленные районы СССР было вывезено 50 732 человека. Вторая — с 13 по 15 апреля 1940 года. В ходе ее было арестовано 26 777 бывших офицеров, крупных собственников, участников польских политических организаций. Их аресты сопровождался спецобщением в Центр под грифом «Совершенно секретно» за подписью Лаврентия Цанавы первому секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко «О проведении операции по выселению из западных областей Белоруссии антисоветски настроенных граждан». Оно датировано 14 апреля 1940 года. Третья депортация охватила 22 879 человек. В эту партию попали в основном беженцы с оккупированной Германией территории Польши. Последняя депортация, которую не удалось завершить в связи с нападением Германии на СССР, проходила с 19 по 22 июня, когда эшелоны отправляли буквально под налетами немецкой авиации. В глубь страны было вывезено 22 353 человека (*Белорусское зарубежье. Минск, 2010. С. 78—79*).

Цифры страшные, сам по себе акт насилия в отношении тысяч людей тоже страшный. И на этом фоне пример уже из современной жизни. Как-то находясь в Бресте в командировке, автору этих строк пришлось разговаривать с одним из местных жителей, далеким от симпатий к советскому про-

шлому, по поводу всех этих переселений. Ответ оказался неожиданным. Мой собеседник вполне философски заметил, что не все так просто и однозначно. Людям, которых выселили перед самой войной в глубь страны, повезло. Им было тяжело, но они остались живы, смогли избежать того ужаса, который испытали те, кого не тронули. Вот и вся философия, вот и все научные умозаключения. Каждый все равно событие оценит по-своему, у каждого правда будет своя.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В феврале 1941 года ЦК КП(б)Б принимает постановление о направлении группы руководящих работников в Москву на высшие партийные курсы ВПШ. В их числе Надежда Грекова. К тому же она — уже слушатель Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б) с сентября 1940 года. План подготовки и переподготовки партийных и советских кадров утвержден и согласован на уровне ЦК партии. Время — май-июнь 1941 года. Казалось, можно радоваться. Впереди встречи с коллегами со всего Советского Союза, обмен мнениями, новые идеи, а с ними и новые планы на будущее. Но слишком уж тревожным было время. На стол руководства регулярно ложились донесения о том, что происходило у западных границ республики.

Фонд 4п Национального архива Республики Беларусь, опись 21, дело 2432. В документах «Особого сектора» — наивысшей степени секретности — хранятся «Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД и НКГБ. Начато — май 1941 г., закончено — май 1941 г. Начато — июнь 1941 г., закончено — июнь 1941 г. Всего на 202 л. Совершенно секретно». Все они за подписью народного комиссара Госбезопасности Белорусской ССР Лаврентия Цанавы на имя Секретаря ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко.

Из спецсообщения за июнь. Лист 163: «По данным, полученным нами от закагентуры, допросов нарушителей границы и по сообщениям УПВ НКВД БССР, на 18—19 июня установлено: Продолжается сосредоточие войск в районах Восточной Пруссии — Клайпеды, Прискуле, Шилуттэ. В Клайпеду 17 июня прибыли танковая часть, артиллерия и авиачасть. На аэродромы в районе города доставлены истребители и бомбардировщики.

В некоторых домах Клайпеды установлены пулеметы, зенитные орудия.

Распоряжением местных властей население Клайпеды подготавливает для убежищ погреба, подвалы и другие пригодные для этой цели помещения.

Продолжается движение войск из Франции, Греции в сторону советской границы в основном направлении на Люблин, Брест, Восточную Пруссию. В числе других идут санитарные автоколонны, колонны с бензином.

В конце первой половины июня над Варшавой летают новые типы самолетов — двухмоторные, двухфюзеляжные бомбардировщики, скоростные одноместные истребители, достигающие скорости 700 км в час.

Немецкая разведка инструктирует свою агентуру на переход границы СССР в короткие сроки 3—4 дня. Агентура, идущая 10—15 дней, предупреждается о немедленной явке в немецкие части, в случае перехода последними советской границы до возвращения агента в Германию.

В Радомском уезде отселено в тыл до 100 населенных пунктов, помещения отселяемых заняты войсками.

Прибывший 16 июня наш агент «ГОРНЫЙ» сообщил: В приграничном участке против 17-го КПО наблюдается большое сосредоточие войск, в лесах в районе Копытово—Костомолоты сосредоточены танки, артиллерия, под прикрытием зенитной артиллерии.

В районе Костомолоты подготовлен лес для наводки моста через Буг».

Или еще более ранние сообщения. Документы на листах 156—159. Из спецсообщения «Дислокация и перемещение германских войск»:

«Из глубины Германии через Варшаву в восточном направлении к границе СССР происходит непрерывное передвижение крупных сил германской армии. В ночь с 14 по 15 мая с.г. на ст. Тересполь выгружено 3 эшелона танковых войск. По следу проходящих танков установлены танки легкого типа».

«В середине мая мес. с.г. на ст.ст. Хотылов и Бело-Подляску прибыло два состава понтонных лодок, часть лодок резиновые».

«На всем протяжении от г. Остров до г. Вышков по шоссе Остров—Варшава расположены войска. Войска располагаются в лесу в палатках и деревянных бараках. Между 26 и 27 клм., примерно на расстоянии 150—200 клм. от шоссе в глубь леса, находятся автомашины, танки, орудия. В г. Вышкуве дислоцируется пехотный полк. 241-й полк, прибывший из Франции 18 мая с.г., расквартировался в Сувалковском уезде в районе Ратки, Стоки, Курьянки».

С документами Н. Грекова знакомилась во время своих поездок в Минск, она оставалась в кадровом реестре ЦК КП(б) в связи с партийной организацией не прерывалась. Это подтверждают ее подписи на документах особой секретности. А содержащаяся в них информация указывала на то, что немцы планомерно готовятся к нападению на СССР, но верить в это не хотелось. Нет сомнения, что Надежда Григорьевна каждый раз с тревожным чувством покидала Минск. Здесь оставались ее десятилетняя дочь Лиля, мама, сестры. Но все же теплилась надежда, что войны не будет. Уж слишком бравурны и убедительны заявления руководителей страны, не верить которым не было оснований. Это много лет спустя, когда Минобороны России рассекретит целый массив документов последних предвоенных месяцев, станет ясно, что на фоне всех оптимистических публикаций в прессе, заявлений военачальников, членов ЦК, правительства, цель которых — успокоить население, поднять патриотический дух, в высших эшелонах власти была очень напряженная обстановка. Были и разногласия, и серьезные промахи в тактике, и сомнения, в том числе у Сталина, по поводу нападения Германии на СССР. Такие же сомнения присутствовали и в руководящих кругах рейха, в первую очередь у самого Гитлера. Судя по донесениям закордонной агентуры, споры в среде немецкой элиты по поводу того, следует ли вообще нападать на Советский Союз, тоже не утихали. Были сомнения и насчет того, является ли оправданным нападение в июне, если все-таки будет принято такое решение. Слишком уж противоречивыми были донесения разведки как в одной, так и в другой стране.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Уникальные документы последнего мирного месяца 1941 года, первых часов, дней войны. Спекуляций, споров по поводу того, что происходило в этот короткий временной период, предостаточно: Сталин деморализован, закрылся на даче, белорусское руководство бездействует, столицу бросили. Где правда, а где ложь, — в рассекреченных документах. Только полный анализ решений, донесений, шифровок, принятых распоряжений, а не отдельно взятых выдержек из контекста документа по тому или иному вопросу, дает представление о реальной картине того, что происходило на самом деле. Хотя, несомненно, существует еще целый пласт документов, не доступных исследователям. О каких-то мы вообще не узнаем никогда.

Подольск. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, фонд 208, опись 7272, дело 1, листы 97—98. Здесь находятся сведения о Герхарде Кёгеле, сотруднике Посольства Германии в Москве, ценнейшем агенте ГРУ, действовавшем под псевдонимом «ХВЦ». В документах он значился как агент «Курт». Здесь же сообщения о том, что Герхард утром 21 июня 1941 года передал своему куратору, полковнику ГРУ Константину Борисовичу Леонтьеву, информацию о начале войны в ближайшие часы.

Сведения оперативно передаются в Кремль, информацией знакомится Сталин, незамедлительно готовится первая директива о возможном начале войны.

Подольск. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Директива Сталина №1. Она срочная и гласит: «1». В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев...» В ней предписывалось привести войска «в полную боевую готовность до 0.30 минут 22 июня». Дата — 21 июня 1941 года. 17.00.

Вечером того же дня, а именно в 19.00, агент «Курт» еще раз подтвердил информацию о нападении Германии в ближайшие часы, но уже в поезде, который направлялся в сторону Турции и на котором находились сотрудники немецкого посольства, покидающие Россию. Аналогичная информация высшему руководству страны стала поступать и из других источников. Судя по документам, все проверялось, перепроверялось, сопоставлялись сообщения, предпринимались конкретные действия.

Москва, Кремль, 21 июня 1941 года, 20.00. Из ГРУ на имя Сталина, Молотова, Тимошенко и Жукова поступили особо секретные пакеты с пометкой: «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать!» В пакетах — спецсообщение, составленное по донесению «ХВЦ».

ЦАМО РФ. Фонд 208, опись 355802, дело 1, лист 1. Документ о «Красных пакетах». В них — планы обороны (прикрытия) государственной границы. В случае прямой или непосредственной угрозы войны сигналом к их реализации являлось слово «гроза». Именно этот единый общегосударственный пароль стал основанием для вступления в силу планов обороны. Но все равно до конца не было уверенности, что война начнется в ближайшие часы. Уж слишком противоречивой была информация, которая продолжала поступать от агентуры из разных стран.

Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации свидетельствуют — сообщения на имя Сталина от высшего военного

командования поступали действительно слишком противоречивые. За пять дней до начала войны «Рамзай», псевдоним, под которым действовал разведчик Рихард Зорге, сообщал в ГРУ: «Германский курьер сказал, что он убежден, что война задерживается...» Еще ранее поступили донесения советской агентуры от других источников. «Марс» из Будапешта: «Выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии»; источник из Берлина: «...при наличии нормальных хозяйственных отношений между Германией и Советским Союзом Германия выигрывает в экономическом отношении значительно больше, чем от оккупации советских территорий».

17 июня 1941 года нарком госбезопасности Всеволод Меркулов письмом на имя Сталина сообщал, что войны не будет, а уже на следующий день — совсем иная информация.

Не рассекреченный документ. Письмо того же Всеволода Меркулова на имя Сталина о том, что война начнется в ближайшие дни. На нем резолюция Сталина, где он не скрывает раздражения: «Может послать ваш «источник» из штаба герм(анской) авиации к е... матери. Это не «источник», а дезинформатор».

Поступали сведения и о том, что в немецком руководстве тоже не было единого мнения о целесообразности нападения на СССР. Об этом в документах фонда №93. Они содержат бесценные свидетельства того, как в самой Германии, в ее руководстве шли неуточенные споры по этому поводу. А если все-таки нападать на Советский Союз, то где и когда? Воинствовал и сам Гитлер, причем до самого последнего момента.

Подольск. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Журнал записи лиц, принятых Сталиным. Запись от 22 июня: кто и когда вошел в его кабинет, когда вышел.

Десятилетия бытует мнение, ставшее практически официальной версией, о том, что Сталин, потрясенный вероломством Гитлера, впал в депрессию, заперся на даче и к нему несколько дней не могли попасть даже члены Политбюро. Записи свидетельствуют обратное.

Как в реальности сработали планы подготовки к войне? Причин драмы в ее начале называлось немало — и репрессии против военных, и изменение военной доктрины с наступательной на оборонительную, но были и другие. Документы этого же фонда свидетельствуют: шифровка с приказом №1 наркома обороны получена штабом Западного особого военного округа, то есть в Белоруссии, в 1 час 45 минут 22 июня 1941 года. И это уже не 0.30 минут, как предписывалось Директивой. Ее предстояло еще довести до дивизий, полков. Пометка на шифровке об отправке — 2.35, 2.45. В войсках ее получили не ранее трех часов, когда война уже фактически началась... О том, что немцам могли реально дать серьезный отпор, если бы были выполнены хотя бы требования Директивы, свидетельствуют действия наркома ВМФ Николая Кузнецова. Он в числе первых получил шифровку и незамедлительно привел флоты в боевую готовность. Немцев моряки встретили шквалистым огнем.

5.40. Сталин собирает в своем кремлевском кабинете чрезвычайное заседание. В журнале дежурным скрупулезно фиксируется, кто и во сколько вошел в кабинет Сталина, во сколько вышел.

1. т. Молотов вход 5—45 вых. 12—05

т. Берия вход 5—45 вых. 9—20 т. Тимошенко вход 5—45 вых. 8—30 т. Мехлис вход 5—45 вых. 8—30 т. Жуков вход 5—45 вых. 8—30

Из документов видно: Сталин фактически сразу после получения информации о вторжении немцев экстренно проводит совещание с участием наркома иностранных дел Вячеслава Молотова, заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР Лаврентия Берии, начальника Генштаба РККА Георгия Жукова, наркома обороны СССР Семена Тимошенко, начальника Главного политуправления Льва Мехлиса, других ответственных лиц.

О чем говорили на совещании, впоследствии, уже в 1950-х годах, когда шла кампания по развенчанию культа личности Сталина, написал Г.К. Жуков: «22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 м. Сталин был мною разбужен, и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С.К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть Вам и Тимошенко.

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, взяли в плен свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок».

Эта выдержка взята из записки Жукова «Состояние и задачи военно-идеологической работы». Ее он направил на имя Хрущева. Она под грифом «Секретно» с припиской Георгия Константиновича: «Посылаю Вам проект моего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС. Прошу просмотреть и дать свои замечания. Г. ЖУКОВ. 19 мая 1956 года. 72с Секретно» (АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30).

Но есть и другие документы.

Подольск. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, (Л. 49-об). Сохранилась стенограмма нелицеприятного разговора Сталина с Тимошенко и Жуковым, в ходе которого он, попросту говоря, им «врезал». На документе дата — 22 июня 1941 года, время 13.00.

Сталин: «Внезапность нападения, разумеется имеет важное значение в войне. Она дает инициативу, и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду — немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии».

Сталин владел всей полнотой информации, реально оценивал ситуацию и в том, что нападение состоится, не сомневался. Вопрос только — когда? Остается все еще открытым вопрос — почему события стали развиваться таким образом? Чтобы ответить на него, предстоит еще большая исследовательская работа ученых, специалистов. А пока — снова документы. Они говорят о многом.

Первая сводка Главного командования Красной Армии. Опубликовано 23 июня 1941 г. Подлинник. На ней рукой Сталина краткие, лаконичные правки, слова тщательно подбираются. Он редактировал ее лично и по всему видно, что очень хотел успокоить страну, о чем свидетельствует вставка: «Противник отбит». Но она аккуратно зачеркнута. Видимо Сталин уже понимал, что произошло нечто страшное. Впервые за многие годы на карту была поставлена судьба СССР.

О начале войны Надежда Григорьевна узнала, как и все граждане страны, из выступления по радио Вячеслава Молотова. Тревожная информация последних дней подтверждалась. О том, что отношения с Германией становились все более напряженными, свидетельствовали лекции в партшколе, встречи в рамках учебной программы с военачальниками и в ЦК партии. Постоянная связь с Минском, контакты с Пономаренко только это подтверждали. Но, несмотря на весь объем информации, в том числе секретной, верить в то, что война вот-вот начнется, не хотелось. Успокаивало и сообщение ТАСС, опубликованное в печати 14 июня 1941 года, практически за неделю до нападения фашистской Германии на Советский Союз. В нем говорилось: «...по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии повредить пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Впоследствии это заявление видные военачальники, в том числе Жуков, назовут «примером полного игнорирования Сталиным сложившейся военно-политической обстановки и беспрецедентной в истории дезориентации советского народа и армии». То, что основания для такого заявления были, подтверждают некоторые документы, обнародованные Минобороны России только в канун 75-летия великой Победы. В них — об интенсивных переговорах между СССР и Германией, которые шли под грифом и на уровне министров иностранных дел с ноября 1940 года. Они наверняка давали Сталину надежду. Тогда же ему, как и официальным сообщениям, верили безоговорочно.

Успокаивало и то, что если война и начнется, немцы получат должный отпор. О том, что белорусские города, а тем более столицу сдадут практически сразу, даже предположить было невозможно. Поэтому анализировалось каждое напечатанное сообщение, официальные сводки. Но они были неутешительными. «Стали поступать сведения об ожесточенных боях на Минском направлении. В то время трудно было себе представить, что белорусскую землю топчет кованый фашистский сапог, что столица Белоруссии в опасности. Мы все твердо верили в победу нашего справедливого дела» (*О времени и о себе. С. 12*). А белорусская столица действительно была в опасности. На территории республики, в Минске разыгралась настоящая драма.

ДРАМА БЕЛОРУССКОЙ СТОЛИЦЫ

О том, как действовало белорусское руководство — в документах, воспоминаниях очевидцев. На этот счет тоже существует немало противоречивых точек зрения. Кто-то обеляет, кто-то обвиняет в трусости, бегстве, предательстве, публикуя статьи с броскими заголовками. Истина, как всегда, посередине. Элементы всех этих явлений присутствовали: был героизм, желание изменить ситуацию, как и действия, не поддающиеся логике, нравственным оценкам. Наверное, оправданием может служить тот факт, что в полномасштабную войну в первые часы, и даже дни, действительно верилось с трудом, поэтому все действия белорусского руководства направлены не на эвакуацию, а на восстановление Минска после бомбежек, обеспечение нормального функционирования города — связь, водоснабжение, работа предприятий. А город бомбили уже утром 24 июня, а точнее, первый налет 47 немецких самолетов осуществили в 9:40. Затем были еще три налета, массированные бомбардировки зажигательными, фугасными бомбами. Огромные разрушения, практически сразу уничтожен центр города, начались пожары, много убитых, раненых. Что касается железнодорожных путей, то они подверглись бомбардировке в первую очередь и были сильно разрушены. Часть подвижного состава уничтожена, а Минск продолжали бомбить 24-го, и 25-го. Но все усилия снова — на восстановление столицы, возвращение к нормальному функционированию всех систем жизнедеятельности.

Это подтверждают записи рассекреченного «Дневника работы ЦК КП(б) Белоруссии». Начато 22 июня 1941 года, окончено 30 августа 1941 года» (НАРБ, Ф. 4. Оп. 33а. Д. 4. Особый сектор), где буквально по часам расписаны все предпринимаемые шаги. Фактически до двух часов ночи 25 июня, до тех пор, пока власть оставалась в Минске, акцент делался на восстановительные работы. Пункт 1 записи от 24 июня 1941 года гласил: «Приняты меры по ликвидации последствий бомбардировки, восстановлены тел. связь, водопровод в гор. Минске». С 22 по 25 июня осуществлялась эвакуация секретных архивов, документов ЦК партии и комсомола, госбанка со всеми ценностями и архивом, детских учреждений. Только 23 июня даны указания о подготовке к эвакуации наркоматов, предприятий, оборудования, тракторов, скота. Эвакуация началась уже 22 июня, но массовой как таковой еще не было, да и подготовить к отправке оборудование 332 только промышленных предприятий за день-два даже в стабильное мирное время — задача архисложная, а речь шла о неопределенности ситуации — 24 июня все еще давались указания «по поддержанию порядка в гор. Минске после бомбардировки».

Эвакуация в Минске и эвакуация в других городах — это вовсе не равнозначные процессы. Из других городов она проходила совсем в других условиях, когда это являлось первоочередной задачей, когда сомнений, что началась полномасштабная война, ни у кого уже не было. «Наиболее организованно и планомерно проводилась эвакуация предприятий и населения из Полесской и Гомельской областей, которые были позже других оккупированы немецко-фашистскими войсками, и материальных ценностей, прежде всего оборудования ряда промышленных предприятий» (*О времени и о себе. С. 37*).

25 июня руководство республики покидает Минск, причем принимает такое решение не самостоятельно, не делает это тайно, не бежит, спасаясь бегством, а по указанию Военного Совета фронта переезжает в Могилев.

Об этом — соответствующее решение того же Военного Совета и последняя запись в Дневнике ЦК, сделанная в 1.45 25 июня. То, что об этом забыли сообщить населению, находится в плоскости не только морально-этических категорий, но и ответственности за судьбу тех, кто оставался в городе и все еще продолжал выполнять решения партии, которые никто так и не отменил.

Но в Дневнике обозначены лишь время и вопросы, которые решались в первые часы, дни войны. Весь драматизм ситуации — в дошедших до нас материалах ЦК КП(б)Б, объединенных в Протокол №69. Поистине уникальные документы. Они хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в них решения бюро ЦК КП(б)Б, начиная с 22.VI — 6.VIII 1941 г. (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 1—252). Перелистывая страницу за страницей, можно проследить последовательность действий белорусского партийного руководства. Первое заседание 22 июня 1941 года (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—3). На нем присутствуют члены бюро ЦК КП(б)Б Пономаренко, Калинин, Былинский, Ванеев, Цанава, Наталевич, Эйдинов, Крупеня.

Первый вопрос — «О нападении Германии на СССР». Предлагаемые экстренные меры пока еще в духе инструкций, разработанных на случай военных действий: «Поручить членам бюро ЦК и секретариата немедленно связаться и поддерживать непрерывную связь с областями и районами, в первую очередь с областями и районами палосы начавшихся военных действий. Передать указания ЦК КП(б)Б: о немедленной перестройке работы парторганизаций на военные рельсы; установить связь с воинскими частями; об организации в городах и районах боевой ПВО». И далее — «усиление охраны промышленных предприятий, железнодорожных узлов, транспорта, складов, средств связи, о борьбе с авиадесантами силами созданных групп из числа коммунистов, рабочих и крестьян».

А еще обязательный комплекс идеологических мер — «широко популяризовать речь тов. Молотова в народе, мобилизуя весь белорусский народ на борьбу и разгром немецкого фашизма, созвать в Минске и других городах партийные активы для мобилизации на решение задач, вытекающих из военной обстановки, на всех предприятиях, в колхозах и совхозах, учреждениях провести митинги». Тут же соответствующие поручения редакциям газет «Советская Белоруссия» и «Звезда». Отделу пропаганды и агитации поручалось «к 12 часам ночи изготовить листовки, плакаты с обращениями и лозунгами к населению Белоруссии». В принятых решениях, в предложениях членов ЦК — тревога, обеспокоенность, но ни у кого пока нет сомнения, что все под контролем армии, поэтому все действия руководства осуществляются согласно инструкций на случай военных действий.

Но судя по тому, как быстро меняется риторика заседаний бюро ЦК, по тем решениям, которые принимаются на следующий день, руководству становилось понятно, что уже не до лозунгов и призывов, а тем более до партактивов, враг стремительно наступал. Протокол от 23 июня 1941 года ставит конкретные задачи — об эвакуации детей, ценностей и денежных знаков Государственного банка БССР, о контроле за работой всех видов транспорта, промышленных предприятий. Из протоколов видно, что ситуацией управляют. Но, судя по количеству принятых в дополнение к основной повестке непопулярных решений, в Минске начиналась сначала неразбериха, а затем и паника. В город прибывали отступающие части Красной Армии, госпитали с прифронтовой полосы, много раненых, население все это видит, понимает несоответствие

реальности с лозунгами и призывами не поддаваться панике. Но достоверной информации нет. И на этом фоне — усиление репрессивных мер.

Тот же протокол от 23 июня, лист 5, пункт 9. «Об организации вооруженных рабочих отрядов для усиления охраны предприятий и порядка в городе». Постановили: «1. В целях усиления охраны предприятий и порядка в городе, обязать Минский обком и горком КП(б)Б создать по районам отряды вооруженных рабочих и трудящихся. 2. Просить Военный Совет Западного Фронта выделить для этой цели 5.000 винтовок и соответственное количество патронов».

И оружие стреляло, стреляло в тех, кто пытался спастись, и в тех, кто пытался грабить магазины, фабрики, заводы. По людям стреляли, не разбираясь, кто прав, а кто виноват: по законам военного времени. Не разбирались и с заключенными, которые находились в следственных изоляторах, многие по необоснованным доносам. Пункт 11 все того же протокола «О заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей, приговоренных к ВМН (высшей мере наказания)». Его формулировка не оставляла им никакого шанса. Постановили: «Поручить тт. Цанава и Матвееву передать директиву об исполнении приговоров в отношении осужденных к ВМН, содержащихся в тюрьмах западных областей БССР» (Л. 5). Документы свидетельствуют, что людей расстреляли, выполнив в точности директиву, и не только западных областей, там уже были немцы, но и узников тюрем Беларуси, в том числе и Минского изолятора. Где? Сколько? Цифру назвать сложно. Все вышло впопыхах, немец наступал, а поручение нельзя было не выполнить. Это — отдельная драма первых дней войны, предмет особого изучения.

Холодок проходит от решения бюро ЦК за 28 июня (протокол, куда вошли решения нескольких дней, помечен этой датой, когда вопросы начали рассматривать еще в Минске, закончили в Могилеве). Ситуация очевидна, столицу уже не только бомбят немцы, они уже входят в город, кажется, людей надо спасать, а репрессивные решения только усиливаются. Фонд 4п, опись 3, дело 1214, лист 10: «Слушали: О мерах пресечения паники и организации информирования населения (Постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б)». Читаем: «Враждебные советской власти и нашему народу элементы, агенты фашизма, в стремлении посеять растерянность и вызвать панику у населения наших городов и деревень распространяют всякого рода провокационные слухи, враки и небылицы. В целях пресечения подрывной деятельности врагов советского народа Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР и Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии постановляют:

Обязать прокурора Белорусской ССР т. Ветрова, областных и районных прокуроров немедленно арестовывать и предавать суду Военного Трибунала лиц, распространяющих разного рода провокационные слухи.

Самовольно покинувших свои посты: Начальника белорусской жел. дороги Бадунова, заведующего Могилевским облздравотделом, секретаря РК КП(б)Б, Председателя райисполкома арестовать и предать суду Военного Трибунала, как трусов и дезертиров».

И люди оставались на своих рабочих местах до особого распоряжения, а его все не было и не было: руководство республики уже покинуло столицу, так и не проинформировав население о своем отбытии в Могилев. Жители стали узнавать об этом из слухов, распространявшихся по городу. Для Минска, куда уже входили немцы, это была настоящая драма. В результате можно только предполагать, сколько людей имело возможность спастись, а сколько

погибло от рук заградительных отрядов. Точная статистика вряд ли возможна. При этом в последнем протоколе заседания бюро ЦК в Минске есть еще один пункт, в нем поручение железной дороге по поводу эвакуации. Пункт 5 гласил: «Обязать начальников железных дорог тт. Гарныка, Краснобаева, Бурькина, Бодунова представлять необходимое количество вагонов, в первую очередь, для членов семей начсостава» (Л. 6). Но и они не все смогли воспользоваться этой записью, многие так и остались в городе, выбраться из которого было уже практически невозможно.

Вина за ситуацию в Минске, республике в первые дни войны на кого только не возлагалась: на руководство на местах, допустившее панику, на людей, которые пытались спастись, на командование Западного Особого военного округа. Здесь справедливости ради надо сказать и о морально-этической стороне личности Пономаренко. Он как первый секретарь ЦК КП(б)Б являлся членом Военного совета округа и наравне со всеми нес ответственность за все происходящее не только в столице. Более того, как никто другой был информирован о том, что необходимо предпринять, если военные действия все же начнутся, — совместно с командованием был разработан и утвержден 17 мая 1941 года на заседании бюро ЦК мобилизационный план. Но во всех грехах обвинили военных и лично генерала армии Павлова. Его арестовали 7 июля 1941 года за «трусость, развал управления войсками» и после формального следствия расстреляли вместе с группой военачальников в Лефортово 22 июля. Пономаренко же в скором времени возглавил Центральный штаб партизанского движения, а десятилетия спустя написал воспоминания об этих днях. Рукопись хранится в Российском архиве социально-политической истории. Работая там с большим массивом документов, прочесть ее даже не появилось желания.

В семье Надежды Григорьевны разыгралась своя драма. Полное неведение о судьбе дочери, мамы, сестрах, их семьях. «Первое, что предпринимается, попытка дозвониться до родных, до кого-то из руководства республики». Но это оказалось не просто сложно, а практически невозможно: «На третий день войны при очередной попытке связаться с Минском, на междугородней станции сообщили, что связь с ним прервана» (*О времени и о себе*. С. 14).

Правительство работало уже в Могилеве. Одновременно с репрессивными решениями, не поддающимися нравственным оценкам, в материалах протокола №69 — реальная обеспокоенность о судьбе народного хозяйства республики: жесткие постановления об эвакуации предприятий, научных, учебных заведений, сельхозтехники скота в тыл страны. Но это уже были те решения, когда стало ясно — началась полномасштабная война. ЦК партии делал все, чтобы организовать всенародную борьбу против врага. В Могилеве утверждаются ключевые директивы «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом», «О развертывании партизанской войны в тылу врага», «О создании специальных отрядов истребителей танков», «Об организации отрядов народного ополчения», «О Минском обкоме партии», в которой говорилось: «Направить в гор. Мозырь руководящую пятерку для установления руководства районами Минской области и действиями партизанских отрядов» (*О времени и о себе*. С. 11—12).

«Особая папка» с грифом «Особо секретная» (Б-69 от 29/VI — 16/VIII — 1941 г.) (*НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д 1214*). Здесь хранятся документы, которые опровергают версию о растерянности руководства республики в период, когда оно

работало уже в Могилеве. Многое становилось понятным. Теперь решения связаны не только с эвакуационными вопросами, но и с организацией партизанской борьбы, подрывной деятельности на оккупированной территории. Понимая ответственность за ситуацию, правительство меняло и место нахождения в зависимости от положения на фронте, пытаясь сохранить управляемость. Сначала Могилев, затем Лепель, когда стало понятно, что республику не отстоять, — эвакуация ЦК и правительства в Москву.

При этом в первые недели войны все действия по организации борьбы на оккупированных территориях планировались и координировались, связь с центром не прерывалась, решения согласовывались. Никто никуда сам не бежал, не прятался. Об этом секретные материалы «Особой папки», а именно: фактически первое постановление о начале всенародной борьбы «О создании двадцати восьми диверсионных групп и направлении их в распоряжение аэродромов». Оно датировано 29 июня. В нем четко прописаны задачи групп — «подрыв складов с горючим, самолетов, уничтожение живой силы» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 21). Особое внимание — железной дороге. Постановление этого же протокола «О непрерывных диверсиях на ж/д участка Горки—Дрибин, шоссейной магистрали Минск—Москва» предписывало не только совершать диверсии. Главная задача — не подпустить врага к транспортным артериям и только на случай захвата — подрыв путей (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 23, 30).

В первые недели войны принимаются решения о подготовке боевых групп. Постановление от 18 июля 1941 года под грифом «Строго секретно» (протокол №70. Л. 55) «О школе по подготовке групп и отрядов по подрыву и разложению тыла противника» содержит подробные инструкции диверсионной работы. Особо секретные моменты, связанные с фамилиями, руководителями групп, паролями, численным составом — в приложениях, которые и сегодня еще остаются под грифом, есть только фамилия того, кто готовил и докладывал вопрос — тов. Авхимович.

Принятые решения свидетельствуют, что они во многом стали основой для начала всенародной борьбы белорусского народа. Где-то она вспыхивала стихийно, люди уходили в леса, организовывали отряды, при этом зная, что уже взрываются аэродромы, горят железнодорожные узлы. Есть и другие материалы строго секретного протокола от 18 июля 1941 года за №71: «О трусости партийных работников», которые бежали, не выполнив решения партии (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 60—61). Этот факт подтвердят впоследствии и знаменитый Корж (Комаров), руководитель партизанского соединения, в своем так и не опубликованном дневнике, и Кирилл Трофимович Мазуров, официальный представитель Центрального штаба партизанского движения в Белоруссии, сделавший очень много для его организации на территории республики. Были и другие решения, например, о направлении товарищей... на курортное лечение. Война, всенародная трагедия, наверняка, у кого-то сдавали нервы, которые необходимо подлечить. Называть фамилии тех, кто спасовал перед угрозой, видимо, некорректно, началась война, воспринять ее психологически сложно, да и обстоятельства, наверняка, у каждого были разными. Не нам судить.

И тут же страшные документы. Строго секретно. Особая папка. №Б-70 от 18 июля 1941 года, экз. 3 (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 55). Приложение №1 к протоколу №71 (П. 6). Он — об уничтожении посевов и касается

Гомельского, Могилевского, Полесского обкомов партии: «Сообщается для руководства и немедленного исполнения директива Государственного Комитета Оборона СССР от 22 июля: «Государственный Комитет Оборона обязывает руководителей партийных, советских и земельных органов районов, из которых производится эвакуация, по решению Государственного Комитета Оборона или по приказу Военного командования:

Уничтожать все посеы сахарной свеклы, кок-сагыза, льна-долгунца, конопли и других технических культур, произведенные колхозами, совхозами и другими государственными организациями, путем скашивания, скармливания и вытаптывания скотом и другими способами».

Особый пункт по зерну, часть его предлагалось раздать населению, то, что оставалось на полях — сжечь. Врагу стремились не оставить ничего. Но снова забыли о людях, о тех, кто не смог эвакуироваться, оставался на оккупированной территории, эти решения обрекали их на голод. Это тоже была настоящая драма.

БЕЖЕНЦЫ

Неожиданно быстрая сдача немцам Минска прерванная связь с Пономаренко, с Могилевом, куда переехало белорусское руководство, и откуда тоже началась эвакуация — все это походило на наказание, в такое верилось с трудом, но реальность оказалась горькой правдой. Лиля Грек, старшая дочь Надежды Григорьевны впоследствии так описывала эти драматичные дни: «Внезапное начало войны заставило нас уйти из города. Минск подвергся авиационной бомбардировке. Шли пешком в Смоленску на Москву по Минскому шоссе, но дорога постоянно обстреливалась немецкими самолетами. На наших глазах погибали люди. Пришлось уйти в лес, упорно двигались вперед, голодали, но дошли до деревни Ярцево Смоленской области. В одном из домов нас приютили добрые люди» (Л. Грек. *Неопубликованные воспоминания о Грековой Надежде Григорьевне*. С. 6).

Но не всем близким Надежды Григорьевны удалось выбраться, говоря без преувеличения, из кромешного ада. Воспоминания очевидцев страшные. Даже те люди, которые смогли выйти из города, охваченного пожарами, и пройти под постоянными обстрелами немецкой авиации определенный путь, вынуждены были возвратиться обратно — дороги впереди оказались перекрыты, кругом уже были немцы. Не смогла выйти из Минска и мать Надежды Григорьевны. Случай чудовищный. Когда находившаяся в городе семья, а это две дочери Анастасии Игнатьевны, невестка, их дети, собиралась уже покинуть его, началась бомбежка. Прятались, кто где мог. Анастасия Игнатьевна оказалась под железнодорожным мостом, в который попал снаряд. Конструкция обвалилась, сама она не пострадала, а вот вокруг оказались завалы, выбраться из которых было сложно. Сообщить родным, где она, возможности тоже не было никакой. Они искали ее после бомбежки, но все оказалось тщетным. Предположив, что Анастасия Игнатьевна погибла, стали выбираться из города.

Сама Грекова продолжала искать родных, звонила в Смоленский обком партии, военным, расспрашивала прибывших в Москву коллег, но все безрезультатно. Надежда Григорьевна предпринимала попытки вернуться в республику и включиться в борьбу против захватчиков. «24 июня в 3 часа ночи

впервые над Москвой завывали сирены воздушной тревоги. Москвичи реально ощутили опасность войны. Будучи членом Центральной Ревизионной Комиссии ЦК ВКП(б), я обратилась с просьбой в Центральный Комитет партии разрешить выехать в Белоруссию. В ЦК мне оказали содействие в разговоре по правительственной связи с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пономаренко. Очень обрадовалась, услышав по телефону хорошо знакомый уверенный голос Пантелеймона Кондратьевича. Попросила его быстро отозвать меня с учебы: хотела побыстрее включиться в борьбу с ненавистными захватчиками» (*О времени и о себе. С. 15*).

Конечно же, Надежде Григорьевне хотелось узнать и о судьбе своих близких. С Пономаренко в последний предвоенный год они жили в Минске в одном доме по улице Кирова. Но, к большому сожалению, он ничего не знал о них, он просто не бывал дома, находясь все время в ЦК. Просьба Грековой о возвращении в республику Пономаренко обеспокоила. «Когда он узнал, что я намерена 27 июня выехать из Москвы в распоряжение ЦК КП Белоруссии, то обязал меня следовать только через Смоленск и позвонить ему из Смоленского обкома партии. Мне не трудно было догадаться, что ЦК переезжает в другое место...»

До Смоленска Надежда Григорьевна добралась быстро, сообщение с городом еще действовало, да и мандат ЦК тоже сыграл свою роль. Смоленск поразил, это был уже далеко не мирный город, а практически прифронтный: «погруженный в темноту, всюду уже была введена светомаскировка». Несмотря на поздний час, в обкоме все оставались на своих рабочих местах. Но попытки выяснить ситуацию, переговорить с первым секретарем Поповым, связаться с белорусской партиорганизацией оказались невозможными: начался массированный налет немецких самолетов. Как вспоминала Надежда Григорьевна, «они безжалостно бомбили старинный русский город. Это было мое первое боевое крещение. Не успели замолкнуть сирены воздушной тревоги, как мы все были уже на командном пункте в бомбоубежище, которое находилось в подвале здания обкома партии. В считанные минуты там была развернута работа штаба противовоздушной обороны. Скажу прямо, мне пришлось пережить тревожную ночь». А волноваться было отчего. При налете на город в здание обкома попала бомба. Со страшным грохотом отвалилась часть стены. «На нас сыпались обломки кирпичей и, казалось, что рушится все здание, что вот-вот огромные железобетонные балки, которые я вижу, завалят всех. Думала, живыми не выйдем» (*О времени и о себе. С. 16*).

Тревожной оказалась информация начальника противовоздушной обороны о разрушениях в городе, о человеческих жертвах. Они были большими. Эмоциональное состояние непередаваемое. Надежде Григорьевне впервые пришлось столкнуться с реальными потерями, со смертью, своими глазами увидеть, что такое война. Но не менее тревожной оказалась другая информация — о парашютном десанте немцев, сброшенном на город во время бомбежки. Представитель местного НКВД докладывал, что все они одеты в красноармейскую форму, прекрасно владеют русским языком и их трудно отличить от своих, все они прошли специальную подготовку для заброски в советский тыл. Действия руководства были незамедлительными. «Срочно был установлен пароль, помогающий вылавливать диверсантов. Под утро, выйдя из укрытия, мы услышали перестрелку. В расположенном неподалеку парке вылавливали и выводили группу вражеских парашютистов. Все они от обмоток до пилоток и знаков отличия были одеты в нашу советскую военную форму. Окруженные

конвоем — военными и штатскими, они трусливо озирались, идя уже не по мирным улицам, а по разрушенному городу. Везде огонь, дым, слышатся плач, стоны детей, женщин, в воздухе пахнет гарью. А я думала, какое же возмездие можно придумать этим людям за их злодеяния» (*О времени и о себе. С. 16*).

С парашютистами начали работать органы НКВД, военная разведка, в городе без промедления принялись за ликвидацию последствий налета, а Надежда Григорьевна, не подозревая, что ее близкие находятся где-то рядом, выехала в Могилев, несмотря на предупреждения об опасности, реальную возможность встретиться с вражеским десантом в дороге. Лиля Грек вспоминала: «Придя в себя, мы пошли работать в колхоз на уборку свеклы, ведь надо было заработать на жизнь и двигаться дальше на Москву». Как состоялась встреча с родными — история для сюжета отдельного фильма. А пока все шло к ней разными путями. В Могилеве встретиться с Пономаренко Грековой не удалось. «Он находился с группой работников ЦК на командном пункте в 28 километрах от города в лесу. Обстановка в те дни была очень сложной. Внезапное нападение врага и его быстрое продвижение по белорусской земле затрудняли планомерную эвакуацию населения, заводов и фабрик, совхозов и колхозов, учреждений и учебных заведений. Потоки людей шли по дорогам и обочинам. Картина была печальной, сердце сжималось от боли. Кто нес детей, кто вез раненых и больных, кто тащил узлы или швейную машинку, кто вёл на веревке козу. Все дороги были забиты беженцами. В глазах у людей, большей частью женщины, стариков, детей, стоял страх и ужас войны» (*Там же. С. 17*).

Читаешь эти строки очевидца разыгравшейся поистине народной драмы, и думаешь о том, что пришлось пережить этим людям, что пришлось пережить моей матери, молодой девушке, которая после выпускного вечера с первыми бомбежками, схватив малолетних детей сестры и что-то из необходимых вещей, бежала вместе с родственниками от налетов немецких самолетов. А шерстили они гомельское и Mogилевское направление особенно тщательно. Это был путь на Москву. «Немецкие стервятники на бреющем полете летали над шоссе и расстреливали ни в чем не повинное мирное, беззащитное население» (*Там же. С. 17*). А оно еще пыталось помогать, как могло. Впоследствии мама рассказывала, как принялись спасать — вытаскивать из сбитого немцами самолета нашего летчика. Он упал прямо на шоссе, был ранен, под пулями его перевязывали, тащили на себе, несмотря на опасность, никто никого не бросал. Надежда Григорьевна вспоминала и другие примеры в полном смысле этого слова героизма простых людей: «По железным дорогам эвакуировались на восток эшелоны с оборудованием заводов и фабрик. Все понимали важность этой задачи. Разрушенные пути быстро восстанавливались, часто с помощью беженцев» (*Там же. С. 17*).

Но вот очень интересное наблюдение Грековой — очевидца такого явления, как беженство. Война практически у каждого ассоциируется с паникой, неразберихой, человеческими жертвами. Все так, только по своей идеологической, нравственной окраске это явление тоже бывает разным. Кто-то бежит от катастрофы, чтобы спастись, покинуть место огня без всякого представления о том, что будет дальше, без мотивации своих последующих действий, которыми движет страх и желание выжить. Надежда Григорьевна в своих воспоминаниях детально анализирует это явление и делает, казалось бы, неожиданные выводы. Сначала статистика. По ее подсчетам республику в первые дни и недели войны покинула почти пятая часть населения. «Из 10,5 млн.

довоенного населения Белоруссии эвакуировалось в восточные районы страны свыше 1,5 млн. человек. Необходимо еще учесть, что из 500 тысяч человек, вступивших тогда в Красную Армию, значительное количество оказалось в ее рядах не в порядке обычной мобилизации. Многие из этих людей также уходили на восток и добровольно вливались в вооруженные силы за пределами тех населенных пунктов, в которых их застала война» (*О времени и о себе. С. 36*).

Она подчеркивает, что это было невиданное в истории оседлых народов передвижение огромных масс жителей сел и городов. И делает вывод исходя из наблюдения явления беженства: «В послевоенной художественной литературе, а иногда и в научных исследованиях передвижение этой огромной массы людей нередко рассматривается односторонне, только как неорганизованное паническое бегство, и, к сожалению, при этом совершенно упускалось из виду самое главное — патриотическая сторона данного явления. Исторически справедливым и совершенно неоспоримым является тот факт, что в те трагические дни по всем дорогам, ведущим на восток, особенно по Московскому и Могилевскому шоссе, шли пешком сплошные потоки людей, желавших влиться в людские резервы своей Родины: в ряды Красной Армии, или для участия в трудовом фронте героического тыла» (*Там же. С. 37*). Люди уходили не только для того, чтобы спастись, и не желая оставаться на оккупированной территории, но и для того, чтобы приближать победу.

Надежда Григорьевна, сама пережившая трагедию людей, нескончаемым потоком направляющихся на восток, работавшая в эвакуации, пользовалась официальной статистикой о количестве покинувших республику в 1941—1942 годах. Эта цифра и сегодня «плавающая» в научной литературе не прекращаются дискуссии на этот счет. Есть предположение, что количество в 1,5 миллиона завышено как минимум в два раза. Основанием так полагать являются официальные документы. Интерес представляет записка (справка) заместителя Председателя СНК Беларуси И.А. Крупени, которая находится в фонде 4п Национального архива Республики Беларусь, «О количестве эвакуированного вглубь СССР населения из Белорусской ССР». Она под грифом «Совершенно секретно» и датирована 3 августа 1942 года: «По неполным данным, которыми располагает Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР на сегодняшний день, количество эвакуированного населения из Белорусской ССР вглубь страны оценивается примерно в 700 тысяч человек. Население Белорусской ССР сконцентрировано главным образом в следующих областях и республиках: Башкирская АССР, Татарская АССР, Чувашская АССР. Туркменская ССР, Казахская ССР, Куйбышевская, Новосибирская, Свердловская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Тамбовская области. Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР И. Крупеня». Обращает на себя внимание фраза «по неполным данным», ведь записка написана, что называется, по горячим следам, но ясности нет.

Тогда же, в августе 1942 года, Председателем СНК БССР И.С. Былинским и заместителем Председателя СНК БССР И.А. Крупеней на имя члена Государственного Комитета Обороны, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова была направлена еще одна докладная записка, в которой отмечается, что «... в результате проведенной переписи эвакуированного населения из Беларуси его общее количество насчитывает 780 тысяч человек». Но и здесь вопрос. И в первую очередь о том, есть ли официальные результаты переписи, или же списочный состав. В других документах о нем присутствует упоминание, как о 127 тысячах.

Имеется записка за подписью П.К. Пономаренко под грифом «Совершенно секретно» и уже на имя Сталина, с весьма странным, на первый взгляд, названием «О создании Белорусских армий». Были и такие планы у советского руководства — сформировать из числа эвакуировавшихся самостоятельную Белорусскую армию. Этот вопрос обсуждался совершенно серьезно и на самом высоком уровне. Почему не создали? Это тема другого исследования, важно, что в записке также называется вполне конкретная цифра:

«Государственный Комитет Оборона. Товарищу Сталину И.В. О создании Белорусских армий.

...Формирование армий произвести за счет следующих ресурсов:

...д) По учету значатся 780.000 чел. эвакуированного населения из Белоруссии. На 127.000 имеется списочный учет.

Секретарь Центрального Комитета КП(б) Белоруссии

(П. Пономаренко)»

Учитывалась ли при этом цифра в 500 тысяч человек, находящихся в действующей армии, неизвестно. Эта цифра также является весьма условной в связи с тем, что массив документов о призывах в армию в 1941—1945 годах не рассекречен в числе незначительного количества документов о деятельности партии. Кроме того, после смерти Сталина военкоматам были даны указания уничтожать карточки призывников. Данный факт подтверждает руководитель Росархива Андрей Артизов в интервью изданию «Аналитик» от 29 августа 2017 года: «Какие документы СССР по сих пор засекречены»: «призывные карты новобранцев, учетные карточки военнообязанных запаса и рядового состава РККА почти все уничтожены». На основе только этих фактов можно сделать вывод, что руководству было что скрывать о реальных жертвах войны, а общепринятое их количество — официально назначенные, удобные в идеологическом плане цифры. Здесь следует отметить, что с 1938 года управление всеми архивными делами перешло в ведение ЦКВД, который сразу засекретил большой массив документов, насчитывающий десятки тысяч дел, а с 1946 года — МВД СССР. Все под контролем и, наверняка, цифры тщательно фильтровались. Но как бы данные ни разнились, даже те, что имеются в официальных документах, свидетельствуют — они оставались значительными. Важно то, что это были сохраненные человеческие жизни, немалые трудовые ресурсы, которые влились в производственные коллективы различных регионов СССР. Попытка уменьшить цифру о количестве жертв на территории Беларуси за счет увеличения числа беженцев носила скорее всего политизированный характер.

Тогда же, в первые недели войны, не имея возможности добраться до командного пункта, где находилось руководство и сотрудники ЦК, Надежда Григорьевна вынуждена была влиться в колонну беженцев. Комендант Могилева, который, к счастью, оказался на месте, настоятельно попросил ее срочно выбираться из города, в который, по данным разведки, вот-вот войдут немцы. Его уже покинули многие учреждения, ни о какой работе ЦК речи не шло, было очевидно, что его сотрудники, руководство тоже переедут в другое, более безопасное место, ни транспорта, ни попуток — выход один, уходить в сторону Москвы только с беженцами. Напоследок Надежду Григорьевну предупредили, что в колонны идущих на восток людей внедряются диверсанты. То, что это так, она убедилась на пропускном пункте в районе Духовщины уже Смоленской области. «Маскируясь под беженцев, диверсанты намеревались просочиться вглубь страны для того, чтобы сеять панику, распространять разные антисо-

ветские слухи, а при налетах вражеской авиации ракетами, другими средствами указывать цели для бомбардировок. В связи с этим возникла необходимость создания специальных чрезвычайных комиссий, члены которых проверяли документы идущих беженцев и регулировали направления их перемещений: нельзя было допустить, чтобы огромные массы людей переполнили Москву» (*О времени и о себе. С. 18*).

Надежда Григорьевна стала свидетелем, как на пропускном пункте задержали группу таких беженцев, а шли они совсем рядом с ней, ничем не привлекая к себе внимания. Тогда она реально поняла, как опасен враг, как может маскироваться, как все продуманно и как тщательно готовился к войне противник не только в открытом бою, но и войне тайной. Неожиданно внимание Грековой привлек знакомый голос. Поверить в это было трудно! Тут же «при очередной проверке документов в Духовщине к моей великой радости были обнаружены среди беженцев и мои родные. Там я встретила мою дочь Лилию, сестру Елену — медработника с семьей и грудным ребенком, сестру Тамару — врача, жену брата Евгению Иосифовну беременную, которая на второй день после приезда в Москву родила сына Василия» (*Там же. С. 18*). Радости не было предела. «После того как мы несколько окрепли, мама отправила нас с Коржицкой Н.Х., руководителем кинохроники БССР, теплоходом в Казань, куда она получила назначение 3-м секретарем ЦКК партии. Сама она приехала позднее» (*Л. Грек. Неопубликованные воспоминания о Грековой Надежде Григорьевне. С. 7*).

Так закончилось переезд, полные драматизма недели войны. Сама Надежда Григорьевна какое-то время оставалась в Москве до особого распоряжения ЦК партии. Нужно было получить все указания по поводу размещения в Казани эвакуируемых туда заводов, предприятий, различных учреждений и учебных заведений, и даже Московского цирка со всем реквизитом, а главное, животными.

Еще находясь в Москве перед поездкой в Казань, Надежда Григорьевна знакомилась с перечнем предприятий, эвакуированных из Белоруссии в различные регионы страны, изучала задачи тех, которые направлялись в Татарскую АССР. Сохранились ее записи, пометки, связанные с решением ЦК о направлении людских потоков, промышленных предприятий в регионы страны, которые вскоре стали официальной информацией. «Из промышленных предприятий Белоруссии, эвакуированных в глубь страны, большая часть заводов и фабрик разместились в Поволжье, на Урале, в Средней полосе РСФСР, меньшее количество было перебазировано в Западную Сибирь и в Среднюю Азию» (*О времени и о себе. С. 37*).

КАЗАНЬ

«Центральный Комитет ВКП(б) направил меня в распоряжение Татарского обкома партии. Вскоре я была избрана секретарем Казанского городского комитета партии. Этот период был тяжелым и ответственным. В Казань в связи с приближением линии фронта по решению Государственного комитета обороны были эвакуированы из Москвы, Ленинграда, Воронежа, других городов Советского Союза крупнейшие оборонные заводы с многотысячными коллективами. Днем и ночью один за другим прибывали эшелоны с людьми

и оборудованием. Нельзя было терять ни одного дня, ни одного часа: фронт ждал оружие, боеприпасы, снаряжение. Фронт и тыл были едины. В Казань переехал и ряд наркоматов, ведомств страны и РСФСР, а также Академия наук СССР. Казань превратилась в крупнейший промышленный, административный, научный и культурный центр, население возросло в несколько раз», — так Надежда Григорьевна описывает в своих воспоминаниях первые дни работы в должности секретаря Казанского горкома партии (*О времени и о себе. С. 18*). Все очень сдержанно, и ни слова о том, что в реальности пришлось пережить, какой ритм жизни выдержать. Когда анализируешь объем задач, которые необходимо было решать, понимаешь, какими организаторскими способностями следовало обладать, чтобы все расставить по своим местам, что называется, «разруливать» ежедневно возникающие проблемы.

Ситуацию в Казани по-своему увидела дочь Надежды Григорьевны Лиля Грек. В своих воспоминаниях она писала: «Не всем нравился приезд в город новых людей разных национальностей. Людям надо было предоставлять площадь и создать условия для проживания и труда, поэтому некоторые семьи «уплотняли», что не каждому нравилось». И эти проблемы личностных отношений, которые всегда остаются самыми сложными в человеческом плане, тоже приходилось решать. Надежда Григорьевна вспоминала, как составлялся реестр жилого фонда, как учитывался буквально каждый метр, ведь численность населения постоянно увеличивалась, а обеспечить жильем нужно было всех прибывающих, и при этом иметь резерв. Недовольные, несомненно, были, но в основном казанды относились с пониманием, делились, чем могли с теми, кто бежал от войны. Жизнь налаживалась. Была карточная система продажи продуктов, для детей введены детские карточки. Было трудно, но люди работали, учились в школах и институтах, верили в окончание войны», — вспоминала Лиля Грек (*Л. Грек. Неопубликованные воспоминания о Грековой Надежде Григорьевне. С. 8*).

Что из себя представляла Казань в реальности — в цифрах, воспоминаниях, документах. Национальный архив Республики Татарстан (фонд 7483, опись 1, дело 82, листы 23, 37, 92...), Музей-мемориал Великой Отечественной войны в Казанском Кремле, Национальный музей Республики Татарстан, музей Казанского государственного университета, исследования ученых, публицистов. Они дают представление о том, какой была Казань в период, когда в город стали прибывать эвакуированные со всей страны предприятия, ведущие научные учреждения, организации. Речь не только о численности, тех сложностях расселения, решении бытовых проблем, которых было много, а в первую очередь о том, как в кратчайшие сроки в экстремальных условиях создавались новые производства, делались уникальные открытия, осуществлялись разработки, что называется, «с колес», находившие свою практическую реализацию на фронте. А также об уникальности советской науки и ученых, специалистах, чьи поистине революционные исследования определили развитие советской промышленности, ключевых отраслей народного хозяйства не только в военный, но и послевоенный период, на долгие годы вперед.

По данным официальных источников, в июле 1941 года в город прибыло 33 научных учреждения, 5 тысяч научных сотрудников только Академии наук СССР с семьями, среди них — 39 академиков, 44 члена-корреспондента. Операция по эвакуации — поистине уникальная, ведь решение о направлении в Казань 17 НИИ из Москвы, Ленинграда, Президиума Академии наук СССР,

Академии наук Белоруссии правительством страны принято в начале июля. А 19 июля в Казани уже начинаются работы по организации их деятельности в Татарской АССР. Руководство поручено академику Отто Юльевичу Шмидту, известному полярнику, челюскинцу. 23 июля Казань встречала первые эшелоны с людьми, оборудованием. Фактически за несколько дней население Казани с 401 тысячи по переписи 1940 года возросло до 515 тысяч человек. Все работы по размещению координировались горкомом партии. Первым прибывших принял Казанский университет, где разместили 1500 кроватей, к которым даже удалось найти матрасы.

Перед учеными поставлены задачи незамедлительно начать работы по военной тематике и фундаментальные научные исследования. За цифрами о численности прибывших ученых — имена, имена, имена...

Игорь Васильевич Курчатов, который именно в Казани начинает работы по ядерной программе «Уран», по созданию урановой бомбы — суперсекретному заданию правительства, здесь же — практические разработки по созданию за счет совершенствования физико-химических свойств более эффективной брони на танках, самолетах. И тут же личные проблемы — сыпной тиф, который свалил Курчатова по прибытии в Казань, жилье, другие бытовые вопросы, их власти старались решать быстро и эффективно. Тогда Грекова вряд ли могла представить, что уже в последующие годы, в начале 1950-х годов, судьба снова сведет ее с Курчатовым. Что ее семья будет тесно связана и с новыми военными разработками, и атомной программой, над которой работали в СССР. Тогда же, в сентябре 1942 года, при всех организационных сложностях на Казанском заводе металлоконструкций «Серп и молот» начали сборку высокоскоростных газовых центрифуг для разделения изотопов природного урана и обогащение его ураном 235.

Сергей Павлович Королев тоже прибыл в Казань для работы на моторостроительном авиазаводе №16, созданном путем слияния трех профильных предприятий. Здесь с ноября 1942 после научных исследований стали производить новый тип форсированного мотора М-105 ПФ (помощь фронту) для авиации, который позволил увеличить его мощность до 1200 лошадиных сил, эффективно использовать на таких самолетах, как Пе-2, который в народе называли «Пешка», Як-1, Як-4... Королев участвовал в программе по созданию и испытанию реактивного ускорителя на твердом топливе. Испытания тогда едва не закончилась трагедией — гибелью летчика-испытателя, и, естественно, ликвидацией его конструктора, но в кратчайшие сроки удалось создать установку на жидком топливе, которая вдвое сокращала дистанцию разбега самолета и увеличивала его стартовую скорость на 100%. Это спасло ситуацию, обошлись без репрессий, хотя были в шаге от них. Жил Королев по улице Лядова в доме №5, в квартире 100, как и все инженерно-технические работники под строгим надзором органов, а район, где они размещались, именовался «Соцгород», обеспечение его деятельности — на особом контроле горисполкома.

Сергей Иванович Вавилов, выдающийся советский физик и математик, брат академика Николая Вавилова, известного селекционера, репрессированного в 1940 году. В Казани он работал над одной из оборонных программ в области инфракрасной техники, координировал всю научную работу по этому направлению, с июня 1943 года стал уполномоченным Государственного комитета обороны по созданию новейших оптических приборов военного назначения. Впоследствии на их основе начнут производить оптику ночного видения.

Академик Петр Леонидович Капица, эвакуированный из Ленинграда вместе со своей семьей и Институтом физических проблем. В Казани его избрали членом Научно-технического совета при Уполномоченном Государственного комитета обороны СССР. В 1942 году он спроектировал и создал установку для производства жидкого кислорода, на базе которой в 1943 году в Институте физических проблем был пущен в работу опытный завод.

С этими и другими выдающимися личностями, видными деятелями советской науки Надежда Григорьевна не только встречалась, но и принимала непосредственное участие в организации работы их эвакуированных институтов, размещении специалистов, решении социальных вопросов. А еще в организации починов — «массовых движений двухсотников, трехсотников, тысячников, многостаночников, за совмещение профессий» (*О времени и о себе. С. 39*). Возможно, современному читателю это покажется таким банальным, покажется ассоциацией с отчетами с партийных съездов о повсеместной организации соцсоревнований, в чем усматривался формализм, идеологизация этого движения. Но тогда это работало реально, соцсоревнование было очень важно для досрочного выполнения оборонных заказов, особенно связанных с авиастроением. Ведь Казань — это в первую очередь мощнейшее авиационное производство, перед которым стояла задача добиться превосходства над сильной немецкой авиацией. А это — исследования, научные разработки, практический выпуск современной техники. Только на одном Казанском авиазаводе №22 имени С.П. Горбунова за период с 1941 по 1945 годы было, что называется, поставлено на крыло 10 174 только самолетов Пе-2, то есть по 6 таких боевых машин в сутки. Всего же бомбардировщиков этого типа, самых распространенных в годы войны, было выпущено и подготовлено для полетов 11 427.

Именно в Казани, на одном из самых больших испытательных полигонов, расположенном на правом берегу Волги напротив города, в течение 1942 — первой половины 1943 года были проведены уникальные испытания танков и самоходных установок более 30 образцов, а в знаменитый танк Т-34 внесено более 200 усовершенствований, что позволило сделать его одним из лучших танков Второй мировой войны. Здесь же испытывали артиллерийское вооружение новых образцов, изучали трофейную технику, захваченную у немцев, искали способы эффективного поражения фашистских снарядов, самолетов, танков. Для организации сбора трофеев на фронте в конце 1941 года была создана специальная служба эвакуации и сбора трофеев, которая 23 февраля 1942 года узаконена приказом ГКО СССР «Об ускорении работ по эвакуации с поля боя трофейной и автобронетанковой матчасти». Только один пример: за время войны заводом №8 было отремонтировано более 600 трофейных танков, а это три полнокровные немецкие дивизии.

Это лишь отдельные эпизоды, которые свидетельствуют, насколько масштабными были поставленные перед городом задачи по организации производства военно-промышленной продукции для фронта. Но помимо этого в Казань постоянно прибывали эвакуируемые предприятия из других регионов. Только в течение менее чем одного месяца, с 16 октября по 11 ноября 1941 года, сюда были эвакуированы сразу три моторных завода: Воронежский моторный завод №16, Московский моторный завод №82 и Московский агрегатно-моторный завод, а эвакуация из других регионов продолжалась и продолжалась. Это были военные госпитали, всего их 80, размещавшиеся в Казани и близлежащих населенных пунктах Татарской АССР. В них прошли курс лечения око-

ло 334 тысяч раненых и больных воинов, 207 тысяч из них были возвращены в строй, что составляет практически двадцать боевых дивизий. А еще — значительное расширение Казанского порохового завода за счет влившихся в него эвакуированных производств и выпуск миллионов снарядов различного калибра, в том числе для знаменитых «катюш», театральные коллективы, Московский цирк, другие учреждения.

— Можно как угодно критиковать советскую систему, по-разному называть ее методы и стиль управления, но пример только одного города свидетельствует, какие огромные потенциальные возможности имеет экстенсивный путь развития экономики при правильном распределении производственных сил, трудовых ресурсов, руководящих кадров. Как долго будет существовать такая система, как, впрочем, и любая другая, тоже во многом зависит от эффективности управленческих решений.

Но не все было спокойно и в самой Казани. Интерес немецкой разведки к объектам, на которых производились оборонные заказы, — огромный. Архивные материалы свидетельствуют о частых появлениях над городом немецких самолетов-разведчиков, которые фотографировали Казань, особенно завод «Серп и молот», испытательный полигон, создавалась реальная угроза атаки этих и других объектов ракетами ФАУ-2. Надежда Григорьевна в своих воспоминаниях писала, что жители Казани нередко слышали сигналы сирен в первые месяцы войны. А аэросъемка велась регулярно, о чем свидетельствуют фотографии, размещенные в наши дни в интернете. Они датированы июлем 1942 года, августом 1943 года, причем, рассекреченных Национальный архив США. К слову, это — информация для размышления о союзниках, с которыми в тот период велись переговоры об открытии второго фронта.

Особый интерес у разведки Григорьевой был и к такому сооружению, как «Казанский обвод». Его строительство, которое начали еще в сентябре 1941 года в связи с возникшей угрозой захвата Москвы, — на особом контроле горкома партии. Организация рабочей силы, субботники, стройматериалы, элементарный вопрос — обеспечить людей только лопатами — требовал невероятных усилий, из-за их нехватки горком обратился к жителям с просьбой приходить со своими. Окопы рыли порой кто чем мог. А это более 100 тысяч человек, в основном женщины, молодежь и студенты. Под контролем военных они трудились круглосуточно. Возведение обвода закончили 11 февраля 1942 года, в рекордно короткие сроки. Его протяженность составляла, сложно даже представить, 331 километр. В его состав входили: 151 километр противотанковых рвов, 80 километров эскарпов, 392 командных и командно-наблюдательных пункта, 98 скрытых огневых точек, 419 землянок, других оборонительных объектов. Около 200 километров этой линии обороны на правом берегу Волги, где предполагался главный удар противника, было решено заминировать, но для этого потребовалось бы около 200 тысяч противотанковых мин, на изготовление которых необходимо около 1000 тонн взрывчатых веществ. Это огромное количество, взять которое неоткуда. Поэтому учеными, эвакуированными в Казань, было предложено наладить производство суррогатных взрывчатых веществ из горючих подручных средств, — торфяной и корьевой муки, керосина или мазута, а также из веществ, содержащих кислород: измельченной аммиачной селитры или бертолетовой соли. Эта задача была успешно решена. Но необходимость в их применении отпала, немцев под Москвой разбили.

Во всем этом сложном хозяйстве нужно было не только разбираться, но и решать вопросы, причем порой очень разноплановые: от промышленности до проблем творческой интеллигенции, судеб конкретных людей. Надежда Григорьевна не раз в своих воспоминаниях описывает «нестандартные» ситуации, которые зачастую ставили в тупик даже ее, опытного руководителя. Анализ только одного ее рабочего дня красноречиво свидетельствует, как все было непросто. Официально он начинался, как правило, в 6.00 и длился до следующих 6.00, иногда с коротким перерывом на сон, практически — это был непрерывный рабочий процесс, когда день плавно переходил в ночь, ночь — в день.

Утро. «В горком партии пришли артисты Московской оперетты — секретарь парторганизации Аникеев, с ним Качалов и Савицкая — и сообщают, что весь коллектив театра со своими семьями эвакуировался в Казань и находится на вокзале. Просят указать площадку, где они должны будут работать, и предоставить им жилье» (*О времени и о себе. С. 21*). Как оказалось, об их приезде никто и не подозревал, в списках эвакуируемых из Москвы театр оперетты не значился, то есть в Казани их не ждали. «Легко сказать, так сразу и предоставить жилье, площадку. Свободного нигде и ничего нет. Но и не жить же людям на вокзале», — описывает ситуацию Грекова (*Там же*). На принятие решения времени нет. Надежда Григорьевна обращается в Наркомат внутренних дел Татарской республики. Возможный резерв — его подведомственный клуб. Договориться удалось быстро, ситуацию понимали все. Театр разместили в Доме культуры НКВД там они жили и работали.

«Не успели уйти работники оперетты, как является Дуров — руководитель Московского цирка. Его слоны и другие животные не получают нужного рациона питания. Вот, мол, пришел в горком за помощью, ведь это государственная ценность. Надо сохранить. Да, конечно, я понимаю, нельзя допустить гибели животных. Но ведь на продукты питания введены продовольственные карточки, не хватает нужного питания в больницах, детских учреждениях. Порой во избежание авитаминоза готовили и давали людям хвойный отвар» (*Там же. С. 22*). Но проблема обозначена, решение тоже принимается быстро. «Пришлось срочно бросить клич к населению, к пищевым предприятиям и начать сбор пищевых отходов, чтобы в дополнение к выделяемым фондам восполнить недостаток продуктов питания для обитателей цирка» (*Там же*). Инициатива нашла поддержку. Предприятия общепита взяли над животными шефство, они были спасены и впоследствии благополучно возвратились в Москву. У Грековой же на долгие годы сложились самые теплые отношения и с Дуровым, и с коллективом цирка. Уже в мирное время они не раз вспоминали, как в Казани спасали слонов и мартышек от голода. Но тогда рабочий день продолжался.

«Не успели разобраться с цирком, как в горком партии пришел архиерей. Вот, думаю, мне только этого визита еще не хватает. Оказывается, он пришел в горком партии с предложением оказать помощь через верующих в сборе теплых вещей, стирке и ремонте одежды фронтовиков и сборе средств на постройку авиаэскадрильи, чтобы быстрее разгромить фашистов» (*Там же. С. 22*). Это инициатива была не только поддержана, но и получила свое развитие уже в сборе теплых вещей, покупке обмундирования, медикаментов для партизан Белоруссии.

А затем была работа с письмами, и не только от простых граждан, но и от известных деятелей науки, культуры. Совершенно драматичная история, которую описывает в обращении к Грековой известный поэт, автор ставшего культовым стихотворения «Священная война», Лебедев-Кумач. Строки «Вставай, страна огромная»..., которые поднимали людей на защиту Отечества, знали без преувеличения все от мала до велика. И тут какая-то совершенно жуткая история. «Рассматривая очередную почту, я прочла письмо, адресованное мне, от Лебедева-Кумача. Он сообщал, что его изолировали в психиатрической лечебнице для того, чтобы он не принимал участия в разгроме фашизма. Но он все равно пишет и там, и строками своего стиха поднимает на борьбу с оккупантами. Просит меня приехать в психбольницу и освободить его» (*О времени и о себе. С. 23*).

Не отреагировать на такое письмо было просто невозможно и по этическим, и чисто человеческим причинам. «На следующий день, встретившись с Лебедевым-Кумачом, у нас была интересная беседа. Он живо интересовался, где наши поэты, артисты, рассказывал о себе, и было полное убеждение, что он совершенно здоров. Но когда после обеда я вновь вошла в палату, то увидела другого человека. Он был совсем голый и из поллитровой банки смазывал себя маслом. Когда я спросила, зачем вы это делаете, он ответил, что ему как члену правительства дают дополнительное питание, а здесь воруют. Вот он и сказал, чтобы масло складывали в банку, и он там будет питаться. Стало ясно, что он болен шизофренией» (*Там же*). Но и эта ситуация оставалась на контроле. Беседа с главврачом, постоянное внимание, выписанные из Москвы необходимые лекарства: «Курашов С.В. заверил меня, что ему создадут условия для работы, все записи сохраняют и по выздоровлении все напечатает, что и было сделано. Ему еще потом присуждалась Сталинская премия» (*Там же*).

Помощь требовалась и Демьяну Бедному. «В своем письме на мое имя он писал, что пять месяцев жил с семьей из 4-х человек в комнате 10,5 квадратных метров. После предоставления ему комнаты в гостинице «Москва», в Казани осталась его мать, у которой с соседями сложились ненормальные отношения. Пришлось вмешиваться и исправлять положение» (*О времени и о себе. С. 21*). Речь идет о конфликте Демьяна Бедного с Мунирой Булатовой, оперной дивой СССР, которую подселили после его отъезда в Москву на жилплощадь матери. Кто прав, кто виноват, пришлось разбираться Грековой, на письме — жесткая резолюция вникнуть в ситуацию, решить все миром. Творческий человек даже в сложнейшие моменты ценился высоко, хотя письмо Бедного неприятное, оскорбительное, неуважительное. Но созданный образ для народа и образ реальный — не всегда одно и то же. Не все однозначно было и в оценках его творчества. В архиве сохранился неудобный для Бедного документ: «Тов. Мехлис! На Ваш запрос о басне Демьяна «Борись иль умирай» отвечаю письмом на имя Демьяна, которое можете ему зачитать. Новоявленному Данте, т. е. Конраду, то бишь... Демьяну Бедному. Басня или поэма «Борись иль умирай», по-моему, художественно-посредственная штука. Как критика фашизма, она бледна и не оригинальна. Как критика советского строя (не шутите!), она глупа, хотя и прозрачна.

Так как у нас (у советских людей) литературного хлама и так не мало, то едва ли стоит умножать залежи такого рода литературы еще одной басней, так сказать...

Я, конечно, понимаю, что я обязан извиниться перед Демьяном-Данте за вынужденную откровенность.

С почтением,

И. Сталин (*РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 100*) (примечание автора — Л.З. Мехлис с 1930 года был редактором «Правды»).

Это всего лишь несколько эпизодов рабочего дня Грековой, но главными оставались все-таки производственные, хозяйственные вопросы, работа промышленных предприятий, выполнение и перевыполнение планов, повышенных обязательств, которые брали на себя трудящиеся.

Что касается эвакуированных из республики предприятий, то «в августе—сентябре 1941 года в строй вступило 15 заводов и фабрик, прибывших из Белоруссии. В октябре—ноябре — еще 20. К лету 1942 года оборонную продукцию уже давали коллективы более 70 белорусских заводов и фабрик. Оборудование монтировалось в самые сжатые сроки и сразу же включалось в работу» (*О времени и о себе. С. 37*). Разве это тоже не подвиг белорусского народа, сопоставимый подвигу тех, кто сражался на фронте, на оккупированной территории. Причем речь идет не только о восстановлении полноценной работы эвакуированных предприятий, но и об изменении профиля их деятельности. «Заводы машиностроения и металлообработки перешли на выпуск танков и авиационных моторов, «катюш» артиллерийских орудий, минометов. Оборудование местной промышленности, промкооперации было использовано для производства лыж, противотанковых мин, «ежей», колючей проволоки и т.д. Предприятия легкой промышленности выпускали сукно, брючные и гимнастечные ткани, белье, телогрейки, парашютную ткань, обувь, обмундирование» (*Там же. С. 38*). И много теплых слов в адрес гомельских станкостроителей, выпускавших реактивные минометы «катюша», «Гомсельмаша», предприятия «Красный химик», витебских игольного завода, оптической фабрики и других, всех не перечесать, все трудились с полной отдачей сил и верой в победу.

Надежда Григорьевна писала свои воспоминания уже находясь на пенсии, по прошествии десятилетий, когда память стирает имена, фамилии, оставляя только события. Но с педантичной точностью она перечисляет тех, кто поистине совершал чудеса героизма в те далекие годы, монтируя, собирая, предлагая нестандартные решения: «...белорусские мастера с эвакуированного завода «Гомсельмаш» В.Р. Нарбутович, П.М. Майсак, С.В. Якушенко, мастер бывшего Оршанского льнокомбината Ф.К. Василевский, мастер-вагонник К.В. Злотников, механик чулочно-трикотажной промышленности М.М. Булыго...» (*Там же. С. 41*). Это — чтобы помнили.

Но во всей сложной, напряженной работе находилось время и для встреч, что называется, для души. Дочь Надежды Григорьевны вспоминала о незабываемых моментах жизни в эвакуации: «В Казань эвакуировались многие деятели советской науки, искусства и литературы, в том числе и белорусские. Я хорошо помню встречу с поэтом Демьяном Бедным, вице-президентом Академии наук БССР Лупиновичем. Запомнилась встреча с поэтом Янкой Купалой и его стихи: «Мой родны кут, як ты мне мілы! Забыць цябе не маю сілы!». (*Л. Грек. Неопубликованные воспоминания о Грековой Надежде Григорьевне. С. 8*).

С Янкой Купалой сложились особые отношения. «В Казани жил народный поэт БССР Янка Купала. Он часто заходил в горком партии, делился своими творческими планами. Вместе с ним мы грустили по родной белорусской земле. Все белорусы, работавшие тогда в Казани, с жадностью ловили каждую

восточку из-за линии фронта, о действиях партизан на оккупированной Белоруссии и рассказывали трудящимся Татарии о творимых там злодеяниях фашистов, о разгорающемся пламени всенародной партизанской войны» (*О времени и о себе. С. 27*).

Но это были не только воспоминания о Белоруссии. Творческая интеллигенция, которая находилась в Казани, как могла, стремилась помочь тем, кто оставался на оккупированной территории. По инициативе горкома партии, работавших там белорусов, о которых Грекова вспоминала с особой теплотой, был объявлен сбор средств для покупки необходимых вещей для белорусских партизан. Трудящиеся города приняли решение в течение месяца работать на два часа дольше и на вырученные средства купить так необходимые для партизан вещи. «Всего было заработано свыше девяти миллионов рублей и отправлено: 11 700 шапок-ушанок, 7258 меховых пальто, 6000 пар теплых носков, 4000 пар валенок, 2700 телогреек и ватных брюк, 5700 полотенец, сотни меховых комбинезонов, 2000 пар обуви, тонны кондитерских изделий, бумага, конверты, махорка, кисеты и другое», — вспоминала Надежда Григорьевна (*Там же. С. 27*).

Вспоминала она и о тех коллегах-белорусах, которые трудились с ней, тоже не считаясь со временем, отодвигая личные проблемы на потом. «С большой благодарностью я вспоминаю совместную работу со своей землячкой Марией Михайловной Вазановой, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации горкома партии. Она много делала, направляя всю агитационно-массовую работу в помощь фронту» (*О времени и о себе. С. 26*). Много теплых слов в адрес работавших в Казани наркома социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценкова, наркома местной промышленности БССР Д.Д. Лапето, начальника кинохроники республики К.И. Коржицкой, с которой сложились дружеские отношения. Возможно, живы их родственники, хотелось бы, чтобы они знали, что за строкой в биографии, находившейся в тылу, работал для фронта было понимание, насколько сложной оказалась эта миссия. Это сегодня принято чиновников той поры изображать отрицательными персонажами, таким тормозом на пути решения проблем. Пересматривая решения только одного конкретного горкома партии очень сложного для страны периода, понимаешь, как самоотверженно трудились люди в тылу, организовывая, соединяя то, что практически соединить было невозможно.

Одной из инициатив казанских белорусов, поддержанных горожанами, стал сбор средств для партизан. В почине участвовала и белорусская интеллигенция, лично Янка Купала. «В горком партии он принес свое замечательное стихотворение «Беларускім партызанам» и проникновенно прочитал его мне. Слушала я пламенные купаловские строки, а из глаз катились слезы», — вспоминала свое состояние Надежда Григорьевна. Решено было тогда в каждую посылку вложить текст с этим стихотворением. «Кроме этого Янка Купала по моей просьбе написал специально четверостишие для листовки-призыва:

За гвалты, за здзекі, за слёзы сірот
Велікаю помстай адкажа народ.
Смерць выградкам подлым, сабакам паганым!
Слава адважным байцам-партызанам!

Решили срочно напечатать листовки на белорусском языке. На каждой листовке было написано: «Чырвоным партызанам ад працоўных Татарыі. 1942 год». Рабочие казанских типографий в сверхурочное время быстро отпечатали их массовым тиражом. В каждой посылке тогда в Белоруссию летели страстные слова поэта. После мы узнали, что купаловские листовки-стихи передавали из уст в уста, переписывали от руки и расклеивали в городах и селах непокоренной Белоруссии. На призыв любимого поэта белорусский народ ответил новой волной партизанского движения» (*О времени и о себе. С. 28*). На полях своих воспоминаний рукой Грековой написано, что стихи-листовки хранятся в Литературном музее Я. Купалы в Минске. Это так. А воспоминания Надежды Григорьевны помогли воссоздать еще один исторический факт из жизни великого песняра — они написаны по просьбе Надежды Григорьевны Грековой и во имя скорейшей победы над врагом.

Внимание ЦК КП(б)Б к вопросу об эвакуировавшихся не ослабевало. 1 декабря 1942 года на заседании бюро ЦК КП(б)Б был заслушан вопрос «О работе с эвакуированным населением из БССР». Постановление по итогам его обсуждения гласило:

«1. Создать в районе города Торопца Калининской области эвакуопункт при СНК БССР, вменив в обязанность прием прибывающих граждан из тыла противника, проверку, санобработку, организацию питания, бытовое обслуживание и обеспечение эвакуации в тыловые области Советского Союза. Поручить Совнаркому БССР в десятидневный срок укомплектовать аппарат эвакуопункта и организовать его работу».

2. Для улучшения работы по розыску семей эвакуированных в тыловые области Советского Союза и ускорения выдачи справок на запросы отпечатать типографским способом именные списки эвакуированного населения и детей детучреждений из БССР.

3. Обязать т. Поповича закончить в ближайшее время работу по учету эвакуированного населения из Белорусской ССР».

2 апреля 1943 года на заседании бюро ЦК Компартии Белруссии рассматривался вопрос и о создании специального эвакуопункта СНК БССР. Было решено организовать его в Усвятском районе Смоленской области для приема, обслуживания и эвакуации в тыловые районы Советского Союза граждан, выходящих из районов БССР, временно оккупированных немецкими захватчиками. Люди продолжали при первой возможности покидать занятые фашистами районы, это был уже не массовый исход, но то, что такие случаи были, свидетельствует и необходимость создания специального пункта.

В соответствии с решениями бюро ЦК КП(б)Б Надежда Григорьевна не раз откомандировывалась в другие регионы для того, чтобы собирать белорусские кадры буквально по всей России. Об этом — уникальные сведения, воспоминания, многие из которых по каким-то причинам не стали предметом исследований, просто беллетристики.

Первая командировка — в Ярославль. Поставлена задача организовать там мединститут БССР. Но для этого сначала потребовалось собрать группу профессоров, в нее вошли известные ученые-медики — Могилевчик, Мелких, Мороз, тоже прибывшие из Москвы, других регионов. Затем разработать концепцию учебного заведения, которое должно было стать и научным, исследовательским центром. Такая необходимость возникла вовсе не спонтанно. Белорусские медицинские кадры, разработки которых имели неоценимое зна-

чение для военного времени, уже применялись в полевой хирургии, для профилактики многих заболеваний в условиях войны, были разбросаны по стране, эвакуированы кто куда. Например, профессор Минского мединститута Д.И. Голуб заведовал кафедрой анатомии в Иркутском мединституте, академик В.А. Леонов — в Новосибирском медицинском институте, кто-то был направлен в Ижевск. Но задачу выполнили. Однако это была далеко не единственная такая командировка.

В записях Надежды Григорьевны, которая всегда тщательно готовилась к заседаниям, выступлениям, поездкам, есть такая статистика: «На восток страны выехали коллективы 60 научно-исследовательских институтов и лабораторий, 6 крупнейших театров Белоруссии, более 20 высших и средних учебных заведений. По неполным данным в различных районах советского тыла трудились около 100 академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук АН БССР, более 400 артистов, около 50 художников, 22 композитора» (*О времени и о себе. С. 42*).

И снова имена, имена, имена... Тикоцкий, Аладов, Богатырев, Пукст, создавшие в эвакуации более 200 музыкальных произведений разных жанров. Б.Е. Ерофеев, член-корреспондент АН БССР, исследовавший в горных породах Урал-Волжской области редкие элементы в целях их применения в сталелитейной промышленности, академик И.С. Вилулов, разработавший теорию горения, зажигания и взрыва горючих смесей, применявшихся в оборонной промышленности, профессор Белорусского университета И.И. Годнев, заведующий кафедрой физиологии растений в Свердловском сельхозинституте, и многие другие, своими разработками внесшие вклад в науку военного времени (*Там же. С. 42—44*).

Событием стала проведенная в Казани в марте 1942 года научная сессия Академии наук БССР. Практически полтора года академия собирала свои кадры. Сессии в Ташкенте, в Татарской АССР позволяют говорить о восстановлении полноценного функционирования ведущего научного учреждения республики в период войны. Это была победа! Прозвучали большой доклад вице-президента Академии Якуба Коласа, знаменитый доклад Янки Купалы «Белорусская интеллигенция в дни Отечественной войны», где не только констатировалось, что ее произведения «художественным словом, лирикой помогают бить врага», но и поставлены задачи, определившие развитие национальной культуры как самобытного явления свободной Белоруссии, выступление Надежды Грековой, Председателя Верховного Совета БССР как представителя власти, сделавшей немало, чтобы сохранить кадры, научный, творческий, производственный потенциал республики в военное время.

В победу верили, надежду внушал в первую очередь разгром немецких войск под Москвой. Трудовой энтузиазм людей после сообщения Совинформбюро об этом так ожидаемом событии сложно передать. Эмоции, радость — в воспоминаниях Надежды Григорьевны: «На заводах, фабриках и в учреждениях проходили многолюдные митинги. Победа под Москвой явилась источником огромного энтузиазма у тружеников тыла — по две, а то и три смены они не выходили с заводов, стремясь выполнить военные заказы, помочь героическим защитникам Родины» (*Там же. С. 20*). Последующие победы Красной Армии только укрепляли эту веру.

Трудовой энтузиазм поднимали и встречи, как вспоминала Надежда Григорьевна, «с прибывшими из вражеского тыла на Большую землю видными

руководителями партизанского движения в Белоруссии — Героями Советского Союза В.И. Козловым, Н.П. Покровским и Н.Ф. Королевым. Они сразу стали почетными гостями трудящихся Казани, выступали на городских митингах, на крупных оборонных заводах и фабриках. Партизанские командиры рассказывали о Белоруссии как о партизанской республике, где от старого столетнего деда Талаша до малого все поднялись на борьбу с врагом» (*О времени и о себе. С. 29—30*).

Для партизан республики 1942 год был очень сложным. Отряды, соединения координировали свои действия с регулярными частями Красной Армии по подготовке предстоящих ключевых сражений, где им отводилась роль мощнейшей сдерживающей силы по передвижению по территории республики боевой техники фашистов, живой силы на Сталинградском, Курско-Орловском направлениях. Героизм, мужество белорусских партизан — беспрецедентны. «Всюду с большой сердечностью и теплотой встречали героев-партизан Белоруссии. Им были с любовью изготовлены и вручены подарки — кожаные пальто, теплые бурки и меховые шапки — как символ сердец трудящихся Казани» (*Там же. С. 30*).

Если некоторые лидеры партизанского движения стремились в тыл, чтобы поднимать трудовой энтузиазм людей, то Грекова стремилась к партизанам в Белоруссию, чтобы поднимать боевой дух на оккупированной территории. Скоро такая возможность ей представилась.

В личном архиве Н. Грековой сохранился уникальный документ — свидетельство ее первого перехода через линию фронта в июне 1942 года. Это письмо от Я.А. Жилиянина. На конверте обратный адрес: Минск, ул. Янки Купалы, д. 7, кв. 87.

«Здравствуете, Надежда Григорьевна! Извините, что с большим опозданием выполняю сделанное Вам обещание. Поверьте, произошло все без всякого умысла, забыл — старость. Высылаю памятную фотокарточку Вашей встречи с партизанами Суражской партизанской зоны, награжденными орденами и медалями СССР, и работниками Витебского обкома партии. Вручение наград состоялось в середине июня (10—14 июня) в деревне Добрынино Велижского района. Это была первая группа партизан Витебской области, удостоенная высоких правительственных наград. Желаю Вам, уважаемая Надежда Григорьевна, доброго здоровья и всего хорошего в жизни. С искренним приветом Я. Жилиянин». Под ним дата: 3.IX.72 г.

К письму приложено совместное фото Надежды Григорьевны с партизанами Суражской зоны. Да, оно и снимок дошли до нее с некоторым временным интервалом после тех событий, но как же хочется поблагодарить ее отправителя за то, что оно все-таки дошло до Грековой. Это действительно уникальный документ. Самый разгар войны, оккупированная территория и Председатель Верховного Совета республики вместе с партизанами. В Казани — более чем напряженная работа, но она находит время отправиться в глубокий тыл врага, чтобы лично встретиться с партизанами, вручить им правительственные награды, несмотря на то, что по такому торжественному случаю их могли вызвать, как это было принято, в Кремль. И считает такую миссию необходи-

мой. Для Грековой, которая оставалась Председателем Верховного Совета БССР, важно было сделать это именно в партизанском отряде, показав тем самым, что советская власть есть, и она действует эффективно.

Но чтобы попасть на оккупированную территорию, пришлось использовать связи, лично обратиться к Пономаренко, возглавлявшему Центральный штаб партизанского движения, сначала с такой просьбой, а затем заручиться его согласием и поддержкой. Путь предстоял долгий и опасный. Предложение было поддержано, принято соответствующее решение ЦК Компартии Белоруссии о направлении т.т. Н.Г. Грековой, Председателя Президиума Верховного Совета БССР Т.Я. Наталевича и Председателя Совнаркома БССР И.С. Былинского на оккупированную территорию.

Каким был путь — отдельная история. Сначала предстояло добраться до Калининского фронта. Тогда в их распоряжении еще был транспорт, но это не спасало от обстрелов. «Проезжая Клин, Калинин, Торжок и далее в направлении расположения командования Калининским фронтом, мы неоднократно подвергались налетам фашистских самолетов. В больших тревогах и волнениях за сохранность вверенных нам наградных документов и правительственных наград мы добрались до размещения штаба Калининского фронта» (*О времени и о себе. С. 31*). Состоялась теплая встреча с его руководством, командующим фронтом И.С. Коневым. Белорусской делегацией создали все условия для краткого отдыха. Уходить нужно было в ночь с проводником, который дожидался ее уже несколько дней. Путь в глубокий тыл врага предстоял нелегкий, но об этом можно было тогда только догадываться. А пока, как вспоминала Надежда Григорьевна, уставшие, они погрузились в глубокий сон. Вскоре последовала команда: «Выступаем. Время пришло».

«По невиданным тропам, пешком, а иногда и ползком, соблюдая строгую маскировку, мы добрались к своим родным дорогим братьям и сестрам. Это была незабываемая, трогательная встреча», — так описывала свой путь к партизанам Грекова (*Там же. С. 31*). Что стояло за каждой из этих фраз, она рассказала своим родным много лет спустя. Психология человека, нацеленного на совершение какого-то поступка, такова, что страшно становится потом, когда наплывают воспоминания и приходит реальное осознание того, чем все могло закончиться. А опасность подстерегала повсюду. Приходилось подолгу лежать, затаившись в каких-то кустах, оврагах, понимая, что немцы рыскают совсем рядом и в любой момент могут их обнаружить, «...а над головой безоблачное небо. Шумели высокие сосны, цвели цветы, ласково светило солнце. Просто трудно было поверить, что вся эта мирная красота только кажущаяся временная передышка, что в нескольких километрах отсюда находились оккупанты» (*Там же*). Истинно женское восприятие реальности, где было место лирике, философии.

В деревне Добрынино собрались работники Витебского обкома партии, герои-партизаны Суражщины. Они контролировали эту зону, и немцы боялись туда особо соваться. Но и здесь все было небезопасно, поэтому выслали разведку, выставили часовых. В такой обстановке проходил первый в истории оккупированной Беларуси митинг с участием высшего руководства республики. Затем началось самое приятное — вручение государственных наград. «Сколько было радости на лицах награжденных, сколько было сказано добрых, проникновенных, идущих от самого сердца слов в адрес Центрального Комитета, Коммунистической партии и Советского правительства. То, что их помнят, зна-

ют и заботятся о них, говорили партизаны, придаст им новые силы, смелость и отвагу в борьбе с врагом. И эти, идущие от самого сердца, обещания они выполнили с честью» (*О времени и о себе. С. 33*). Но даже такие трогательные строки вряд ли могут передать то эмоциональное состояние людей, для которых это были не просто государственные награды, а в первую очередь признание заслуг белорусских партизан в целом, их вклада в общую борьбу советского народа.

Первым и свою первую награду из рук Грековой получил Минай Филиппович Шмырев, легендарный батяка Минай. «Мне посчастливилось вручить и прикрепить к груди Батяки Миная орден Ленина. Его отряд контролировал всю зону Суражского района и нагонял смертельный страх на врагов», — писала в воспоминаниях Грекова (*Там же. С. 32*). Драматичную историю семьи Батяки Миная впоследствии узнала вся страна, она стала не только примером поистине беспрецедентного мужества, и не только в плане борьбы с врагами, но и мужества личного, когда предстояло принять тяжелейшее в моральном плане решение. Всю семью Минай немцы держали в заложниках, требуя обмена: жизнь детей за его голову. И трогательное письмо дочери из тюрьмы: «Папа! Отомсти за нас, не выходи к немцам. Все равно они расстреляют нас и тебя!» Сложно представить, что пережил этот сильный человек, когда разведка каждый раз доносила, что фашистские угрозы приводились в исполнение, немцы по очереди расстреливали каждый день кого-то из его семьи.

Сегодня, к большому сожалению, нередко можно слышать о советской пропаганде в отношении подвига партизан и подпольщиков. Вот если бы не они, все было бы по-другому, а еще о том, что и в деревнях отсиживались, и бежали из партизанских отрядов. Моральные уроки, предатели были всегда. Но в истории остался подвиг и завоеванная свобода, в том числе и благодаря белорусским партизанам, простым жителям, которые не выдали, даже за очень большое вознаграждение, Минай Филипповича, благодаря простому деревенскому мальчишке, судьба которого так взволновала Надежду Григорьевну. «Никогда не забыть мне мальчишку с обмороженными руками и ногами. На его глазах фашисты убили мать и сестренку. Он дал клятву отомстить извергам. Мальчик нашел несколько гранат и из своей деревни отправился в Витебск. Немало дней он выжидал момента, чтобы бросить связку гранат в автобус с фашистскими офицерами. Отомстив убийцам за смерть своих родных, он пришел в лес к Батяке Минаю. А партизаны Батяки Миная сполна отомстили за гибель его семьи и мирного населения» (*Там же. С. 33*). Надежда Григорьевна еще четыре раза ходила за линию фронта, и каждый раз это было сопряжено с невероятным риском. Один из переходов мог стать и последним в жизни.

К концу 1942 года партизанское движение охватило практически всю республику, на оккупированной территории создавались уже целые партизанские зоны. Помимо Суражского региона на Витебщине, где оставалась свободной 50-километровая территория, так называемые Суражские «ворота», через которые осуществлялась связь с Большой землей, уже существовало 7 партизанских зон — в районе Чечерска Гомельской области, на Полесье, в районе Любани, в других регионах. До нас дошло сообщение германской полиции безопасности и СД от 12 июня 1942 года о деятельности партизан в Белорутении: «Крупные партизанские группы ведут активные действия в районах Березино, Бобруйска, Гомеля, Почепа, Ширгатино, Витебска, Лепеля, Суража. Эти партизанские группы развили большую активность. В ряде областей партизаны

установили советскую власть и создали постоянное управление» (*Белорусские партизанские края и зоны // «Военное обозрение». 22 июля 2016 года*).

Но событием стало создание еще одной зоны — первой в Западной Белоруссии. Партизанские отряды, которыми командовали А.П. Савицкий (Петрович), В.З. Корж (Комаров), а также отряд имени Н.Т. Шиша в первых числах сентября 1942 года в местечке Ленин Пинской области разгромили вражеский гарнизон, а затем освободили от противника практически весь Ленинский район, где и была образована партизанская зона. Значение этого события трудно переоценить. Территории, практически с первых дней оккупированные немцами, утратившие связь с центром и восточными регионами, смогли не только восстановить подпольные райкомы партии, но и создать сеть партизанских отрядов, наладить координацию, взаимодействие с Белорусским штабом партизанского движения. Это был поистине подвиг.

В расположение соединения Коржа вылетела правительственная делегация во главе с Председателем Верховного Совета БССР Надеждой Грековой. Для нее это было особенно важно. С Западной Белоруссией, установлением там советской власти, был связан, пожалуй, самый сложный период ее деятельности. Всего за каких-то три года после воссоединения удалось так много сделать в регионе, и вот теперь война все это разрушала, уничтожала. И люди поднялись на защиту не панской Польши, а социалистической родины. Это дорогого стоило.

В Российском государственном архиве социально-политической истории удалось найти уникальный документ — карту посадочных площадок на оккупированной территории — приложение к плану белорусского штаба партизанского движения по организации регулярных авиарейсов самолетами У-2 в партизанские зоны (ВАСИИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 128. Л. 1). На ней видно, что основные площадки находятся в центре — в районе Витебска, на территории Минской и Могилевской областей, расстояние между площадками — сотни километров. Для правительственной делегации было принято решение использовать аэродром в районе Кличева Могилевской области. Это был первый партизанский аэродром, оборудованный еще в июне 1942 года, который начал регулярно принимать грузы с Большой земли. Обстановка вокруг была относительно спокойной. Приземление прошло нормально, а вот потом был долгий и сложный путь, где пешком, где на подводе, где вообще верхом, в расположение партизанской зоны. Менялись проводники, места привалов, было много ночных переходов. Об этом переходе известно крайне мало, в воспоминаниях Грековой осталось одно слово: «страшно». Затем что-то дополнил Эдуард Нордман, генерал госбезопасности БССР, с первых дней находившийся рядом с Василием Коржом, которого Кирилл Трофимович Мазуров, официальный представитель ЦШПД в республике, будущий первый секретарь ЦК КПБ, называл за его бесстрашие не иначе как «геройский парень».

Несмотря на то, что зоны, отвоеванные у фашистов, охранялись особенно тщательно, немцы предпринимали массированные наступления для их ликвидации. Партизаны вели боевые действия практически ежедневно и нередко на разных участках. 5—8 ноября 1942 года особо ожесточенные бои, в которых участвовали партизаны под командованием Коржа, были в районе деревни Баранова Гора Ленинского района Пинской области. Они шли с переменным успехом, потери были значительными с обеих сторон. В такой обстановке в расположение соединения шли шифровки об организации немедлен-

ного вылета правительственной делегации в Москву, разведка докладывала о планах фашистов усилить свои войска подкреплением. О том, какое это было подкрепление, и чем все могло закончиться, стало известно позже. Взлетали с наспех подготовленной площадки буквально под фашистским огнем, когда прикрывающий отряд вел бой в сотнях метров от места взлета, а летчик после приземления даже не глушил мотор. Осознать смысл слова «страшно» все равно сложно. Ноябрь, надвигающиеся холода, кругом реальные сражения, каждый миг может стать последним, молодая женщина в окружении всего этого ужаса... На войне действительно было страшно.

Холодела душа и от рассказа девчушки по имени Тамара из партизанского отряда, в который влилась целая деревня. Его дополнили односельчане. В один из дней село на Брестчине окружили фашисты, его название стерло из памяти время, но возможно кто-то из выживших, прочтя эту историю, вспомнит и тот день, и то, что тогда произошло. Каратели сделали все со знанием дела — улицы деревни были расположены буквой Н, крайняя находилась несколько в отдалении, за густой посадкой, и ее можно было и не заметить. Но фашисты окружили каждый дом и стали выгонять жителей на улицы. Вдруг Тамара услышала, что дядя в немецкой форме говорит по-украински, и радостно закричала: «Мама! Мама! Это же наши! Только в другой одежде!» Пинок в спину — и мать с ребенком втолкнули в колонну жителей, которые встали к амбару на краю деревни. Людей затолкали внутрь, сжаржи обложили сеном, а жителям объявили, что в ближайшее время должна проредеть колонна с немецкой техникой. Если партизаны нападут на колонну, всех жителей сожгут, если нет, то отпустят. Заскрипели тяжелые засовы, двери каглухо захлопнулись. Началось томительное ожидание.

Но люди решили действовать. Руками, тем, что попадались на глаза, они стали делать лаз под фундамент. Землю разгребали все: и дети, и взрослые. Когда образовалось отверстие, в которое можно было пролезть, через него буквально вытолкнули мальчишку-подростка. Он должен был как можно скорее добежать до партизан и предупредить об опасности. Что происходило с людьми в часы ожидания, передать сложно. Кто-то молился, кто-то тихонько плакал, кто-то нервно расхаживал, заламывая руки. Те часы показались вечностью. Ребенок, к счастью, добежал, партизан предупредил, колонну с немцами пропустили, националисты жителей из амбара выпустили. Но напуганные люди, прекрасно понимая, что «свои дяди в фашистской форме» все равно вернуться, всей деревней со скарбом, скотиной в тот же день ушли в лес. Осталась одна 80-летняя женщина, которая решила переждать время на заброшенной водокачке, а если что и случится, то жизнь и так уже прожита. Бандеровцы, а это были они, вернулись на следующий день и дотла сожгли всю деревню, а с ней и заброшенную, стоящую на отшибе, водокачку. Жители деревни, глядя на поднимающийся над лесом столб черного дыма, с ужасом думали, что, не покинь они деревню, могли бы оказаться в этом огне.

Всего отрядами Бандеры и Шухевича на территории Западной Белоруссии во время проведения одной только операции «Треугольник» в Брестской области, которая длилась 17 дней, были уничтожены тысячи мирных жителей. В деревне Борисовка расстреляны 206 человек, сожжены 225 домов. В деревне Леплевка убиты 54 ребенка и воспитательница Домачевского детского дома. Такие же зверства были совершены в Каменке (погибли 152 человека), деревнях Борки (705 человек, в том числе 372 женщины и 130 детей), Зеленая Буда

(28 погибших), Заболотье (289 погибших). 11 сентября 1942 года жители деревни Дремлево в Жабинковском районе собрались, чтобы встретить праздник Иоанна Крестителя, который они ежегодно отмечали начиная с 1561 года. Разрешение немцев было получено и ничто не предвещало беды. Но во время праздника в деревню ворвались каратели — многих жителей убивали прямо на улице, остальных согнали в сарай и сожгли. Погибли 190 белорусов. На сей раз орудовали не каратели из печально известного 118-го батальона, уничтожившего Хатынь, а украинские националисты 201-го батальона, 1-й сотней которого до создания УПА командовал Роман Шухевич. Помимо «Треугольника», на его счету кровавые операции «Болотная лихорадка» в Витебской области, «Котбус» в Минской и Витебской областях, тысячи убитых мирных жителей.

В итоге операции «Болотная лихорадка», которая проводилась фашистами с участием бандеровцев с 25 августа по 20 сентября 1942 года в районе озера Домжарицкое, было убито и сожжено заживо более 10 тысяч человек, более 1200 угнаны на принудительные работы в Германию. В деревнях Бобровичи и Выгощи одновременно уничтожили 707 человек. 10 сентября 1942 года каратели уничтожили все 37 домов и 135 жителей деревни Затишье. 15 сентября были уничтожены 217 жителей деревни Вяда, а деревня сожжена. Были убиты 143 жителя соседней деревни Тупичицы, а дома — сожжены. Как и Хатынь, Тупичицы, которые были известны с 1552 года, безвозвратно исчезли с карты Беларуси.

В итоге операции «Котбус», проведенной оккупантами в июне 1943 года в Минской и Витебской областях, в которой были задействованы дополнительно 15-й, 102-й, 118-й и 237-й батальоны вспомогательной полиции украинских националистов, было уничтожено более 10 тысяч человек.

Именно этот 201-й батальон командовал обер-интендант-генерал полиции Бах-Залевский считал лучшим среди карателей. Об этом он заявил, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе (*Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т. М., 1987—1999. Т. 79. Из допроса свидетеля Е. Бах-Залевского. С. 475—496*). Именно эти зверства наряду с другими Грекова впоследствии отразит в записке белорусского правительства о преступлениях против человечества, подготовленной к Нюрнбергскому процессу.

В 2006 году в пограничной с Украиной деревне Леликово Кобринского района Брестской области журналисты газеты «Советская Белоруссия» провели опрос жителей по поводу героизации националистических формирований ОУН-УПА. Именно в этой части Западной Белоруссии уже после освобождения республики от фашистов бандеровцы организовали террор против мирного населения. На Брестчине бесчинствовало около 250 отрядов УПА.

Из воспоминаний заведующего Леликовским сельским клубом Петра Шепетьюка: «Бандеровцы убивали нас. Какие же они герои? Какие они освободители?» Анастасия Шепетьюк вспоминала: «Я хотя ребенком была, но хорошо помню, как отец на вечерах с односельчанами обсуждал очередные налеты бандеровцев, вспомнил, как бандеровцы убили его отца — тоже Ивана Шепетьюка. Убили отца и у Евдокии Югнюк».

Из воспоминаний Николая Коржа, который в деталях вспомнил день 24 апреля 1945 года: «Мы, малые дети, спрятались на улице, в яме из-под картошки. Бандеровцы увидели нас и бросили гранату. Митя, ему уже 14 лет было, с годовалым Яковом на руках выскочить из ямы не успел. Погибли». Такая же

ситуация, как в Леликово, была практически во всех деревнях Полесья (*Бандеровцы в деревне Леликово // «Советская Белоруссия». 11 ноября 2006 года*).

Правительственной делегации угрожали не только фашисты, но и еще более жестокий враг — украинские националисты. А расправа могла быть действительно жестокой уже только за то, что Грекова имела непосредственное отношение к восстановлению советской власти в Западной Белоруссии.

Последний переход линии фронта состоялся уже в период подготовки наступательной операции «Багратион» по освобождению республики от немецко-фашистских захватчиков в начале 1944 года. Состоялся в тот период, когда в судьбе Надежды Григорьевны появился очень надежный и сильный человек: умный, талантливый военачальник и одновременно удивительно тонкий, внимательный и просто влюбленный в нее Михаил Сергеевич Малинин. История их отношений — отдельная глава в судьбе Грековой. О ней — несколько позже. А тогда штабом 1-го Белорусского фронта была оказана неоценимая помощь.

Этот свой последний переход через линию фронта Надежда Григорьевна описала уже в воспоминаниях о Михаиле Сергеевиче много лет спустя, когда ушли из жизни и Малинин, и многие друзья и соратники, а жизнь самой была на исходе. «Михаил Сергеевич был в моей жизни не только мужем, не только большим другом, но и большим помощником. Не будь его, моя жизнь во время войны могла оборваться не раз. Например, я как член правительства должна была в тылу немцев вручать награды партизанам Белоруссии: Звезды Героев, ордена Ленина, медали и т.д. Это был очень тяжелый период, когда белорусская земля была оккупирована немцами, партизаны порой почти по горло стояли в болотах, выполняя задания, охотясь за фашистами. И естественно, у них появлялась мысль: вот мы тут погинуем, и никто о нас даже не узнает ничего. Но чтобы объявить указ и вручить награды партизанам, надо было, прежде всего, как минимум, перейти линию фронта, добраться до партизанского отряда. Конечно, без помощи командования фронта это было осуществить чрезвычайно трудно, почти невозможно. Михаил Сергеевич как начальник штаба и как человек огромной души, понимая всю значимость порученной мне миссии, организовал эту, можно сказать, военную операцию столь продуманно и четко, что она обошлась без жертв и прошла успешно. До сих пор вижу лица этих мужественных людей, осветившиеся радостью от осознания того, что они не забыты и что их подвиги известны и оценены Родиной» (*Михаил Сергеевич Малинин. Статьи. Воспоминания. Документы. В 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 193*).

После таких переходов, как не раз подчеркивала Грекова, страх, эмоции притуплялись, оставалось огромное моральное удовлетворение от того, что партизаны реально чувствовали внимание к ним, что связь с Большой землей не утрачена, а все дела, поистине их подвиг, не останутся незамеченными. Главное, люди видели, что руководство не прячется, не отсиживается в тылу. О таких визитах рассказывалось в боевых листках, партизанской прессе, которая становилась грозным идеологическим оружием, ее читали, распространяли среди населения республики. И это было очень важно. О том, как воспринимались такие встречи, в материалах Национального архива Республики Беларусь (*фонд 4п, опись 33а, дело 77*). Подлинники документов в основном рукописные, они о работе, проводимой в партизанских отрядах. Например, записка первого секретаря Богусhevского райкома партии Витебской области

Адама Константиновича Стельмаха «О проделанной работе в тылу немецких захватчиков», где говорится и об агентурно-разведывательной работе, мероприятиях, встречах на оккупированной территории, и о митинге с участием руководства республики.

Поэтому по возвращении в Казань каждый раз появлялись все новые инициативы в поддержку партизан. Трудящиеся Татарии, простые жители готовили им подарки, к которым, как правило, прилагались письма, открытки. Были они и от руководителей Татарской АССР. В написании одного такого письма принимала участие и Грекова, для которой работа по поддержке партизанского движения в Беларуси стала такой же важной, как и работа предприятий в городе, решение социальных вопросов. Прошло столько десятилетий, а Казань в сознании белорусов и сегодня ассоциируется с той неоценимой помощью, которую оказывали ее жители в годы войны.

«Партизаны и партизанки Белоруссии! Дорогие товарищи! Так повелось, что накануне каждого праздника трудящиеся нашего города хотят сделать для вас что-то хорошее, приятное и в то же время полезное. Неудивительно, что так горячо и старательно готовились вам подарки к новому 1943 году. Любовно и старательно рабочие, инженеры, техники, служащие готовили в нерабочее время вам подарки. Люди не считали для себя тяжелым постоять несколько лишних часов у станка, посидеть за швейной машинкой, с иглой или спицами в руках, чтобы сделать партизанам нужную вещь, чтобы хорошо сшить ватную телогрейку, связать чулки, красиво вышить косынку, косовой платок. Сколько сердечного тепла вложили они в каждую вещь, в каждый предмет!

Будьте счастливы, наша родная, боевые товарищи. Мы не останемся у вас в долгу. Трудящиеся Татарии прилагают все силы к тому, чтобы все предприятия работали по-фронтовому, чтобы Красная Армия и вы, народные мстители, сполна получали необходимую боевую продукцию, чтобы фашисты еще крепче почувствовали силу ваших ударов, чтобы скорее на нашей улице был праздник. Крепко жмем ваши руки, желаем счастья и боевых успехов!»

Это письмо Надежда Григорьевна, как она подчеркивала в своих воспоминаниях, помнила наизусть всегда, под ним есть и ее подпись. В этих простых строках, «идуших от сердца тружеников Татарии», столько искренности и такого желанья помочь, быть причастными к тем событиям, которые происходили в местах сражений (*О времени и о себе. С. 34*). Это все к тому же вопросу скептиков о том, что должность Председателя Верховного Совета республики была формальной. Тогда о формализме не шло и речи.

Российский государственный архив социально-политической истории, фонд 17, опись 100, личное дело Надежды Грековой за номером 120396. В нем есть записка на имя Председателя Комиссии по делам бывших партизан и подпольщиков при Президиуме Верховного Совета Беларуси А.Е. Андреева. В ней говорится: «Грекова Надежда Григорьевна в период Великой Отечественной войны выполняла поручения по организации партизанского движения в Белоруссии от Центрального штаба СССР. Грекова Н.Г. была награждена в 1945 году Орденом Трудового Красного Знамени за работу по организации партизанского движения в Белоруссии». Под запиской подписи: С.С. Бельченко, бывший заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, и И.П. Гюненок, бывший заместитель начальника Белорусского штаба партизанского движения. Что касается Бельченко, то уже во времена демократических перемен он тяжело переживал всю

ту грязь, откровенную ложь, которая выплескивалась на страницы центральной прессы по поводу партизанского движения вдруг прозревшими, но никогда не имеющими никакого отношения ни к подвигу, ни к лишениям военного времени «глашатаями правды».

Особенно возмутила статья журналистки Светланы Алексиевич, опубликованная в газете «Известия» в 1996 году. «Являясь в годы войны одним из руководителей партизанского движения, я никогда не уходил от нужд ветеранов-партизан и в мирное время. Мне никогда не приходилось слышать от кого-либо, да и в печати не встречались отрицательные суждения и оценки о партизанах в годы Великой Отечественной войны. За исключением опубликованной в 1996 году в газете «Известия» статьи Светланы Алексиевич, в которой белорусская писательница характеризовала наших народных мстителей как откровенных бандитов. Но ветераны не стали молчать. Ими был подан иск в суд, который обязал газету опровергнуть измышления Светланы Алексиевич» (А. Попов. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 351). Боевому генералу тогда сложно было понять, что имя можно делать даже на лжи. Тяжело переживала ситуацию и Грекова. В 1992 году в своем благодарственном письме Аркадию Яковлевичу Масальскому, заместителю Постоянного представителя Совета Министров Республики Беларусь в Москве, за память в республике о ветеранах, она писала: «Вы знаете, в какой самоотверженной мы работали в предвоенные годы, как не щадили себя для Победы над фашистами, при восстановлении разрушенных городов, сел, народного хозяйства. Но сейчас вера в будущее у меня поколебалась. Сейчас эту веру я уже отняла. И только благодаря Вам, Вашему коллективу/единомышленникам, объединенных любовью к Беларуси и ее народу, я не чувствую себя забытой, находясь в курсе жизни земляков и живу их интересами» (Личный архив Н. Г. Грековой).

Тогда же, в канун 1943 года, Надежда Григорьевна и представить не могла, что он станет поворотным в судьбе республики, в ее судьбе, и какие сложнейшие задачи будут стоять перед ней как Председателем Верховного Совета БССР.

1943 ГОД

Разгром немецких войск под Москвой, Сталинградская битва, успешно завершенная Курско-Орловская операция, другие убедительные победы Красной Армии над фашистскими захватчиками положили начало изгнанию врага с оккупированных им территорий, масштабному наступлению советских войск по всем фронтам. ЦК Компартии Белоруссии, правительство, которые временно размещались в Москве, начали активную подготовку к возвращению в республику. В столицу отзывались партийные, советские, комсомольские, хозяйственные кадры, работавшие в тылу в разных городах СССР. В Москву отзывалась и Надежда Грекова. Расставание с городом, с коллегами по горькому партии, просто с теми, с кем с первых дней эвакуации пришлось пережить очень сложное время, было не без грусти. Особенно дороги искренние слова благодарности от руководства Татарского областного и Казанского городского комитетов партии. Они «сердечно благодарили за совместную работу, и мне было приятно сознавать, что в тяжелую годину испытаний я своим скромным трудом в советском тылу помогла приблизить час победы над злейшим врагом человечества — фашизмом», писала в своих воспоминаниях Надежда

Григорьевна (*О времени и о себе. С. 35*). Может, кому-то эта фраза покажется несколько официальной. Но за всей внешней сдержанностью, в ней столько эмоционального: волнение, гордость, осознание того, что наконец свершилось то, ради чего тысячи людей трудились самоотверженно, с полной отдачей, а впереди решение не менее сложных задач, но все они такие созидательные, вселяющие надежду на мирную стабильную жизнь.

В научной, мемуарной литературе, несмотря на освещение вопросов деятельности высших органов власти БССР в Москве, о подготовке к переезду в республику, о подготовке к проведению сессии Верховного Совета, которая состоялась в Гомеле в марте 1944 года — первой на освобожденной территории, все еще сказано недостаточно. Тем ценнее оставленные Надеждой Григорьевной воспоминания о том, как все происходило на самом деле. Информация из первых уст от человека, который реально участвовал в решении многих из этих вопросов, — Председателя Верховного Совета БССР.

«В Москве готовились группы по всем отраслям народного хозяйства с тем, чтобы по мере освобождения городов и районов Белоруссии можно было быстро приступить к восстановлению народного хозяйства республики, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками» (*Там же. С. 35*). А в том, что это произойдет в ближайшее время, сомнения уже ни у кого не было. Встречи в ЦК, в Центральном штабе партизанского движения, лично с Пономаренко подтверждали, что вот-вот начнется полномасштабное наступление советских войск на западном направлении. Не сложно предположить, какие споры тогда шли в ставке Верховного Главнокомандующего? Ведь менялось направление главного удара с украинского, где немцами было установлено до этого стремительное наступление 1-го Украинского фронта, и начались затяжные бои, на белорусское. Впоследствии оно завершилось уникальной операцией «Багратион» и полным освобождением Беларуси.

Летом же 1943 года все начиналось с успешно проведенных Черниговско-Припятской, Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской операций. В результате 23 сентября был освобожден первый районный центр республики — Комарин, а к концу сентября — Хотимск, Мстиславль, Климовичи, Кричев. За ними следовали другие населенные пункты. Сообщения о первых успехах советских войск на начальном этапе освобождения республики можно прочитать во многих источниках. О том, что не все было так однозначно и просто, о том, что освобождение Гомеля, бои на Гомельском направлении, Гомельско-Речицкая операция стоили Белорусскому фронту, партизанским соединениям немалых усилий, несколько ниже. Тогда же в Гомель возвращалось белорусское правительство.

«26 ноября 1943 года войска Красной Армии во взаимодействии с партизанами освободили Гомель. Это был первый освобожденный областной центр. К этому же времени по решению ЦК Компартии Белоруссии в Гомель была направлена правительственная комиссия, которую мне было поручено возглавить. В ее состав вошли заведующий военным отделом ЦК КП(б)Б Н.И. Прохоров и народные комиссары Е.Т. Гуценков и М.Д. Шаройко. Комиссии было поручено изыскать возможности и подготовить нужные помещения в Гомеле для временного размещения всех правительственных организаций до освобождения республики» (*Там же. С. 46*). Вместе с членами комиссии в Гомель выехали представители ведомств, ЦК комсомола республики, разнопрофильные специалисты, которым предстояло на месте оценить ситуацию по своим

отраслям, определить причиненный ущерб, подготовить предложения по восстановлению, на месте приступить к решению конкретных задач. В их числе был и Кирилл Трофимович Мазуров, в будущем первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, а тогда официальный представитель Центрального штаба партизанского движения в Белоруссии, тоже отозванный в Москву с оккупированной территории, секретарь ЦК комсомола республики. Перед ним стояли задачи по организации молодежи на восстановление народного хозяйства республики.

К должности Грековой как Председателя Верховного Совета БССР прибавилась еще одна и очень ответственная — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров республики. Надежда Григорьевна была утверждена в ней перед самым отъездом в Гомель и исполняла эти обязанности в течение трех лет, до марта 1947 года, фактически в самое сложное для республики время, в начальный период ее восстановления, когда все делалось по горячим следам, когда первой приходилось входить в сожженный город, в оставленный фашистами концлагерь, оперативно решать первоочередные задачи, представляя в одном лице и законодательную, и исполнительную власть.

Пока Грекова, наделенная широкими полномочиями, и внушительный десант специалистов направлялись в Гомель, в штабе Белорусского фронта раздался телефонный звонок из Ставки Верховного Главнокомандующего. Звонил лично Сталин. Разговор с командующим фронтом Константином Рокоссовским касался оказания помощи белорусской правительственной делегации во главе с товарищем Грековой в подготовке сессии Верховного Совета БССР. В конце Иосиф Виссарионович как бы невзначай добавил: «Грекова не замужем, а у тебя начальник штаба Калинин вдовец» и положил трубку.

С первым поручением все было вроде бы понятно. Военные окажут всяческую помощь в организации и проведении сессии. А вот как быть с выполнением другого, причем такого неожиданного, но не менее важного задания. Хотя и прозвучали слова Сталина как бы между делом, но любое замечание Верховного Главнокомандующего воспринималось как приказ. Посовещавшись с Константином Телегиным, членом Военного совета фронта, с которым разработана и осуществлена не одна военная операция, решили и здесь не нарушать традицию: определились с тактикой. Для начала Михаил Калинин соответствующим приказом был назначен ответственным за оказание помощи белорусской правительственной делегации по подготовке сессии. Дальше решили действовать согласно складывающимся обстоятельствам, дело было очень уж деликатным. Да и какая она, эта товарищ Грекова? Кто его знает?

Радость возвращения в родную Беларусь для правительственной делегации сменилась непередаваемыми чувствами. Холодный ужас охватывал от увиденного, от осознания того, что пришлось пережить оставшимся в городе людям, масштаб трагедии был несопоставим ни с чем. «За более чем два года оккупации немецко-фашистские изверги практически уничтожили Гомель, превратили его в развалины и пепелища. Были разрушены и сожжены здания всех промышленных и коммунально-бытовых предприятий, полностью уничтожена сеть здравоохранения, торговли, все школы, разграблены и разрушены все исторические памятники, практически полностью уничтожен жилой фонд, в городе не было водоснабжения. Когда мы приехали, улицы города были безлюдными и безжизненными. Всюду встречались таблички с надписями «заминировано», «мины», «опасно», а кругом завалы, руины» (О времени

и о себе. С. 46). От того довоенного Гомеля, который сохранялся в памяти и который славился «своими парками и зелеными насаждениями, полноводной красавицей рекой Сож, крупнейшими промышленными предприятиями союзного значения — заводом сельскохозяйственного машиностроения, стеклзаводом, станкостроительным, комбинатом «Спартак», фанерно-спичечным и другими, практически ничего не осталось» (Там же). Это было первое и очень эмоциональное восприятие увиденного.

Официальная статистика потерь тоже страшная. Данные о них отражены в Записке Пономаренко на имя Сталина «О положении в освобожденных от немецких захватчиков районах Белорусской ССР» о причиненном ущербе, подготовленной оперативно, в течение месяца. В ней констатировалось: «Из 94 сельских районов восточных областей Белоруссии на 10 января 1944 года полностью освобождено 30 районов и частично освобождено 14 районов. В городе Гомеле до войны насчитывалось 147.000 человек, в настоящее время проживает 14.700 человек. ...По предварительным данным, немецкие захватчики в освобожденных районах расстреляли, повесили и другим путем умертвили более 125.000 человек основного населения, не считая военнопленных и злодейски замученных в лагерях». Это о людских потерях. Что касается оставшегося населения, то оно «находится в очень тяжелом положении, испытывает острый недостаток в одежде, обуви, мыле, особенно это относится к детям. Во многих местах освобожденных районов возникли очаги сыпного тифа». Фашисты оставили после себя выжженную землю. «В районах сохранилось 10 процентов поголовья скота и довоенного уровня, ликвидирована промышленность. Из освобожденных территорий разбито 507 км путей, 980 стрелочных переводов, 10 станций» (НАРБ, ф. 4п. Оп. 29. Д. 27. Л. 23—27). Это лишь некоторые выдержки из записки, это то, с чем пришлось столкнуться возвратившемуся в Гомель правительству, то, с чего начиналась работа Надежды Григорьевны на освобожденной белорусской земле.

Опыт работы в Казани, а именно: как в максимально сжатые сроки провести восстановительные работы, обеспечить жизнедеятельность города, оказался неоценимым. Прибывшие в Гомель специалисты, члены официальной делегации сразу включились в работу. И касалась она далеко не только подбора сохранившихся помещений для переезда в Гомель белорусского правительства. О том, какие задачи предстояло решать, красноречиво свидетельствуют документы Государственного архива Гомельской области (фонд 1474, опись 2, дела 3—5). Здесь данные и о потерях, и о том, как начинался путь к возрождению жизни практически разрушенного города. На фоне главной работы — разбора завалов, которая была на особом контроле, так как отсутствовали любые стройматериалы и каждый целый кирпич, доска, а если повезет, сохранившаяся коробка здания — все на вес золота, решение элементарных, казалось бы, второстепенных вопросов. Ложки, вилки, табуретки, спички, хоть какая-то одежда для детей, которые не могли не то что школу посещать, но и выйти без нее на улицу... По значимости эти бытовые проблемы становились равноценными решению вопросов о восстановлении крупных предприятий, жилого фонда, водоснабжения.

А этот вопрос перед комиссией стоял в числе главных. Немцы взорвали 11 насосных станций из 13, имеющих в довоенном Гомеле, в городе практически не было воды. И это грозило эпидемией, а о том, что такое могло случиться, говорили цифры больных, поступающих в развернутые инфекционные

пункты, в медучреждения, которые тоже спешно восстанавливали. Организация, темпы ремонта старых и прокладка новых водопроводных сетей в городе, а нужно было восстановить почти 90 километров, впечатляют. И это при том, что делалось все из ничего. В материалах научно-практической конференции «Гомельщина в Великой Отечественной войне», которая состоялась на базе Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины в 2005 году, приводится такой пример: «Рабочие водоканала отыскивали старые и обгоревшие части оборудования, вытаскивая их из-под завалов, и таким образом собрали 2 паровых котла, 2 паровых насоса, 2 центробежных насоса, сделав их полный капитальный ремонт. Были очищены шахты трех насосных станций» (*Гомельщина ў Вялікай Айчыннай вайне. Навукова-практычная канферэнцыя. 7—8 красавіка 2005 г. Гомель, 2005*). Первые водозаборные колонки заработали уже в начале 1944 года, к концу года восстановили 70 километров водопроводных сетей, или 80% от протяженности в довоенный период.

Быстрыми темпами восстанавливались медицинские учреждения, делалось все, чтобы предотвратить любую эпидемию: был установлен специальный санитарный режим в общежитиях, столовых, магазинах, на рынках, предприятиях, проведена обязательная вакцинация населения против таких страшных болезней как оспа, брюшной тиф, дизентерия, дифтерия, выявлялись больные малярией, в результате подворного обхода боролись с чесоткой. Война оставила страшное наследие не только разрушениями, но и страшными болезнями. Спустя месяцы Надежда Григорьевна будет в числе первых входить в освобожденный концлагерь «Озаричи» и сможет своими глазами увидеть последствия испытания на людях биологического оружия, когда их специально заражали этими опасными болезнями. А тогда, даже в Гомеле, реально было видно, чем они грозят человечеству, ведь уничтожение огромного количества людей путем эпидемий куда более экономично, чем применение дорогостоящего оружия.

А еще продукты питания, топливо, целый комплекс мер по обслуживанию инвалидов и ветеранов войны, которые сразу брались на учет, архиважный вопрос восстановления хотя бы одной бани в городе (ее планировали открыть на 150 человек), производство ширпотреба. Последнего не хватало катастрофически, люди нуждались в элементарном — кружки, столы, перчатки, а нитки и иголки были просто на вес золота. В связи с такой ситуацией предприятия обязали при восстановлении производств создавать цеха по выпуску ширпотреба. Приоритет трикотажным, сапожным, галантерейным артелям. Но самым страшным дефицитом были строительные материалы. Они просто отсутствовали. Все работы по их использованию — на особом контроле. Сегодня странно читать выдержки из докладных по этому поводу: «Некоторые крупные предприятия позволяют себе нарушать порядок в отношении незаконного использования строительных материалов от разборки зданий, самовольно, без разрешения разбирают коробки, расчищают кирпич и металл. Так, рабочие завода им. Кирова разобрали много коробок, фундаментов и цоколей по улицам Коммунаров, Кирова, Жарковского, Интернациональной и др. Такое безответственное отношение к интересам города кроме бессмысленного безобразного разрушения приносит огромный материальный ущерб государственному бюджету» (*ГАГО. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 3—5. Л. 42—43*).

Восстановление школ, учебных заведений, а до войны в Гомеле было 3 высших учебных заведения, 10 средних специальных, 38 школ, в которых об-

учалось 30 800 детей. В период немецкой оккупации оставалось только 4 начальные школы и 11 неполных средних школ, в которых обучалось 2 900 детей и работало 150 учителей. Это к вопросу о том, как немцы способствовали развитию национальной культуры и образования, в чем пытаются убедить некоторые исследователи, обеляя коллаборационизм. Уже в течение 1944/1945 учебного года начали работу 2 высших и 8 средних специальных учебных заведений, 6 вечерних школ, особое внимание — общеобразовательным школам. Интересный факт: за этот период было восстановлено 9 школ, из них 3 были русскими, 6 — белорусскими, и это в традиционно русскоязычном регионе, вошедшем в состав БССР в 1926 году. (ГАГО. Ф. 1474. Оп. 2. Д. 3—5. Л. 77). И это к вопросу о том, что в БССР все белорусское было не в приоритете.

Не забыли об уникальном гомельском парке — гордости города и республики. Было принято решение не только благоустроить территорию, восстановить его прежний ландшафт — дорожки, аллеи, разбить клумбы, но и высадить 800 декоративных растений, а в самом городе 4 тысячи деревьев.

Это только небольшой перечень вопросов, которые нашли свое решение сразу же после освобождения Гомеля в ноябре-декабре 1943 года. Причем все работы осуществлялись в далеко не спокойной обстановке. В личном архиве сохранились наброски, вернее, план воспоминаний о первых днях, месяцах работы на территории освобожденной Республики. Их Надежда Григорьевна начала писать по просьбе директора Национального архива Республики Беларусь Вячеслава Селезнева. Планируемый раздел — «1943 г. Гомель». В нем пусть и краткая, но екая информация о ситуации, которую планировалось осветить: «Бандиты. Работа с руководителями, слежка за начальниками. Сидят в стогах с оружием, знают номера машин с продовольствием, охрана первого эшелона, продвижение первого эшелона (имеется в виду прибывший в Гомель эшелон с оборудованием для освобожденных районов. — *Примеч. авт.*). Первый митинг в Гомеле». Даже из кратких набросков видно, в каких условиях начиналось восстановление республики.

Вскоре «по поручению ЦК КП(б)Б в Гомель приехал секретарь ЦК компартии Белоруссии Г.Б. Эйдинов, обладающий большими организаторскими способностями. Он вместе с нами в течение нескольких дней осмотрел все сколько-нибудь сохранившиеся здания, которые представлялось возможным восстановить и приспособить под рабочие помещения. Был составлен план восстановительных работ по городу, по подготовке размещения правительственных учреждений республики, области и прибывающих работников» (*О времени и о себе. С. 47*). Наконец, можно было немного вздохнуть. Эйдинов — первый заместитель начальника Белорусского штаба партизанского движения, еще недавно курировал авиационную промышленность, а теперь ему было поручено восстановление в целом промышленности на освобожденных территориях.

Его приезд позволил Надежде Григорьевне передать ему часть полномочий, а самой сосредоточиться на выполнении других важных поручений — начать подготовку к проведению сессии Верховного Совета БССР. Она была назначена на март 1944 года, но до этого предстояло подготовить еще торжественное собрание, посвященное 25-летию образования Белорусской ССР, которое должно состояться 1 января 1944 года. С организацией этих мероприятий тоже было все непросто. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранился материал о подготовке, вернее, согласовании вопросов об их проведении. Предложения, проект специального постановления ЦК КП(б)Б по этому поводу были

направлены на рассмотрение Политбюро. Документам присвоен гриф «Сов. секретно», на них особая пометка — «На голосование». Это свидетельствовало, что у членов Политбюро возникали сомнения. И они были небезосновательными. Кругом еще идут активные боевые действия, не сорвется ли само мероприятие, не нанесет ли это политический, идеологический урон. Постановление «О проведении 25-й годовщины Белорусской Советской Социалистической Республики» все же было принято. Под ним подпись лично Сталина, что говорит об особой значимости политических мероприятий на освобожденных территориях. В Постановлении говорилось: «1. Принять предложение Центрального комитета КП (б) Белоруссии о проведении 1 января 1944 г. 25-й годовщины Белорусской Советской Социалистической Республики. 2. Разрешить провести 1 января 1944 г. в г. Гомеле торжественное собрание ... На торжественном собрании заслушать доклад тов. Пономаренко» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 27. Л. 2—5). В соответствии с этим постановлением началась сложнейшая подготовка к торжественному собранию, а затем и первой сессии Верховного Совета.

О том, что пора заниматься организацией этих ответственных мероприятий, напоминали звонки и от руководства штаба Белорусского фронта. Лично товарищ Сталин поручил военным оказать белорусской правительственной делегации всяческое содействие в их проведении, в первую очередь, сессии Верховного Совета, а товарищ Грекова с ними все никак не могла встретиться. Такое внимание с их стороны было, несомненно, приятным — у военных столько своих проблем, связанных с подготовкой масштабного наступления, а они беспокоятся о вполне мирных делах.

Вопросов действительно было много, в первую очередь с обеспечением безопасности работы сессии, с прибытием делегатов. Еще идет война, а большинство на фронте, кто-то в партизанах, кому-то необходимо проделать долгий путь из советского тыла. По этому вопросу предстояла встреча с начальником штаба фронта Михаилом Сергеевичем Калининным. Надежда Григорьевна готовилась тщательно — цифры, расчеты, проблемы, все предельно конкретно. Ей докладывали, что очень уже педантичный этот начальник штаба, все взвешивает, анализирует, прежде чем принять решение, сам ходит на передовую, лично оценивает ситуацию, в штабе особо не сидит, как это принято у высокого начальства. Сам же Калинин никак не мог взять в толк, с чего бы это его назначили ответственным по оказанию помощи в подготовке и проведении сессии Верховного Совета БССР, когда для этого существует целый политотдел фронта. Иными словами, откомандировывали в помощники некой Грековой, пусть и очень уважаемому человеку. А как же фронт, наступательная операция? Но приказ нужно было выполнять.

ЛЮБОВЬ НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ...

Их встреча состоялась в конце 1943 года. По рассказам внучки Надежды Григорьевны, тоже Надежды, названной так в честь именитой бабушки, «она произвела на дедушку ураганное впечатление». Вместо строгой партийной дамы, облеченной высокой властью, весь облик которой должен был подчеркивать собственную значимость и соответствие должности, он увидел красивую, энергичную, эффектную молодую женщину, с обаятельной улыбкой и горящи-

ми глазами. Грековой на тот момент 33 года, всего-то ничего, самый красивый возраст. Калинин на 10 лет старше, ну чем не повод для начала красивого романа, каких на войне случалось немало. Но Надежда Григорьевна сразу перевела разговор в деловое русло — первоочередные вопросы по организации сессии, проблемы, цифры...

О чем говорила тогда Грекова, вспоминалось уже с трудом, все мысли Малинина были заняты вовсе не сессией и разными оргвопросами. Его интересовал на тот момент, пожалуй, только один вопрос — как дать понять этой красивой женщине, что она ему не просто понравилась, а сразила наповал, как высказать свои чувства. С этим тоже были проблемы, суровые реалии войны заставили напрочь забыть о том, что в мире существуют какие-то теплые человеческие отношения, просто существует любовь. И вот появляется женщина, которая так тронула его сердце. Но при всей своей открытости, обаятельности, она говорит о таких серьезных делах: о сессии, которую надо провести достойно, так как она первая на освобожденной территории, об организационных моментах. Как же высказать ей все, что у него на душе.

Но как пройдет первая встреча начальника штаба с Председателем Верховного Совета республики больше всего волновало руководство фронта, очень уж все было неопределенно. Наконец Рокоссовскому доложили, что Калинин заинтересовался вопросом проведения сессии, дает распоряжения, чтобы все было организовано на самом высоком уровне. Доложили и о другом — каково-то личное интереса Грекова и Малинина не провалил.

Поначалу Михаил Калинин действительно не произвел на Надежду Григорьевну особого впечатления. По словам ее внучки Надежды, «первое, что ей бросилось в глаза, так это какие-то несчазные пуговицы, бабушка ведь хорошо шила, он показался ей каким-то неухоженным. Вроде реально красивый мужчина, но без женской ласки что-то... Но тогда на какие-то личные впечатления не особо обращалось внимание, главной задачей являлась подготовка к сессии. Местом ее проведения выбрали клуб спичечной фабрики «Везувий» в Новобелице. Штаб фронта помогал активно. Были проведены работы по разминированию клуба, его ремонту, организации рабочих помещений, но проблемы все равно оставались.

У Михаила Малинина появлялось все больше и больше вопросов, которые необходимо было согласовать именно с Председателем Верховного Совета лично, их встречи стали происходить все чаще и чаще. Проблемы действительно были серьезными, особенно по организации безопасных коридоров для выхода группы депутатов из оккупированных зон, развертывании систем связи с центром во время работы сессии, ведь в любой момент мог позвонить товарищ Сталин, внести коррективы в обсуждение, принятие решений, как это случалось не раз в мирный период, а еще питание, размещение делегатов и гостей.

ОТ ВОЛОКОЛАМСКА ДО БЕЛОРУССКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

О Михаиле Малинине, кажется, сказано и написано немало, и не только выдающимися военачальниками, среди которых Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, Н.И. Телегин... Написано и сказано и его коллегами — начальниками штабов разных фронтов В.Д. Соколовским, М.В. Захаровым, Г.К. Маландиным, просто теми, кто служил под его началом, лично его знал, дружил или сохранял с ним добрые отношения. И все воспоминания сходятся в одном, их можно выразить словами Рокоссовского: «Умница. С первых дней показал себя опытным и энергичным организатором. Мы с ним сработались, а по-фронтовому сдружились» (К.К. Рокоссовский. *Солдатский долг. На белорусской земле. М., 1988*).

Кто-то может возразить. Ведь он проходил дорогами войны бок о бок с такими выдающимися полководцами, что все планируемые боевые операции уже должны были быть обречены на успех. По этому поводу о Малинине как о яркой личности советской военной истории сказал уже в наши дни генерал-полковник В.М. Барынькин, доктор военных наук, профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации: «На первый взгляд может показаться, что судьба была очень благосклонна к Михаилу Сергеевичу, ибо он всю войну прошел рядом с такими выдающимися полководцами, как Рокоссовский и Жуков, что в значительной степени помогло ему раскрыть свой талант. Но очевидно и другое: не имея сильной опоры в лице начальника штаба, возглавлявшего штаб фронта, этот «мозг», по образному выражению Б.М. Шапошникова, вряд ли столь восторженно и многогранно раскрыл бы талант и Рокоссовского, и Жукова» (Малинин Михаил Сергеевич. *Материалы научно-практической конференции. ВАГШВСРФ. М., 2000. С. 5*).

Таланту Малинина как стратега принадлежит немало операций периода Великой Отечественной войны, которую он встретил под Витебском в должности начальника штаба 7-го механизированного корпуса. Уже тогда, в условиях неразберихи первых дней ему удалось вывести из окружения с наименьшими потерями значительное количество личного состава. Вот как сам Михаил Сергеевич вспоминает о первых трагических днях войны: «С июня 1940 г. до августа 1941 г. — начальник штаба 7-го Московского механизированного корпуса. На второй день мобилизации — 23 июня 1941 г. я убыл в составе корпуса на фронт. 25.06.41 г. 7-й механизированный корпус сосредоточился в районе Витебска и получил задачу: «Прикрывать отходящие войска до последнего танка, до последнего человека». Выполняя эту задачу, корпус до августа 1941 г. вел тяжелые бои с 57-м и 39-м танковыми корпусами немцев, поддержанными крупной авиацией, в районах: 1-я Московская мотострелковая дивизия — Борисов, Орша; 14-я и 18-я танковые дивизии и корпусные части — Сенно, Витебск, М. Лиозно. Немецкие танковые корпуса поддерживались сильной авиацией, 7-й механизированный корпус авиации не имел, но задачу по прикрытию отходящих войск выполнял активно. В этой обстановке 7-й мехкорпус с 25.06.41 и до августа 1941 года вел непрерывные тяжелые бои. В одном из боев при бомбежке авиацией противника наших частей на переправах я был легко ранен осколком бомбы в затылок и шею, но из строя не выходил» (Из автобиографии М.С. Малинина. 1947 г.).

Дочь Малинина от первого брака впоследствии написала об этом периоде: «Вспоминая о ранении, отец рассказывал, что военврач, накладывавший повязку, упорно настаивал на госпитализации. Поняв, что врача ему не переубедить, он, зайдя в помещение штаба и взяв там свою гармошку, уселся на бугорок и растянул меха. Врач, поняв бесполезность уговоров, махнул рукой и удалился под звуки гармошки. Сейчас эта гармошка — один из экспонатов государственного мемориального Дома-музея М.С. Малинина в Антроповском районе Костромской области» (*Из воспоминаний Е.М. Малининой. С. 4.*)

Затем были 16-я армия и битва под Москвой, Брянский фронт, Донской фронт и битва за Сталинград, Центральный фронт и Курская дуга, 1-й Белорусский фронт и освобождение республики, Варшавско-Познанская операция в рамках Висло-Одерской стратегической наступательной операции. Без преувеличения можно сказать, что Малинин как начальник штаба пяти фронтов принимал участие в разработке и успешном осуществлении практически всех основных сражений Великой Отечественной войны. Но среди них, не умаляя значимости каждой из операций, хотелось бы выделить, пожалуй, две ключевые, сыгравшие не только определяющую роль в разгроме фашистов, но и в личном плане, — это бои на волоколамском направлении и Белорусскую стратегическую наступательную операцию «Багратион».

Именно с 16-й армии начинался удивительный тандем двух талантливых военачальников «Рокоссовский—Малинин» летом 1941 года, когда в районе Смоленска складывалась драматичная ситуация. Наиболее мощная группа армий «Центр» стремительно продвигалась по направлению Минск—Ярцево—Москва.

Ставкой Верховного Главнокомандования и командованием Западного фронта была поставлена задача остановить противника. 17 июля с этой целью создана группа под командованием генерала Константина Рокоссовского. Вскоре штаб группы возглавил Михаил Малинин. Перед ним стояла не менее сложная задача — наладить устойчивое управление войсками в условиях непрерывных боев, отступления по ряду направлений, объединить, скоординировать их действия, в том числе и курсантов, и ополченцев, далеких от таких понятий, как военная стратегия и тактика. Он прибыл в Ярцево в августе 1941 года. О первых впечатлениях от этой встречи с ним и с другими откомандированными в его распоряжение Константин Рокоссовский сам вспоминал впоследствии так: «Под Ярцево я с радостным чувством увидел, что складывается у нас интересный, весьма работоспособный коллектив руководителей. Нашим центральным рабочим местом была, как мы называли, штаб-квартира. Здесь я присутствовал при докладах, которые делали Малинину начальники разведки, оперативного отдела, связи. В то же время и Малинин слушал, когда мне докладывали руководители родов войск. В штаб-квартире обдумывались решения, составлялись приказы и распоряжения. Начальник штаба — педантичный, спокойный, уверенный в себе и в своих подчиненных. Можно было не сомневаться, что он сумеет обеспечить выполнение приказа. Была у М.С. Малинина еще одна черта, может быть, необычная для руководителя крупного штаба, — потребность своими глазами прощупать местность предстоящих боев. Должно быть, это было у него способом самоконтроля. Он довольно часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это тоже повышало авторитет нашего штаба» (*К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. На белорусской земле. М., 1988*). Благодаря в том числе и работоспособному, слаженному коллективу удалось

выполнить, казалось бы, невыполнимое. Группа смогла к 28 июля не только остановить противника, но и нанести контрудар, в результате которого был осуществлен прорыв кольца противника и создан коридор шириной 10 километров. Через него были выведены части 16-й и 20-й армий, сражавшихся в окружении. В это сложно поверить, но все поставленные первоочередные задачи удалось решить всего за 10 дней.

После перегруппировки сил командующим 16-й армии назначается Рокоссовский, начальником штаба — Калинин. Теперь перед армией, как и перед другими армиями Западного фронта, стояла главная задача — не допустить противника к Москве. Ситуация — архисложная. 16 октября 1941 года пленные немцы на допросе показали, что «они собирались в этот день завтракать в Волоколамске, обедать в Истре, а ужинать в Москве», настолько стремительным было начатое наступление немцев на волоколамском направлении. Главный удар планировалось нанести на стыке 16-й и 5-й армий в районе села Большчево в полосе обороны 316-й стрелковой дивизии. В битве за столицу 16-й армии отводилась оборона одного из важнейших направлений — волоколамского.

Как удалось выполнить эту задачу в октябре—ноябре 1941 года — в уникальных рассекреченных документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Боевые приказы, боевые распоряжения, боевые донесения под грифом «Совершенно секретно», «Особой важности», «Только лично», «Секретно», машинопись, подлинники. Под ними неизменно три подписи: командующего 16-й армией генерал-лейтенанта Рокоссовского, начальника штаба армии генерал-майора Калинина и члена Военного совета армии дивизионного комиссара Лобачева. Первые приказы жесткие, особенно за №1. Он краткий и предельно понятный — отступить нельзя ни при каких обстоятельствах.

«Боевой приказ №1/ОП ШТАРМ 16 от 14.10.41 г. «О включении воинских частей в состав 16-й армии и об обороне рубежей»:

1. Согласно приказу войскам Западного фронта от 13.10.41 г. за № 0346 приказываю: в состав 16-й армии включить следующие войсковые части: а) 316 сд — штаб дивизии Ивановское; б) полк курсантов Верховного Совета — штаб Суворово; в) 302-й пульбат Волоколамского УРа.

2. Задача армии: всеми имеющимися силами и средствами оборонять рубеж: (иск.) Московское море, Спасс-Помазкино, Игнатково, Большчево. Разбить противника перед передним краем оборонительного рубежа, не допустив его проникновения к востоку.

3. Командирам частей принять самые строгие меры к трусам и паникерам, ни в коем случае без письменного моего приказа не оставлять переднего края и ни шагу назад. Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

4. Пункт 3 настоящего приказа объявить всему личному составу».

Под ним подписи — Рокоссовский, Калинин, Лобачев (ЦАМОФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 3).

Жестко, но каждый понимал, что означало сдать Москву. Читать документы с донесениями о ходе боевых действий, о том, какая там была мясорубка, страшно. Об октябрьских боях, которые приостановили стремительное наступление немцев, написано много, но не написано еще больше. Наверняка исследователи не раз будут возвращаться к тем страшным дням, открывая все новые

и новые страницы драмы и подвига начального периода войны. Это не только имена выдающихся командиров Панфилова, Доватора и других. Это блестящее планирование, четкая координация действий всех полков и дивизий, личный пример генералитета.

Александр Альфредович Бек так вспоминал об этом генералитете: «В моей записной книжке военного корреспондента сохранилась запись, сделанная вскоре после разгрома немцев под Москвой. В записи речь идет о К.К. Рокоссовском, который в то время командовал 16-й армией, сражавшейся на волоколамском направлении. К сожалению, в дальнейшем я уже не встречался с Константином Константиновичем и эти беглые страницы так и остались набросками, штрихами. Думается, однако, что они представят некоторый интерес для читателя.

«Мне привелось видеть Рокоссовского в войсковых частях и в штабе армии в разные моменты битвы под Москвой. Чаще всего он молчит. Помню уцелевший дом в сожженном немцами подмосковном городке. Рокоссовский приехал туда на следующее утро после того, как наступающая армия взяла этот населенный пункт. Рокоссовский сидел на голой дощатой кровати, удобно привалившись к углу, в меховой ушанке, в меховых сапогах, в неизменном кожаном пальто без знаков различия. В домике обосновался штаб артиллерийского полка. С командирами разговаривал генерал Казаков, начальник артиллерии армии, очень добрый и очень требовательный человек. А Рокоссовский молча курил и слушал.

Пришли партизаны — семнадцатилетние и девятнадцатилетние юноши с сияющими глазами, раскрасневшиеся, в распахнутых пальто и полушубках: в тот день для них был беззаветен тридцатипятиградусный мороз. Улыбаясь и шутя, их расспрашивал член Военного совета армии грузинский и веселый Лобачев. А Рокоссовский по-прежнему молчал, время от времени доставая очередную папиросу из походной папиросницы, висевшей на ремне рядом с полевой сумкой и планшетом.

Входили и выходили командиры; многие узнавали командующего армией, спрашивали: «Разрешите обратиться? Разрешите идти?» Рокоссовский молча кивал.

За два часа он не произнес ни слова. Я изумлялся, искоса поглядывая на него. Вероятно, он устал или расстроен? Нет, голубые глаза были ясными, живыми и с интересом присматривались к каждому новому лицу. И может быть, видел, слышал, замечал больше, чем кто-либо из присутствующих. Но молчал. Его удобная поза, неторопливые движения, спокойный взгляд как бы свидетельствовали: тут все идет так, как этому следует идти. Потом он поднялся и сказал: «Пошли, пожалуй. До свиданья, товарищи. Не будем вам мешать».

И еще один эпизод из воспоминаний Александра Бека, уже о Малинине, вернее, о совместной работе командующего и начальника штаба. «Другой раз мне пришлось наблюдать, как Рокоссовский работает у себя на командном пункте. Штаб армии только что прибыл в небольшое селение. Оперативный отдел разместился в промерзшей насквозь школе, штабные командиры работали за партами. Дымила и еще не согревала комнату давно не топленная большая печь. Предстояла разработка новой операции и составление боевого приказа войскам. Вошел начальник штаба генерал Малинин, властный и умный человек. Большого стола не оказалось; на сдвинутые парты положили классную доску, на ней расстелили карту, склеенную из многих листов. Там уже было за-

фиксировано расположение сил — наших и противника, — как оно сложилось к этому моменту.

Несколько минут спустя появился Рокоссовский вместе с Казаковым. Все пошли к карте. Немного пошутили относительно соседа, который по приказу передал армии Рокоссовского часть своего участка.

— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко, — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень все разбросано, — произнес Малинин, — противник может уйти, если нажмет.

— Конечно, надо собрать силенки и разделяться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

Таков приблизительно был разговор между командующим и начальником штаба. Затем заработал штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о численности и вооружении каждой части; он записывал, подсчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и измерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана; ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара. Все это делалось основательно, без суеты, без спешки. И вот час, другой, третий. Малинин с работниками штаба все еще готовил боевой приказ. Рокоссовский — высокий, легкий, не наживший, несмотря на свои 45 лет, ни брюшка, ни сутуловатости, — ходил и ходил по комнате, иногда присаживаясь на крышку парты. Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведке поточнее. Чтобы никто не сунулся напропалую.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темнеть; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну. Рокоссовский прилег на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до полу, и слегка покачивались. И опять — его вольная удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут все идет так, как этому следует идти. Малинин отлично ведет дело и ни во что не надо вмешиваться».

Но так было не всегда. Это в Малинине Рокоссовский был уверен. Но Александр Бек стал свидетелем того, что командующий может быть другим, и даже разгневанным.

«Бывая на передовой линии, в батальонах, Константин Константинович не любил, чтобы за ним ходила свита, предпочитал, чтобы командир дивизии, командир полка его не сопровождали. Так было и в тот день. С передовой Рокоссовский пришел в штаб полка. Командир полка отрапортовал и стал докладывать обстановку, указывая на карте географические пункты. Рокоссовский молча слушал, но лицо его мрачнело.

— Где тут у вас окопы? — перебил он.

Командир показал.

И вдруг, не сдержавшись, Рокоссовский крикнул:

— Врете! Командующий армией был на месте, а командир полка там не был! Стыдно! — и, круто повернувшись, вышел.

Здесь все характерно для Рокоссовского. Он постоянно — в отдельные периоды ежедневно — выезжает с командного пункта в части, ходит, наблюдает, мало говорит, много слушает и присматривается, присматривается к людям. Механизм управления армией функционирует в это время без него. Отсюда, с боевых участков, Рокоссовскому многое виднее, в том числе и качество работы собственного штаба. К подчиненным, от мала до велика, и к самому себе он прежде всего предъявляет одно требование: говорить правду, как ни трудно иной раз ее сказать. Вранья не терпит, не прощает».

Поистине бесценные свидетельства оставил нам Александр Бек. Простые, доступные, не оторванные от реальности генералы, неприхотливые в личном плане и не требующие к себе особого отношения, но требующие от подчиненных абсолютного знания обстановки, выверенных решений и беспрекословного выполнения приказа, чему сами являлись примером.

Михаил Малинин никогда не был штабистом в классическом понимании этого слова, его работа выходила за рамки штабной. Он часто сам ходил на передовую, особенно на наиболее сложные участки, и вовсе не для того, чтобы устроить разнос, как любят теперь показывать в современных фильмах о войне: если генерал, то неким глумясь, а вот рядовой знает все. Это была практическая помощь, и, как подчеркивал генерал-полковник В. М. Барынькин, «для оказания помощи воевкам, и всегда с присущими ему энергией и твердостью добивался стабилизации положения. Когда противнику удалось прорвать оборону 18-й стрелковой дивизии и с ней прервалась связь, то с разрешения командующего армией Малинин направился в это соединение. Он знал, что оно молодо, не имеет боевого опыта. Созданное из ополченцев Ленинградского района Москвы, оно к тому же было недостаточно вооружено. Малинин на месте разобрался в обстановке, выдвинул на этот участок фронта истребительно-противотанковый дивизион и пулеметный батальон, которые закрыли образовавшуюся брешь. Неоднократно он бывал в 316-й и 78-й стрелковых дивизиях, которыми командовали опытные, волевые командиры — И. В. Панфилов и А. П. Белобородов» (Малинин Михаил Сергеевич. *Материалы научно-практической конференции. ВАГШВСРФ. М., 2000. С. 6*).

Немцев остановили, изрядно измотав их силы, но Волоколамск пришлось сдать. Цена вопроса — в ходе ожесточенных двухнедельных боев 16-я армия смогла сдержать продвижение гитлеровцев на Москву, но понесла большие потери. Только в одной 316-й стрелковой дивизии они составили в среднем 60%. А противостояли очень сильному противнику, с превосходящими силами. В составе 13 немецких дивизий находились 6 танковых, 2 моторизованных и 5 пехотных, что составляло 26% всех дивизий, нацеленных на Москву. Для нанесения удара вдоль Волоколамского шоссе враг направил 6 дивизий — 3 танковых, 2 пехотных и 1 моторизованную. Силы 16-й армии — 4 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 3 отдельные танковые бригады и 1 танковая дивизия, курсантский полк. Соединения армии были плохо укомплектованы. Например, 4-я танковая бригада насчитывала 15 танков — 2 тяжелых, 7 средних и 6 легких. В целом же 16-я армия уступала по людям в 1,7 раза, по артил-

лерии — в 1,6 раза, по танкам — почти в 2,6 раза (Л.А. Шумова, В.В. Широков. *Волоколамский рубеж. М., 2018. С. 118*).

Но события разворачивались в духе времени: незамедлительно Рокоссовскому была вручена телеграмма за подписью лично Сталина: «Вы не справились с полученной задачей и, видимо, не поняли и не осознали приказа тов. Сталина и при наличии мощной артиллерии пропускаете противника на восток». В штаб 16-й армии прибыла и специальная комиссия Западного фронта, началось расследование. Опрашивали всех. Для дачи показаний был вызван и комдив Панфилов. Из его объяснительной: «Я твердо убежден, что сдача Волоколамска — это не утрата стойкости у бойцов, люди стояли насмерть». Ситуацию спас командующий Западным фронтом Георгий Жуков. В своем донесении он обосновал правильность действий руководства армии и лично ее командарма, фактически спас верхушку 16-й армии от репрессий за невыполнение приказа Главнокомандующего (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1629). Долгие годы принято считать, что приказы «стоять насмерть», «ни шагу назад» касались рядового состава. В первую очередь они касались высшего военного руководства. Реванш удалось взять в ноябре. Какая работа была проведена по подготовке этого реванша, какова его цена, видно из документов. Все четко, предельно конкретно, сроки оптимальные.

«Боевое донесение №2 ШТАРМ 16 от 31.10.41 г. Начальнику штаба Западного фронта «О произведенных работах частей армии за 31.10 — 01.11.41 г.». Во исполнение Директивы Военного совета Западному фронту №0428 частями армий за 31.10 — 01.11.41 г. произведены следующие работы:

На участке курсантского полка а) закончены рытье и маскировка окопов для стрельбы стоя, отрыты щели, устроены блиндажи и землянки; б) забаррикадированы улицы Утишево — 250 кв. м; в) подготовлен материал для баррикад...; д) установлено минное поле в 700 м от Теряевой Слободы, все мосты на этом участке подготовлены к взрыву...»

Всего 4 пункта, где и о заминированных дорогах и подходах к западному берегу р. Большая Сестра, и о заминированных всех мостах по шоссе от Волоколамска до Ново-Петровска, о подготовке к быстрому минированию дорожного полотна Волоколамского шоссе и о других выполненных работах (ЦАМОРФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 61. Л. 23).

«Боевое донесение №2 ШТАРМ 16 к 9.00 04.11.41 г. Начальнику штаба Западного фронта «Об укреплении полосы обороны к исходу 03.11.41 г.»:

В течение 03.11.41 части армии, продолжая укрепление полосы обороны, к исходу 03.11.41 выполнили: 1. Курсантский полк: забаррикадированы деревни Харланиха 1-я и 2-я, Ремягино, Буйгород, Поповкино; устроены завалы в лесу по дороге южнее Харланихи-2; минированы места объездов разрушенных участков дорог и мостов». И далее о разрушенном полотне шоссе восточнее Возмища, минировании дорог, устройстве 40 стрелковых окопов; завалах в лесу и оплетке опушки леса колючей проволокой на восточном и южном скатах высоты 276,2 и северной опушки рощи южнее с. Покровское. Все предельно детализировано, вплоть до заготовки 200 штук колец для проволочных заграждений (ЦАМОРФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 61. Л. 25).

И такие донесения каждый день утром, вечером, с педантичным описанием выполненных работ вплоть до того момента, когда удалось остановить противника, уже рвавшего к Вязьме. Под ними неизменная подпись: «Начальник

штаба 16-й армии генерал-майор Малинин, начальник оперативного отдела подполковник Жидков, военный комиссар штаба полковой комиссар Седенков».

Уникальный документ — «Донесение Командующему Западным фронтом (Соображения по разгрому Волоколамской группы противника) лично от командующего 16-й армией генерал-лейтенанта Рокоссовского» от 12 ноября 1941 г.: «Учитывая группировку противника и характер местности, главный удар нанести из района Теряева Слобода (в общем направлении на Суворово) и дальше на юг с обходом конницей Волоколамска с запада и юго-запада. Частями курсантского полка и 316 сд сковать противника по всему фронту, обеспечивая действия ударной группы». Всего 10 пунктов, согласно которым была проведена уникальная операция на Волоколамском направлении, которая разрабатывалась на основе предложений и анализа ситуации начальника штаба армии Михаила Малинина, начальников штабов дивизий, оперативных донесений разведки (*ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 58. Л. 14—15*). План Ставкой был утвержден практически без замечаний.

Правда, отчет «Краткое описание Волоколамской операции» (14 октября — 16 ноября 1941 года) в центр направлял уже начальник 1-го отделения оперативного отдела 16-й армии майор Соколов. На трех листах машинописного текста по часам, минутам расписано, как все происходило. И в заключение, главное: «в Волоколамской операции части 16-й армии выполнили поставленную перед нами задачу. Сравнительно небольшими силами было остановлено мощное наступление превосходящих сил противника (14.10 — 01.11.41), нанесли ему серьезные потери, не только предотвратили наступление противника во фланг и тыл армии со стороны Смирманово, но и сами, перейдя в наступление, отбросили его с высокого рубежа. В ходе всех боев враг понял, что ему в полосе 16-й армии к Москве не пройти и он должен искать иных путей. Месяц боев на волоколамском рубеже позволил подтянуть к Москве нужные резервы для окончательного разгрома врага» (*ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 54. Л. 1—3*). О недавнем расследовании особыты уже не вспоминали. Все в духе времени.

И снова уникальные воспоминания Александра Бека: «Первый международный, как теперь говорят, репортаж с поля боя в прямом эфире состоялся в ходе наступления 16-й армии в январе 1942 года на Сухиничи. Его провела английская радиостанция «Говорит Западный фронт». Англичане сообщили, что в Лондоне «тысячные толпы у репродукторов замерли, и были слышны только далекий орудийный гул, мощное русское «ура», беспорядочная стрельба еще уцелевших вражеских огневых точек». Слова диктора «противник обращен в бегство» были встречены овацией и криками «Да здравствует Россия!».

Какую жизнь мечтавшим об ужине в Москве фашистам устроила 16-я армия — в письмах немецких солдат и офицеров.

Из письма обер-ефрейтора Иозефа Шмидта, п.п. №07425В: «Россия, 14.10.1941 г. Очень тяжелые дни были в начале октября. Погиб также наш генерал. Моя рота состоит из пары человек; больше половины уже выбыло из строя. Теперь настали холода, какие бывают у нас только в январе, а тут только середина октября. По-моему, мы не выдержим зимы в России» (*ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 22. Л. 51*).

Из письма солдата Симона Баумера родным: «Мы находимся в 90 км от Москвы, и это стоило нам многих убитых. Русские оказывают еще очень сильное сопротивление, обороняя Москву. В этом походе многие жалели, что Россия —

не Польша и не Франция, и нет врага более сильного, чем русские. Если пройдет еще полгода — мы пропали» (ЦАМОРФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 162. Л. 402).

Из письма унтер-офицера Р. Фуша к родителям. 06.11.1941: «Я теперь совершенно одинок, так как от моего отделения никого более не осталось в живых» (ЦАМОРФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 65. Л. 49). И таких писем множество. И тут же в 32 фонде — «Памятка немецкому солдату», которую раздавали буквально каждому. Ее содержание не оставляет никаких иллюзий о благих намерениях немцев в этой войне. Ниже приведен фрагмент из этой памятки, чтобы развеять их у тех, кто пытается сегодня оправдать фашистов в их зверствах, мол, это был ответ на действия партизан или же что если бы встретили оккупантов, как в соседних странах, и жертв было бы меньше.

«Помни и выполняй:

1. ...Ты должен только действовать, ничего не бояться. Нет нервов, нет сердца, жалости, ты сделан из немецкого железа.

2. ...Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик.

3. Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

И еще несколько выдержек же из немецких приказов «ни шагу назад».

Телеграмма из штаба 4-й армии в штаб группы армий «Центр» 19.12.41 г. 00 часов 20 минут:

«Фюрер запретил отходить. Он потребовал, чтобы каждый командующий, командир и офицер личным примером побуждали солдат к фанатичному сопротивлению на своих позициях. Штаб 4-й армии 1а #284/41с» (ЦАМОРФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 565. Л. 160, 171).

Или же приказ командира немецкой 23-й пехотной дивизии от 19.12.41 г.: «Господа Командиры! Общая обстановка военных действий властно требует остановить быстрое отступление наших частей на рубеже р. Лама и занять дивизией с обеих сторон упорную оборону. Позиции на р. Лама должны защищаться до последнего человека. Под личную ответственность требую, чтобы этот приказ вождя и верховного главнокомандующего был выполнен с железной энергией и беспощадной решительностью» (ЦАМОРФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1459. Л. 47—48). А перед этим еще приказ в штаб группы армий «Центр» от 18.12.41 г. Время 13.27: «4) Численный состав частей продолжает сокращаться, за последние дни большие потери оружия и транспортных средств, которые иногда приходилось уничтожать из-за отсутствия горючего. Оснащенность оружием составляет в настоящее время 25—30. 5) Нет резервов для отражения прорвавшегося противника. 6) Поэтому нужно отдать приказ «держаться до последнего». Подпись: Хелпер. Принял: ротмистр Претцель» (ЦАМОРФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 565. Л. 159, 169).

А сколько в этих приказах на указанных страницах ярких эпитетов в адрес русских: «В официальных русских документах отчетливо проступает кровавая жестокость озверелого русского командования!», «Я обязан сообщить Вам факты, чтобы Вы точно знали, что можно ожидать от красных бестий», и все в духе такой же истерии. Для немецкого руководства люди были ничто. Читаешь эти документы и вспоминаешь, сколько же истерии было и у новоявленных демо-

кратов в конце 1980-х годов по поводу кровожадности советского руководства, когда они потрясали на митингах вдруг найденными заградительными приказами. Историческая наука тем и отличается от популизма, что все рассматривается в комплексе, в контексте событий. В советских документах, к большому сожалению, тоже практически ничего не говорится о заботе о человеческих жизнях, кроме организации госпиталей, медслужб. Много — о сохранности оружия, техники, экономии снарядов, использовании трофейного вооружения. Или страшный приказ командующего Западным фронтом Жукова открыть шлюзы на Истре в критический для Москвы момент безысходности и затопить подступы к ней, когда немцы практически готовы были войти в столицу. Но на пути была деревня. Сотнями жертвовали ради спасения миллионов. Это была война. И недаром существует выражение: «Чтобы научиться воевать, нужно воевать, чтобы научиться стрелять, нужно стрелять». Тогда учились воевать, как свидетельствуют данные о потерях в битве на Московском направлении, все еще числом.

И тут как нельзя кстати слова Рокоссовского о слаженной работе штаба в Волоколамской операции. В своих воспоминаниях он писал: «Офицеры штаба 16-й армии проявили себя в сложных и динамичных обстоятельствах с лучшей стороны. Я имею в виду прежде всего, начальника штаба М.С.Малинина. Педантичный, спокойный, выдержанный, уверенный в себе и в своих подчиненных. Можно было не сомневаться, что он сумеет обеспечить выполнение приказа» (К.К. Рокоссовский. *Солдатский долг. На белорусской земле. М., 1988*).

Надежда Григорьевна, находясь в этот период в Казани и участвуя в митингах по поводу победы советских войск под Москвой, вряд ли могла тогда предположить, что судьба сведет ее с людьми, благодаря которым была одержана эта победа, не могла и представить, какую роль сыграет эта встреча в ее личной жизни.

Тогда же мощнейшая группировка армий «Центр», которая сначала завязала на территории Беларуси в первые месяцы войны, когда вынуждена была вести бои с героически сопротивляющимися войсками Красной Армии, и лишь к холодам смогла выдвинуться к Московскому направлению, потерпела на этом направлении сокрушительное поражение. Общая численность солдат группы армий «Центр» в 1 миллион 455 тысяч 900 человек понесла значительные потери сначала в Беларуси, а затем в битвах за Москву.

Прав был Гитлер, экстренно прилетевший в белорусский город Борисов 4 августа 1941 года, когда требовал остановить наступление у Смоленска и развернуть основные силы на Кавказ, на Ленинград. Сопротивление на территории Беларуси показало, что взять Москву будет сложно, а скорее всего, невозможно. Но генералитет стоял на своем. Результат печальный. Элита немецкой армии: кавалеры Рыцарского креста Первой мировой войны генерал-фельдмаршал фон Бок и генерал-фельдмаршал фон Клюге, командующие 2-й танковой группой генерал-полковник Вильгельм Гудериан и 3-й танковой группой генерал-полковник Герман Гот... — почти вся эта старая гвардия была отправлена в отставку после поражения под Москвой.

Воспоминания
Н.Г.ГРЕКОВОЙ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Родилась в 1910 году в г.Минске. На Нижней Лиховке, ныне Белорусской улице. Наш домик, как и все другие, был деревянный, маленький, с небольшим участком земли, где был свой садик, огород и палисадник. У каждого хозяина было свое подсобное хозяйство – держали козу, поросенка, кур. Во дворе собаку. Не было ни электричества, ни воды в домах. Освещались керосиновыми лампами, коптилками, а то и лучинками. На всю улицу было две водоклонки, с которых ведрами носили питьевую воду. А в остальном выручала протекавшая внизу речка Свислочь. На берегу ее стирали, купались летом, а иногда по праздникам выехали семьями отдыхать на луг зеленца. Люди в основном там железнодорожники.

Мой отец, Григорий Николаевич Грек, более 40 лет прослужил на железной дороге. Мать, Анастасия Игнатьевна, веда домашнее хозяйство. Семья была большая. Старшая сестра Елена (ставшая медработником), брат Константин (полковник, умер после войны), третьей была я. Потом брат Василий (погиб в начале войны), после него сестра Тамара (врач), брат Ростислав (военный летчик – погиб), сестренка Раиса, умершая в раннем возрасте.

Содержать такую большую семью отцу было тяжело. С ранних лет все дети включались в трудовую жизнь. На летние школьные каникулы старшие занимались пасти скот, нянчить детей, чтобы заработать к зиме продукты на пропитание и средства на одежду.

Мое детство и юность, как и все другое, совсем не похоже на то, как сейчас живут. Не узнать сейчас и мою родную улицу. Старые деревянные домики снесены. Построены новые, благоустроенные, со всеми удобствами, даже 13-этажные здания. Улица асфаль-

АВТОБИОГРАФИЯ

Грекова Надежда Григорьевна

Фамилия, имя и отчество

6

- Родилась в 1902 г. в семье рабочего землекопа. Отца до революции и после, около 40 лет работал на швей. fabr., в качестве стиральщика и канцеляриста. Мать домохозяйка.
- Сначала трудилась для таксистов в качестве с 12 лет. В 1922 г. поступила в Минскую паратехническую школу, по окончании — лаборант, с 1925 по 1931 г. работала в Минском институте.
- В 1931 по 1937 г. работала на швей. фабрике «Хозяйство» и прогрессивной работе, в институте Швей. Б.С.С. В 1937 г. была выдвинута на партийную работу и до 1938 г. работала зам. и Заведующей прамитр. аппаратуры в институте ЦК. К.М.Ф.Б.
- В 1938 г. была избрана третьим секретарем ЦК. К.М.Ф.Б. и работала до 1940 г.
- В 1940 г. была направлена на учебу в Москву, в качестве школы парторганизма, при ЦК. ВКМФ. В 1940 г. по окончанию школы в связи с временной оккупацией БССР, была направлена ЦК. ВКМФ на работу в Казань, где работала до 1943 г. секретарем Казанского ЦК. ВКМФ. С началом освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, в 1943 году
- ! см. на обороте!

666

- 2 -

Была отослана и направлена на работу
 заместителем председателя смк. БССР
 с 1944 г. и по настоящее время время работает
 министром пищевой промышленности БССР
 В 1938 г. на первой сессии Верховного
 Совета БССР, была избрана председателем
 Верховного Совета БССР и по совместитель-
 ству вынуждена отказаться
 председательств. Верх. Сов. БССР до 1946 года.
 Членом партии состояла с 1932 г. Партия
 коммунистов не была. В 1938 г. на XVII съезде
 КП(б) Бел. была избрана членом ЦК КП(б) Б.
 В 1939 г. на XVIII съезде КП(б) Б. была избрана
 членом Политбюро ЦК КП(б) Б.
 Депутатом Верховного Совета БССР
 от Полоцкого избирательного округа БССР.
 Заместитель, муж военный министр
 генерал-майор Малинин М. С.
 в настоящее время служит в советских
 авиационных войсках, в Германии,
 в должности заместителя шавкала и
 нач. штаба ССДВР. Имею двоих
 детей, Микиту 17 лет и Валентину 5.
 Домашний адрес:

2. Минск ул. Захарова дом 42.

1/IX 48 г.

Н. Грекова.

8

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А.

ГРЕК Надежда Григорьевна, член ВКП(б) с февраля 1932г., год рождения 1910, по национальности белоруска, уроженка гор. Минска, происходит из семьи рабочего-железнодорожника, по социальному положению - работника-портниха. Имеет 9 лет производственного стажа. Состояла членом ВЛКСМ с 1928г. по 1933г.

В 1933г. была выдвинута на профсоюзную работу. С 1933 по 1937г.г. работала заместителем председателя Центрального правления союза швейников, с августа 1937 г. по декабрь 1937г. работала в качестве председателя Центрального правления союза швейников.

Во время выборов в Верховный Совет СССР тов. ГРЕК работала председателем республиканской комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. На этой работе проявила себя хорошо. Участвовала в работах 1-й Сессии Верховного Совета СССР в качестве переводчика с белорусского языка на русский. По окончании выборов 17.XII-37г. тов. ГРЕК была выдвинута на работу - в аппарат ЦК КПБ заместителем заведующего Промотделом, а 3-го января 1938г. утверждена на Бюро ЦК КПБ заместителем Председателя ЦК КПБ (Инициатива выдвижения принадлежала ОГПУ ЦК КПБ).

На ХУП съезде КП(б)В тов. ГРЕК избрана кандидатом в члены ЦК КПБ. Во время выборов в Верховный Совет БССР избрана депутатом Верховного Совета БССР.

Из родственников тов. ГРЕК имеет двух братьев, из которых один коммунист находится в РККА, лейтенант в г. Ленинграде;

- 2 -

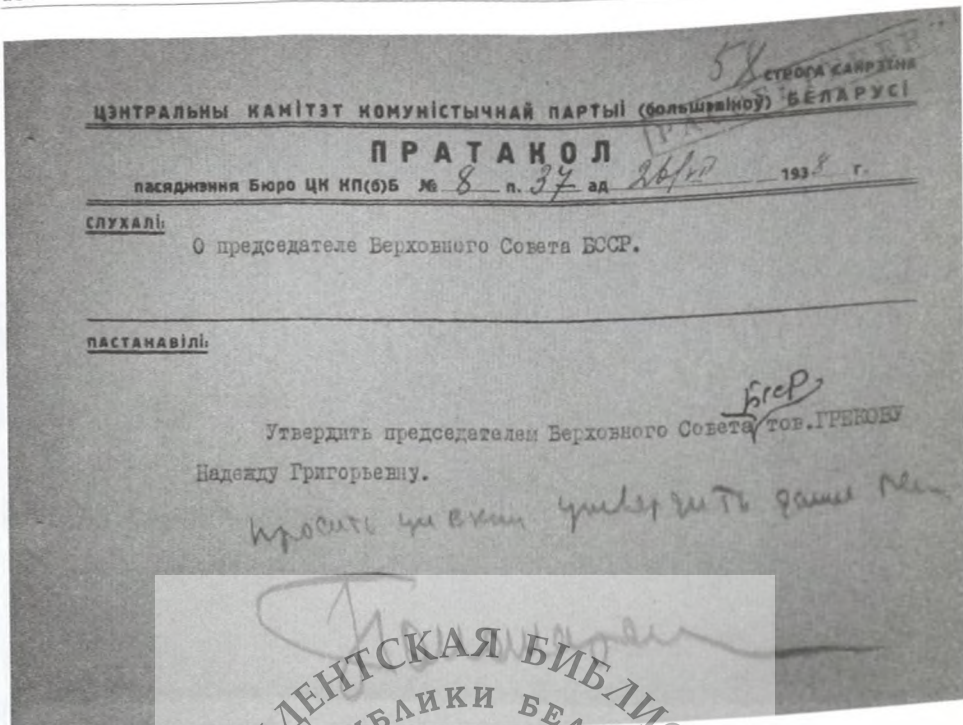
9

Другой брат - комсомолец, сестра - комсомолка. Муж тов. ГРЕК член ВКП(б), работает в органах милиции.

В парторганизации тов. ГРЕК пользуется авторитетом.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б)В *И. Пономаренко* (ПОНОМАРЕНКО)

Характеристика на Надежду Грек для представления в ЦК ВКП(б) для согласования назначения на должность секретаря ЦК КП(б) за подписью П.К. Пономаренко.

▲ Шифрограмма в ЦК ВКП(б) за подписью П. К. Пономаренко об утверждении Н.Г. Грек Председателем Верховного Совета БССР.

▲ Депутатское удостоверение Н.Г. Грековой (фамилия изменена по рекомендации И.В. Сталина).

▲ Первый официальный портрет, опубликованный в прессе после избрания Н.Г. Грековой Председателем Верховного Совета БССР (журнал «Беларуская работніца і сялянка»).

◀ Первый номер журнала «Беларуская работница і сялянка». 1924 г.

Эта снежня ў Менскім тэатры оперы і балета адбылося ўрачыстае пасяджэнне пленума горсавета, прысвечанае 40-ці гадавінне Сталінскай Канстытуцыі. На здымку: старшыня Вярхоўнага Савета БССР, сакратар ЦК КП(б)Б тав. Н. Г. Грекава выступае на пленуме з дакладам аб другой гадавінне Сталінскай Канстытуцыі. Фото Мазылева (С)

▲ Первые публичные выступления Н.Г. Грековой в белорусской прессе.

Фонд И.В. Сталина
в Российском
государственном архиве
социально-политической
истории. Москва. ▶

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
(РГАСПИ)

Ф О Н Д № 558

Опись № 11

Сталин Иосиф Виссарионович

1888-1977 годы

МОСКВА 2013 г.
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КОМИССИЯ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК ВКП(б)

Москва, Царский бульвар, 14

Ф. №

Организация

ВКП(б)

10138

№ 25/22005

С.Секретно

3 апреля

3 апреля 1957

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ БЕЛОРУССИИ - тов. ШАРАНГОВИЧУ.

лично.

Пересылая Вам материал полученный нами от ЦК КП(б)Б об антипартийных высказываниях в прошлом в Белоруссии КАРНА С.В. нынешнего председателя Госплана РСФСР, работавшего в Белоруссии в течение очень длительного периода, прошу Вас, поскольку все эти материалы, а также люди, знавшие Карна по работе, находятся в Белоруссии, детально разобраться в этом деле.

Если для этого потребуется личное присутствие Карна, прошу вызвать его для дачи объяснений в Минск.

На наш запрос Карна категорически отрицает свои троцкистские высказывания в 1923г.

Результаты Вашей проверки и все материалы прошу сообщить нам для окончательного решения вопроса о Карне. -

Шарангович

▲ Запрос председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по поводу компрометирующих материалов на председателя Госплана РСФСР С.В. Карна.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

- 6 -

Этим решением они были исключены
органами НКВД доказано, что эти м
и за немногим исключением, все они

Следует привести еще такой факт:
Левинский вместе с Берманом, быв. На
в Вобруйск на собрание партийного
в одну ночь арестовали 17 человек
в том числе прокурора, председател
Большинство из этих работников тако

Вместо мобилизации бдительности
бу с врагами, руководители призывали
оглульного недоверия к кадрам. В орг
невероятной подозрительности. Как п
Центрального Комитета коммунистам, вин
на, задавались, примерно, такие вопр
разведки? Кем Вы завербованы? Кто
состоите в контрреволюционной органи

Этим, главным образом, и объясн
некоторые звенья аппарата НКВД Белор
тельными сенсациями, творили гнусную
многие, ни в чем неповинные, люди
проход
они не
массово
районе,
революци

Враги народа, пробравшиеся в прошлом к партийному и советскому руководству в Белоруссии, старались вызвать озлобление отдельных личностей, и во многих случаях колхозников, к Советской власти. Этого они их переоблагали налогами, извращали земельную политику, проводили незаконные изъятия имущества, приводившие к разорению. Спасали от раскулачивания хуторян - кулаков, раскулачивали середняков и т.д.

После решения ЦК ВКП(б), вскрывшем эту вражескую работу, в связи с Лепельским делом, враги народа, вначале всячески тормозили реализацию решения, применяли тактику и взяли курс на создание привилегированных условий единоличнику по сравнению с колхозником. В ВКП(б) стали видеть место и первое возвращение изъятых имуществ. Они просили ЦК, даже в тех случаях, когда они были изъят незаконно. Более того, во многих случаях единоличнику обманно устанавливали возможность вернуть колхозникам за, якобы, изъятые имуществы, тогда как в действительности это имущество не изымалось. Когда единоличник отказывался принимать обратно корову или лошадь ему предлагалось право свободного выбора лучшей коровы или лошади на колхозной ферме. Восстанавливались старые границы землепользования в целом ряде деревень и селений площадью от 5-8 десятин и больше на ед

- 6 -

Этим делом серьезным и полагаю, что есть необходимость получить ответ от быв. руководителей ЦК ВКП(б) во всем вопросе: как политически оценивается ими вся эта практика, почему они считали возможным скрывать все эти дела от ЦК ВКП(б). Если же сказать более, то я должен сказать прямо, что личность бывшего второго секретаря Левинского вызывает у меня, на основании всех приведенных и многочисленных других данных, серьезнейшее сомнение, а т. Волков, главным образом, действовал по указке Левинского и Бермана. Достаточно сказать, что все дела, которые решались Центральным Комитетом, предварительно ими согласовывались с б. руководством НКВД.

Сосободя с вышеназванным, передаю это на усмотрение Центрального Комитета ВКП(б).

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) БЕЛОРУССИИ

(ПОНОМАРЕНКО)

Записка
П.К. Пономаренко
на имя Секретаря
ЦК ВКП(б) о репрессиях
в Белоруссии. 1939 г.
Исх. №729, экземпляр,
подшитый в документах
ЦК ВКП(б).

▲ Н.Г. Грекова (7-я слева в первом ряду) с делегатами XVIII съезда ВКП(б). 1939 г.

На митинге в Минске
по поводу воссоединения
с Западной Белоруссией
Председатель Верховного
Совета БССР Н.Г. Грекова
и первый секретарь
ЦК Компартии Белоруссии
П.К. Пономаренко.
1939 г. ▶

▲ Н.Г. Грекова.
1941 г.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

▲ Семья Н.Г. Грековой. 1941 г.

ГРЕКОВА Т.В., ГРЕКОВАЯ Н.Г.

на XVIII съезде Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии
СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б)Б

Тяжелыми на переживаниях прошла партийная конференция в БССР, которую возглавлял товарищ Сталин. Впервые в истории нашей страны в Белоруссии проведена конференция на высшем уровне. Конференция была посвящена вопросам строительства коммунистического общества. Товарищ Сталин в своем выступлении подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

Важнейшей задачей нашей партии является осуществление программы строительства коммунистического общества. Для этого необходимо мобилизовать все силы и ресурсы нашей страны. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

Партийная конференция Белорусии провела большую работу по мобилизации коммунистического актива. Впервые в истории нашей страны в Белоруссии проведена конференция на высшем уровне. Конференция была посвящена вопросам строительства коммунистического общества. Товарищ Сталин в своем выступлении подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

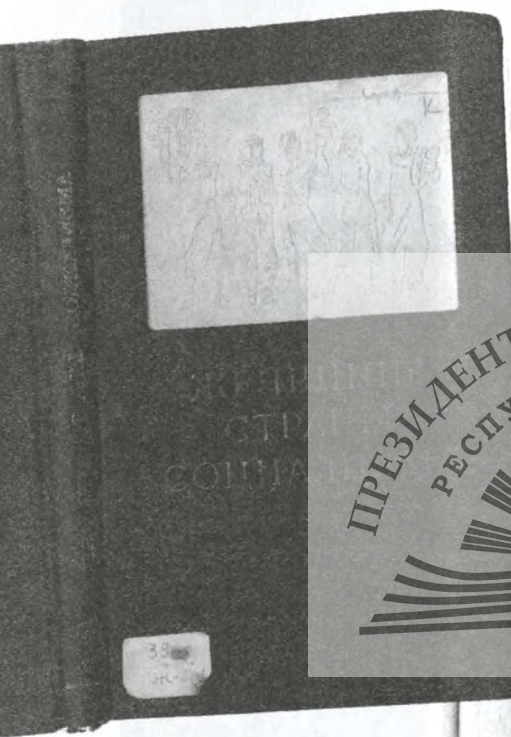
На конференции товарищ Сталин подчеркнул, что наша партия должна быть готова к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент приступить к осуществлению коммунистической программы.

▲ Опубликованный доклад Н.Г. Грековой на XVIII съезде ВКП(б).

Когда В. МЕССИНГ выполняет задание, Вы должны мысленно точно и последовательно диктовать ему это задание
Тяготехника «На боевом посту». Зек 3111

◀ Листовка к выступлению В. Мессинга в г. Минске.

Записка В. Мессинга Н.Г. Грековой. Москва. 1966 г. ▼

Минск, Надежда Г.
буду выступать в час.
к Мессингу -
2 месквн 3/8 66 -
Минск 27.4.66

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
БЕЛОРУССКОЙ ССР**

НАДЕЖДА ГРЕКОВА

Вечером от болот вырывается туман. Лес висит над травяной, мохнатой и жемчужной. На тонких ветках прохрустывает гонимая вода. Куда ни князь взгляд — болота, пещи, сокрытые мерески...
Палестинским прошлым Белоруссии осталось кое-где старое название деревень. Полосское село Мозоль. Само название красноречиво говорит о прошлом его обитателей. До революции почти вся земля была у помещика. На долю жнецов принадлежал болота за лес. Ступая вода, собирали похуди, брали нехиту, смышлявая для это и модали — вот из чего делали мазюки хлеба. Белозавинские болотини — колтун, туберкула, осна — настоящие гости этого села и прищали.
Мозоль, Корсаки, Болотини, Славонин, Пещанин — белорусские села. Болота, пещи, вода принадлежали беднейшему крестьянству. До Октябрьской революции 22 миллиона гектаров, только половина земель в бывшей Белоруссии, принадлежала крестьянству, а оставшей частью владели купцы, помещики. До Октябрьской революции крестьяне Гоголя населял 712 тысяч человек десятни земли, принадлежавшей у белорусского народа. Князь Вишневецкий имел 700 тысяч десятин, граф Тимашевич — 296 тысяч.

▲ Издание «Женщины страны социализма». Государственное издательство политической литературы. Москва. 1939 г.

АННА КАБАНОВА
ЩЕТИННИЦА

КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ

В одном из номеров Технического вестника Дальневосточного края жила девушка Иван Щетинин с женой и тремя маленькими детьми. Тамбов и безработица была женой Щетинницы. Промысел и беспрерывная работа на дальнем окраине царской России. Рыбные-океанические были заказаны кулаками-инженерами, которые за гроши скупали у них удили и втроедорога продавали им продукты питания, товары и скоты.

В поисках лучшего заработка рыбак Щетинин пошел на промысел профессионалом. Был он плотником, железобетонщиком, чернорабочим. Но бесперспективная работа не оставляла его мысли до Великой Октябрьской социалистической революции.

Только при советской власти, разгоревшейся борьбой за истребление семьи Щетинницы, как и семьи миллионов других рабочих и крестьян, была возможность учиться. Дети Щетинницы получили возможность учиться в 1925 г. Старшая дочь Анна окончила семилетку. Она была ученицей дальнего и путь, выбранный ею, был неслучайным. Она была ученицей дальнего и путь, выбранный ею, был неслучайным. Она была ученицей дальнего и путь, выбранный ею, был неслучайным.

Анна Щетинница знала, что нигде в мире нет женщинам-капитана; она понимала, что в капиталистических странах даже мысль об этом была бы неизвестна.

«Я буду первой женщиной-капитаном в мире!» — сказала себе Щетинница. — Я еще никогда не была капитаном, но я была капитаном страны земного шара достойно тех прав, которые ей дала власть советом, великая партия Ленина — Сталина». И она отправилась в начальную морского техникума, старому, ослепшему морю у Шаманьку. Шаманька с удивлением взглянула на женщину и вешу в кабинет девушку и строго спросил ее:

— Вы, собственно, кто?

— К вам, — твердо ответила Щетинница. — Я хочу поступить на судоводительское отделение.

Старый моряк растерялся. Но быстро овладел собой, он предложил девушке сесть. Внимательно посмотрев на нее, он подумал:

«Сейчас ведь еще ребенок, а туда же, во "флот. Частейшая романтика!»

И придал своему лицу нарочито суровое выражение, он стал отечески разъяснять девушке трудности морского служения, которые она не в состоянии будет преодолеть.

— История еще не знает случая, чтобы женщина была капитаном, — говорила начальник техникума.

Щетинница уверенно настаивала на своем, приводя известные ей примеры участия женщин в гражданской войне, указывая на отчаянную работу женщин — летчиц, инженерок, хирургов.

Старый моряк сдался. Судьба Анна Щетинницы была решена. Она стала студенткой первого курса судоводительского отделения Владивостокского морского техникума. Это было осенью 1925 г. Ей тогда было всего семнадцать лет.

Учеба шла хорошо, легко. Техникум отдала девушку призыву. Товарищи и педагоги относились к ней по-доброму. Приблизилась весна, начало судоводения. Щетинница подготовилась.

«Что-то будет с практикой, — беспокоилась думала она. — На какое судно поеду? Как вынесу плавание? Как будут относиться ко мне капитаны, матросы?»

Будет трудно, конечно, но бороться трудностей не в моем характере. Я не надушушка. Меня всегда поддерживал и защитил коллектив. Я докажу, что истинность плавание и вода сильнее.

Вот так Анна Щетинница, в числе которых была и Щетинница, была принята на судно. Несколько отдала капитаном из-за нежелания принять на борт студентки.

— С борт студентки, — грубо заявил ей. — С ней можно.

В море Щетинница была принята на судно. В море Щетинница была принята на судно.

25

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

▲ Очерки об известных
женщинах СССР
в издании «Женщины
страны социализма».
Государственное
издательство политической
литературы. Москва. 1939 г.

ОТВАЖНЫЙ ПИЛОТ

Вера Громова
КАПИТАН СТЕПАНОВКА
ЕКАТЕРИНБУРГА

6 мая 1934 г. двадцать машин, двадцать воздушных акробатов эскадрилья имени Максима Горького имела в виду по Московской области. Одну из двадцати была единственная в эскадрилье женщина-пилот Вера Громова. Машину взяли курс на Калужу. На огромном Пиретьевском аэродроме, близ Коломенского завода, никогда еще не опускался самолет. Молодая летчица безудержно ждала машину. Рабочие, колхозники, красноармейцы, пионеры окружали ее со всех сторон. Двухэтажный паровозик, тепловозик — представляли весь завод Коломенского завода с большим уважением смотрели на молодого пилота. С неслучайным смотрели на нее заводские комсомольцы, а летчица — с гордостью и заветно: вот бы такой быть!

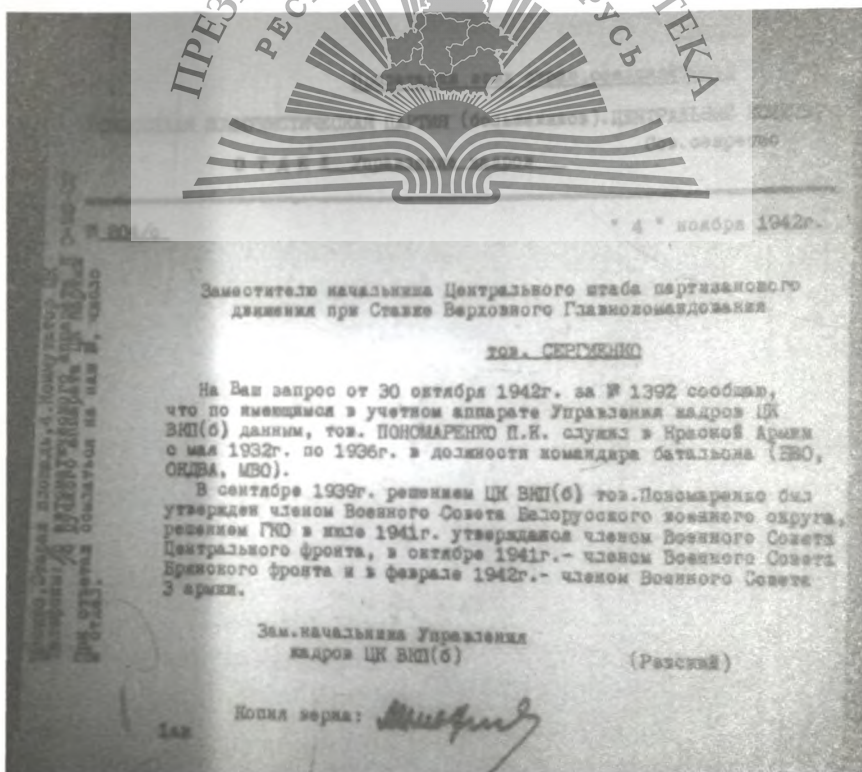
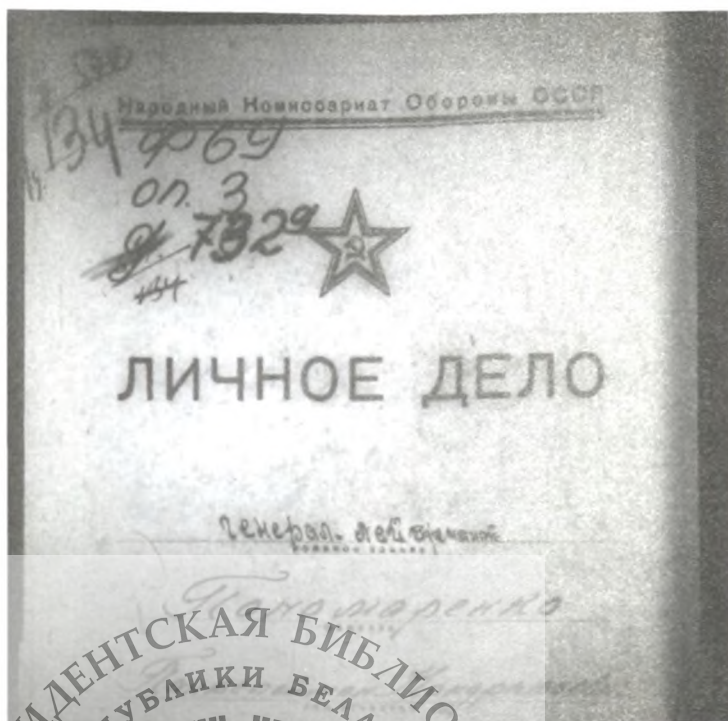
Вера держала речь прямо с самолета. Она не признала и речи и, слыша своего смущалась. Но вперед был табулироваться, радость лезла. Какое, она давно знакома ей, и она рассказала о своей работе, пионеры окружали ее со всех сторон. Двухэтажный паровозик, тепловозик — представляли весь завод Коломенского завода с большим уважением смотрели на молодого пилота.

Кончилась минут. Оглянув на других пилотов и самолеты Вера рабыры, удачники. Поднялся на самолете старший рабочий Чижов. Начиная с него идет он свой старый завод и весело махнул рукой жене, туда, где стоит у тепловозного цеха его товарища.

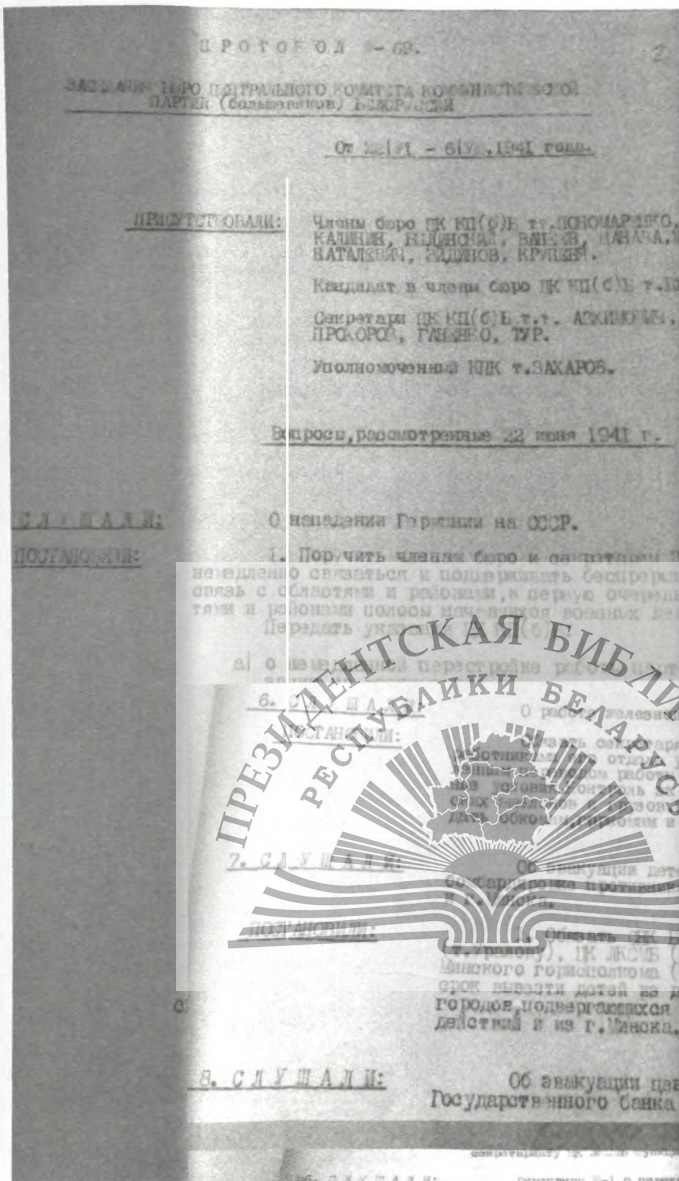
24

3

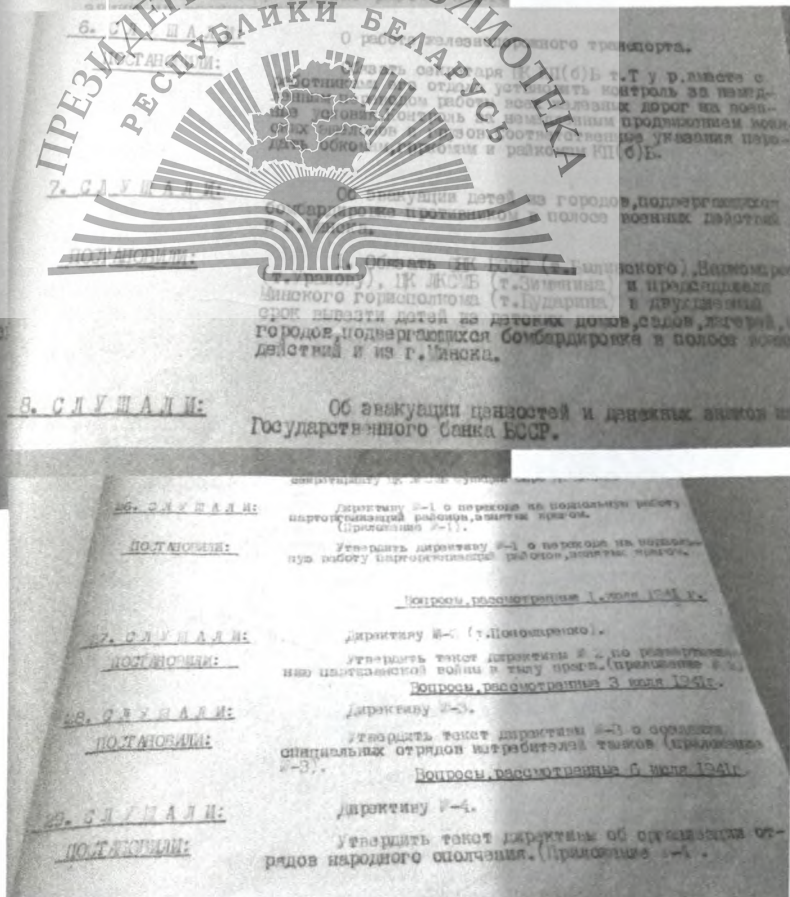
Личное дело
П.К. Пономаренко
в Российском
архиве социально-
политической истории.
Москва. ▶

▲ Записка Управления кадров ЦК ВКП(б) о результатах проверки достоверности личных данных, указанных П.К. Пономаренко в автобиографии.

◀ Первые решения Бюро ЦК Компартии Белоруссии после нападения Германии на СССР, в том числе об эвакуации ценностей и денежных знаков Госбанка БССР, об организации вооруженных рабочих отрядов для усиления охраны предприятий города и порядка в городе, о заключенных, приговоренных к высшей мере наказания.

Особый экземпляр

ПРОТОКОЛ № 69-а

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
БЕЛОРУССИИ

От 29.11 - 16 декабря 1941 г.

Вопрос. Решение Центрального Комитета КПБ и ЦК КПБ.

29.11.1941 г.

СЛУШАЛИ:

О диверсиях на аэродромах, зенитных противотанковых.

ДОКЛАДЧИК:

1. В связи с тем, что противники интенсивно ведут диверсионную работу в аэродромах района Мелоруссия для борьбы с Красной Армией, направлена в районы расположенных аэродромов двадцать восемь диверсионных групп.

2. Обязать группы внедриться влетками уничтожить личный состав и самолеты противника на аэродромах, базы горючего и боеприпасов, вывести из строя летчики и летательные аппараты.

3. Утвердить задачи групп и их состав.

7 июля 1941 г.

СЛУШАЛИ:

О направлении группы т. Волотовича в Октябрьский район.

ДОКЛАДЧИК:

1. Направить в Октябрьский район группу тов. Волотовича в составе: тт. Волотовича А.Г., Гетманова Г.А., Горюхина Г.Г., Кудачковича И.И., Ширкова К.Г., Волына Г.А., Духовниченко Л.А.,

и др. в целях проведения диверсионной работы на территории района. Волотовича, в случае необходимости его частей Красной Армии из Октябрьского района в аэродромы его частей, а также в районы и населенные пункты, расположенные в непосредственной близости от аэродромов, для уничтожения личного состава, самолетов, авиационного топлива, разрушения складов горючего, боеприпасов, разрушения зданий, сооружений, разрушения коммуникаций.

СЛУШАЛИ:

О направлении группы т. Волотовича в район Мелоруссия.

ДОКЛАДЧИК:

1. Направить в район Мелоруссия группу т. Волотовича в составе: тт. Волотовича А.Г., Гетманова Г.А., Горюхина Г.Г., Кудачковича И.И., Ширкова К.Г., Волына Г.А., Духовниченко Л.А., и др. в целях проведения диверсионной работы на территории района.

2. Обязать группы внедриться влетками уничтожить личный состав и самолеты противника на аэродромах, базы горючего и боеприпасов, вывести из строя летчики и летательные аппараты.

3. Утвердить задачи групп и их состав.

30 июля 1941 г.

СЛУШАЛИ:

О направлении группы т. Полушкина в Столинский район.

ДОКЛАДЧИК:

1. Направить в Столинский район группу т. Полушкина в составе тт. Полушкина Н.С., Овладчика И.П., Гуркина А.А., Кочова С.П., Шарубина И.П., Титова А.В., Воробьева И.Д., Миликова А.М., Демкина М.С., Гетманова А.А., Гризатовского Б.П., Гуслякова Г.А., Кудова И. и Виккина.

2. Обязать группу т. Полушкина установить связь с партизанами, действующими в Столинском районе и непрерывной диверсионной деятельностью по уничтожению коммуникаций противника, уничтожению его техники, горючего и др. во время движения на фронт.

3. Утвердить задачи группы.

СЛУШАЛИ:

О направлении группы т. Дубовца в Толочинский район.

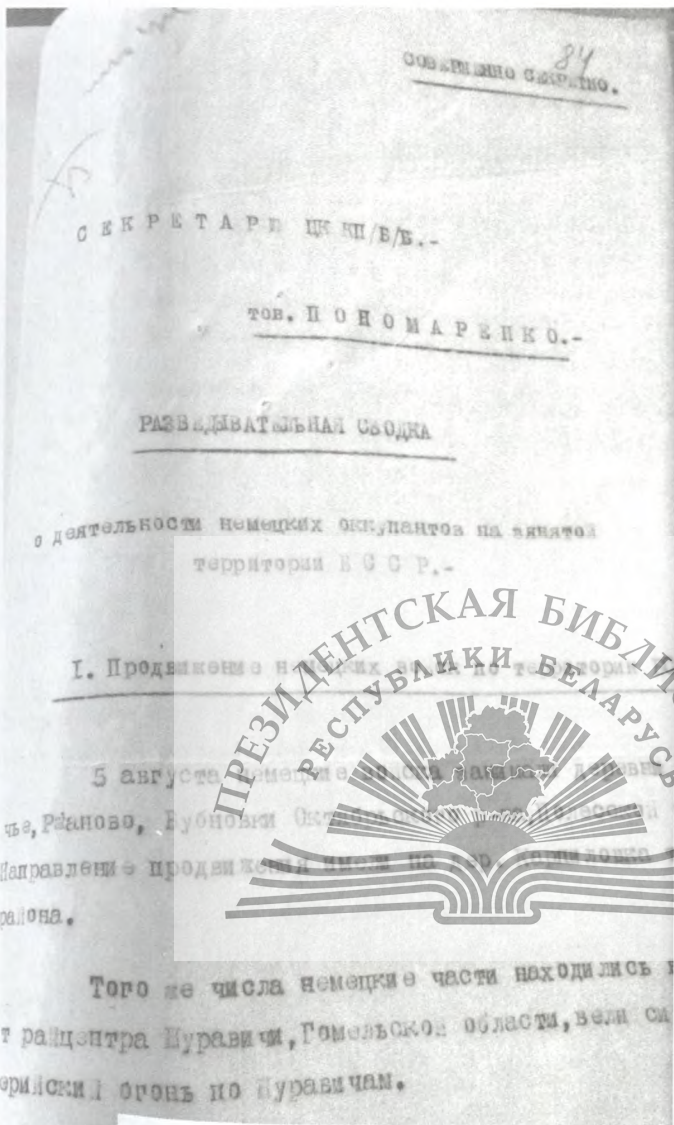
ДОКЛАДЧИК:

1. Направить в Толочинский район группу тов. Дубовца в составе тт. Дубовца А.А., Дорофеева Н.Т., Зражковского П.П., Дзюбка С.М. и Козлова И.И.

2. Обязать группу т. Дубовца непрерывной диверсионной деятельностью по уничтожению коммуникаций противника на участках железной дороги и шоссе на магистрали Минск-Москва, совершать крушения поездов, взрывать мосты, маневрировать отдаленные участки дорог, уничтожать базы горючего, склады продовольствия и боеприпасов, разрушать связи.

3. Утвердить задачи группы.

« Решения
Бюро ЦК Компартии
Белоруссии
об организации
подпольной работы
на оккупированной
территории республики
и деятельности
подпольных групп
в первые недели войны.
Протокол № 69-а
заседания Бюро
Центрального Комитета
Коммунистической
партии Белоруссии.
Особый сектор.

«Донесения
на имя П.К. Пономаренко
о деятельности
немецких оккупантов
на занятой территории
БССР.

8

2. Моральное состояние немецких войск.

Опрос военнопленных показывает, что моральное состояние германских солдат находится на низком уровне. Так допрошенный 9.8.с/г военнопленный ВЛНД Адольф Г., 303г.р., показал:

" Многие немецкие солдаты настроены против войны. Солдаты находятся под строгим надзором от офицеров и унтер-офицеров и обещается, что в случае отказа от выполнения приказаний будут расстреляны на месте.

Центральный Комитет КП(б) Белоруссии
(название фонда)

Оргинструкторский отдел
(название структурной части)

Подлинники сообщений в ЦК КП(б)Б о деятельности подпольных организаций в республике в период с июля 1941 г. по апрель 1942 г. ▶

Подлинники докладных, и
маций и сообщений партийных
советских работников, работников
МТ, бойцов, командиров парт
отрядов, бойцов, бойцов, бойцов
и др. об организации подпольной и агент
работы в тылу врага на ок
важных территориях Белору
оставле
отца в М
Степанович
области.

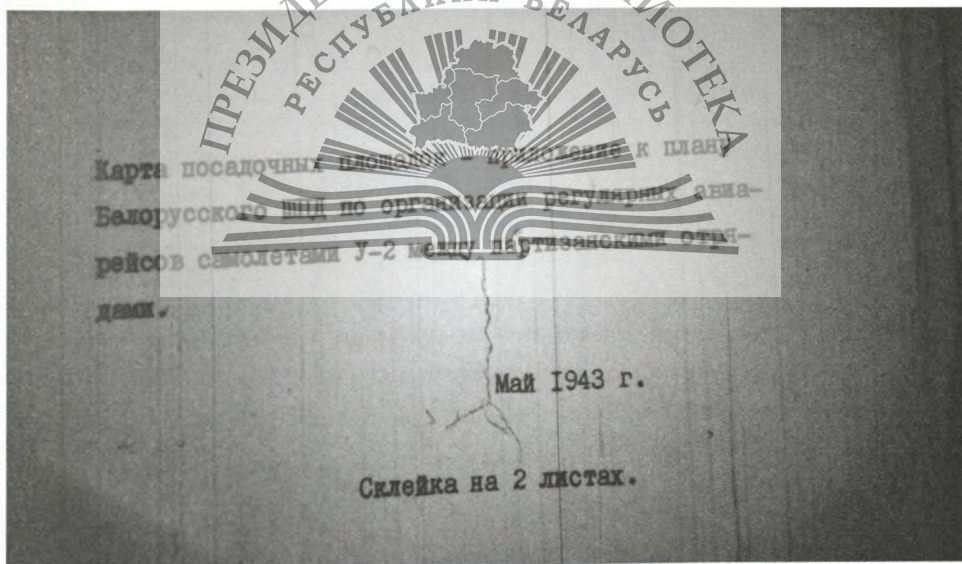
1. Шаган Гродно
2. Шаган Вильнюс
3. Ситунки - 3 м. Работник Района Рабочий и
риком полиции Гомельской рай
Акимов - 3 м. - Сл. Аграном Район. Работал
3 м. в отделе учета.
Акиман - 3 м. Работал в отделе учета.
Дубовиц

1. Шаган Гродно } 3 м. партизан из партизан, партизан
2. Шаган Вильнюс } 3 м. партизан из партизан, партизан
3. Ситунки - 3 м. Работник Района Рабочий и
риком полиции Гомельской рай
Акимов - 3 м. - Сл. Аграном Район. Работал
3 м. в отделе учета.
Акиман - 3 м. Работал в отделе учета.
Дубовиц

1941 г.

Список
Работников, сделавших с партизанской
связью.
1. Старовойт

Карта посадочных площадок — приложение к плану БШПД по организации регулярных авиарейсов самолетами У-2 между партизанскими отрядами. РГАСПИ. Москва. Май 1943 г. ▶

▲ Н.Г. Грекова с партизанами Суражской партизанской зоны после награждения их орденами и медалями СССР. На снимке присутствуют также работники Витебского обкома партии. Июнь 1942 г.

Здравствуй Надежда Григорьевна!
 Извини, что с большим опозданием
 выполняю сделанное Вами обещание.
 Наверное, правдам все без всякого
 умысла, гладко забыл - старость.
 Выслала, как и обещала, фотокартонку,
 Вашей встречи с партизанами Сура-
 жской партизанской зоны, награжден-
 ными орденами и медалями СССР и
 работниками Витебского обкома партии.
 Вручение 10-14 и
 Великого

◀ Письмо
 Н.Г. Грековой
 по поводу
 награждения
 партизан Суражской
 партизанской зоны
 в июне 1942 г.

Группа партизан Витебской области
 удостоенная высших правительственных
 наград

Желаю Вам успешная партия
 Григорьевна доброго здоровья и
 всего хорошего в жизни.

С искренними приветом И. Живынь
 З.И. К. г.

ПОСТУПИЛО

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ГРЕКОВА НАДЕЖДА ГРИГОРЬЕВНА
2. Звание НЕ ИМЕЕТ 3. Должность, часть Председатель Верховного Совета БССР
- Представляется к награде медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.
4. Год рождения 1910 5. Национальность Белоруска 6. Партийность чл. КПС/Б
- Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в отечественной войне (где, когда) не участвовала
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии не служила
10. С какого времени в партизанском отряде не состояла
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Орденом Ленина и Трудового Красного Знамени.
12. Адрес места рождения представляемого к награждению и адрес его семьи г. Минск Прованский сквал ул. д. 42

1. Краткое, конкретное описание личного боевого подвига или заслуг тов. Грекова в ходе Отечественной войны и в послевоенный период. Работала в должности секретаря в партизанском отряде в Белоруссии. Работала в партизанском отряде в организации подпольных белорусских партизан, помощью партизанам организовала сбор и доставку подпольных средств и материалов на территории Белоруссии. В короткий срок была мобилизована и отправлена в 55 тысяч штук предметов обихода, более 4 тысячи пар обуви, более 500 индивидуальных носилок, более 37 тысяч предметов обихода и туалета, табачек более 3,5 тонны мыла туалетного и хозяйственного более 4 тонн. Кондитерских изделий более 1,2 тонны, мясных изделий более 2,5 тонн, аптечек с медикаментами более 75 тысяч штук.

тов. Грекова провела большую работу среди рабочих служащих и трудящихся г. Казани которые обращались к партизанам с письмами и пожеланиями беспощадно бороться с немецко-фашистскими захватчиками

18505

За проявленную работу тов. Грекова достойна правительственной награды медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

▲ Наградной лист Н.Г. Грековой о представлении ее к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

СЕКРЕТАРЬ МИНСКОГО
ОБКОМА КПС/Б

М. Козлов
/ В. КОЗЛОВ /.

◀ Справка об участии
Н.Г. Грековой
в партизанском
движении в Белоруссии
в годы Великой
Отечественной войны
от 13.02.1992 г.

Председателя Комиссии по делам
бывших партизан и подпольщиков
при Президиуме Верховного Совета
Республики Беларусь

АНДРЕЕВУ А.Е.

СПРАВКА

Выдана ГРЕКОВОЙ Надежде Григорьевне в том, что она в период Великой Отечественной войны выполняла поручения по организации партизанского движения в Белоруссии от Центрального штаба ОССР.

В 1942 году Грекова Надежда Григорьевна была направлена в тыл оккупированной немцами Витебшину в Суражскую партизанскую зону в деревню Добрынино для вручения высоких правительственных наград партизанам Белоруссии.

Она организовывала для партизан Белоруссии (на их поддержку) необходимое

вие. Грекова Н.Г. была награждена в 1945 году орденом Трудового
Вместе с Грековой Н.Г. она принимала участие в организации партизанского движения
принимала участие в работе по организации партизанского движения
в Белоруссии.

носили немцев,
зовали сынов
русского на
заминирован
цинской пом
ганизации Г

Бывший заместитель начальника
Центрального штаба партизанского
движения при Ставке Верховного
Генерал-командования генерал-
полковник в отставке

С.С. Бельченко

Бывший заместитель начальника
Белорусского штаба партизанского
движения

И.П. Гоненко

Подпись т.г. Бельченко С.С. и Гоненко И.П. удостоверяю.

Данная справка подписана в моем присутствии лично т.г. Бельченко С.С. и Гоненко И.П.

Главный бухгалтер
Постпредства Республики
Беларусь

Д.В. Чесноков

13 февраля 1992 года

- 1943 г. Гомель. После освобождения. - Объектив
 1. Навбеница - правительство Навбеница
 2. Заминский р-н Колонизация [15. 90
Одесская ул. - Кавказский.
 3. Первый музей в Гомеле К.К. Н.Г.
 4. Музей правительства - Колонизация

5. предвещание I эпоха
Знаменитый акт из национализма -
судит в выборах с армией
знают как матри и активист

6. Копия всего! К.К., м.с., Н.Г.;
под Варшавой

7. Посещение музея Гомеля

8. Ужин в застолье

9.

После встречи

встреча в Вилье - Гомель, К.К. и Н.Г.

встреча в Вилье - Гомель - Кавказ о ракет К.К.

серьезные встречи - Самаритяне.

Рядом с К.К.

паторонт м.с.

{ материал об освобождении
Гомеля -

проспект Павловский -
« Слава во имени Гомель

▲ Наброски воспоминаний о ситуации в Гомеле
 в первые дни после освобождения в ноябре 1943 г.
 Написаны рукой Н.Г. Грековой.

НА ПРОВОДЕ ГОМЕЛЬ

К осени 1943 года тандем Рокоссовский—Малинин перебрасывался на белорусское направление. И это не было спонтанным решением. Позади Сталинград, успешно проведенная Курско-Орловская операция. Схватка вновь предстояла с армиями группы «Центр» — очень сильным противником, чью тактику уже была возможность изучить под Москвой. Но прежде чем в эфире прозвучали слова «На проводе Гомель», события разворачивались драматично. По замыслу командующего фронтом Рокоссовского главный удар в битве за Днепр и Минск в октябре-ноябре 1943 года должны были нанести армии левого крыла фронта. На правом крыле фронта действовали 3-я и 50-я армии, задача которых состояла в том, чтобы проведением операций местного значения сковать силы гомельской группировки противника, не дав ей возможности уйти на направление главного удара. Однако в ходе начавшегося наступления Белорусского фронта действия его главной ударной группировки успеха не имели.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Ф. 201. Оп. 390. Д. 62). Совершенно секретно. «Журнал боевых действий войск Белорусского фронта за ноябрь месяц 1943 года» (на 92 страницах). На листе 6 читаем запись: «Согласно Директивы Военного Совета за №0028/оп от 29.10.43 г. войска центра и левого фланга фронта производили перегруппировку сил и вели подготовку к активным действиям. Победе наступательных действий, не давших положительных результатов, войска 50-й, 3-й армий перешли к временной активной обороне на рубеже р.р. Проня и Сож, удерживая плацдарм на западном берегу рек в районах: Кузьминичи, Ужарь, Клин, Костюковка». Но даже такая ситуация не повлияла на первоначальное решение Рокоссовского, оно оставалось неизменным — продолжать осуществлять спланированную операцию.

Это вызывало беспокойство и у других руководителей фронта. Константин Федорович Телегин в своих воспоминаниях «Войны неслучайные версты» так описывал их тревожные опасения в этот период: «После ужина меня пригласил к себе генерал М.С. Малинин. Беседа с ним затянулась далеко за полночь. Мы стояли у большого стола. На его чуть наклоненной к центру комнаты крышке была скатертью расстелена карта. Цветастые стрелы и условные обозначения давали наглядное представление о расстановке сил и средств войск фронта, расположении и средствах обороны противника. Я много ждал от этой беседы и не ошибся. К тому же Михаил Сергеевич, несмотря на внешнюю простоту, оказался человеком довольно тонким и проницательным. Говорил он обстоятельно, неторопливо, словно размышляя вслух или даже дискутируя с самим собой; глухо покашливал, но дымившуюся папиросу из пальцев почти не выпускал, иногда пользуясь ею как указкой. В выражении лица, во всем облике М.С. Малинина появились заметные признаки озабоченности. Вообще, при всей внешней суровости, как я потом понял, несколько напускной, Михаил Сергеевич умел обворожить собеседника откровенностью суждений, очевидной готовностью выслушать и оценить его мнение. Отрываясь от карты, Михаил Сергеевич, почти не заглядывая в записи, на память раскрыл состав армий, перечислил стрелковые, артиллерийские и танковые соединения, привел сведения, касающиеся их укомплектованности, обеспеченности вооружением, боеприпасами, горючим, продовольствием... Можно было еще долго с инте-

ресом слушать Михаила Сергеевича, удивляясь его редкостной способности оперировать по памяти огромным количеством данных, однако время далеко уже перевалило за полночь...» (К.Ф. Телегин. *Войны неслучившиеся версты*. М., 1988. С. 145—150).

Сам же Рокоссовский впоследствии так описывал те драматичные дни: «63-я армия генерала В.Я. Колпакчи готовилась к форсированию реки Сож. Преодолеть ее с ходу не удалось. Усталость войск чувствовалась и здесь. Но настроение людей было боевое. Они сознавали, что впереди много трудностей, и деятельно готовились к новым боям. На главном направлении, где были сосредоточены основные усилия фронта, 48-я армия П.Л. Романенко вела тяжелые бои непосредственно у Гомеля, который противник превратил в сильный опорный пункт. Во взаимодействии с 65-й армией, наступавшей южнее Гомеля, войскам Романенко удалось форсировать Сож, и сейчас они с трудом расширяли захваченный плацдарм. 65-я армия П.И. Батова тоже застряла здесь, в междуречье Сож—Днепр, ведя упорные бои в тяжелых условиях болотисто-лесистой местности. Противник понимал, чем грозит его гомельской группировке наступление наших войск в междуречье, и непрерывно усиливал этот участок новыми частями. Задержка с продвижением у Гомеля вынуждала нас срочно искать выход. И мы его нашли» (К.К. Рокоссовский. *Солдатский долг. На белорусской земле*. М., 1988). Нашли благодаря не только таланту начальника штаба Малинина, его умению оценить обстановку, оперативно изменить ход операции, но и его способности убеждать.

Этот эпизод при изучении в военных учебных заведениях стал хрестоматийным. Профессор Академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-майор Евгений Григорьевич Коротченко в своем докладе «Значение теоретического и практического наследия генерала армии М.С. Малинина для решения проблем современного военного искусства» так оценивает действия Малинина в обстановке, когда они определены приказом: «Пример искусства М.С. Малинина как начальника штаба вышеступающей пробы — умение увидеть в операции наиболее перспективное направление, способность отказаться от действий по намеченному плану и решительными мерами войск на открывшемся перспективном направлении переломить ход событий в свою пользу. К чести Малинина он никогда не скрывал, что иногда такие направления открывались не в соответствии с разработанным им планом операции фронта, а определялись инициативными, умелыми действиями подчиненных, командующих, штабов и войск». И далее: «Лишь начальник штаба фронта Малинин смог убедить командующего в необходимости срочного уточнения принятого решения. Ход операции подтвердил правильность оценки начальника штаба. 3-я армия за четыре дня тяжелых боев первой во фронте вышла на Днепр, предопределив успех действий главной ударной группировки фронта» (Малинин Михаил Сергеевич. *Материалы научно-практической конференции*. ВАГШВСРФ. М., 2000. С. 26—27).

Язык научной конференции всегда требует некоторой официальности в изложении событий, но сохранилось много воспоминаний об этом соратнике Малинина, жизненных историй. Тот же Телегин в своих воспоминаниях писал: «Мне довелось провести много часов в общении с Михаилом Сергеевичем Малининым и убедиться не раз в универсальной широте его способностей, неисчерпаемости его общих и военных познаний.

Очень часто, выслушав кого-нибудь из своих помощников или прибывших с докладами из штабов армий, Михаил Сергеевич внезапно задумывался, раскуривал очередную папиросу и, привалившись боком к краю стола с наклонной крышкой, «застеленной» картой, недоверчиво скользил взглядом по привлекшему его внимание участку.

— М-да! — произносил он в таких случаях с явным раздражением, рассматривая не очень достоверные, по его мнению, топографические обозначения. — Здесь, понимаете ли, одним воображением не проживешь!

И, испросив разрешение у командующего, оставив за себя аккуратнейшего и исполнительнейшего начальника оперативного управления генерала Ивана Ивановича Бойкова, он на целый день отправлялся — «выскакивал на часок», как сам говорил об этом, — на передовую и, кажется забыв о своем высоком служебном положении, лазил по окопам переднего края, «расширял свой оперативный кругозор» (его же выражение).

Сработанность начальника штаба и командующего фронтом была, не увеличу, редкостной. Сейчас даже трудно определить точную меру участия того и другого в рождении того или иного оперативного решения. В этой сработанности, в этом полном взаимопонимании состоял залог непрерывности командования войсками фронта даже тогда, когда командующий пребывал в пути или был обстоятельствами прикован к какому-либо отдаленному участку фронта. Свои высочайшую военную эрудицию, способность держать в руках все нити управления войсками Михаил Сергеевич с особым блеском продемонстрировал в ходе боевых действий на Гомельском направлении» (К.Ф. Телегин. *Войны неслыханные версты*. М., 1988. С. 154—157).

Впоследствии и сам Рокоссовский писал: «Выход ударной группировки фронта в глубокий тыл неприятельских войск, оборонявшихся в районе Гомеля, удачные действия 3-й армии Горбатова, нанесшей внезапный удар справа в направлении на Быхов, и сильный нажим на противника в центре частями 63-й и 11-й армий вынудили гомельскую группировку врага к неспешному отходу. 26 ноября Гомель, крупный областной центр Белоруссии, был полностью освобожден от противника» (К.К. Рокоссовский. *Солдатский долг. На белорусской земле*. М., 1988). В эфире, наконец, прозвучало долгожданное «На проводе Гомель».

«МОЛОТ» — «РАДУГЕ, 10»

Успех Гомельско-Речицкой операции был несомненным, успех, который позволял начать подготовку к основному, более масштабному наступлению по освобождению всей территории Беларуси. Цифры, карты, схемы, донесения разведки... Но мысли Малинина были заняты и другой, не менее важной проблемой, — как найти путь к сердцу женщины, которая в одночасье завоевала его сердце. Впервые опытный начальник штаба никак не мог сообразить, как же распланировать и осуществить главную в своей жизни стратегическую операцию. Он начинает писать Надежде Григорьевне письма. Они глубоко личные, в них все — и исповедь сильного человека, который вдруг делает открытие, что и ему свойственны доселе неизвестные чувства, о которых так много написано, сказано и которые, казалось еще недавно, существуют только в романах, и какая-то незащищенность, и огромная потребность в поддержке любимого человека, растерянность перед неизвестностью, обстоятельствами и целая па-

литра чувств, которые невозможно сдерживать, они вырываются наружу. Но их не нужно больше держать в себе, потому что пришла любовь, большая, взаимная, искренняя. Но путь к ней тоже оказался нелегким, привычно выстраиваемые ходы при планировании боевых операций теперь доказывали, что чувства вряд ли поддаются какой-то логике, а то, как поступает человек в состоянии влюбленности, и вовсе бывает странным, ведь в любви все так непредсказуемо. А в том, что это именно так, Малинин убеждался на личном примере.

В Гомеле он отсутствует несколько дней, находясь в расположении дивизий, где готовится очередное наступление, а по ВЧ с «Радугой, 10» (позывной Грековой) связаться невозможно. На коммутаторе ответ неизменный: «Объект на выезде». Но мысли совсем о другом: «Возможно, с ним больше не хотят общаться?» И это было не лишено оснований: на все попытки как-то объясниться Надежда Григорьевна предпочитала только отшучиваться. Сама же она, конечно, сразу заметила к себе повышенное внимание как к женщине и даже какое-то особое отношение. Педантичный, всегда собранный начальник штаба вдруг начал больше улыбаться, даже пытался делать какие-то комплименты, которые у него получались как-то не очень, намекать на встречи вне работы. Несомненно, это было приятно, но она старалась сохранять деловые отношения. О скоротечных романах на войне ей было хорошо известно, и она предпочитала взаимностью не ухаживания не отвечать. Грекова действительно отшучивалась и не без женского кокетства все разговоры на тему личных отношений переводила на обсуждение вопросов предстоящих мероприятий.

Малинина же переполняли эмоции. Они написаны уже на конверте очередного письма, где в крайнем правом углу над адресом Надежды Григорьевны «Гомель, Ново-Белица, Пролетарский переулок, д. 1» крупными буквами пометка: «Весьма срочно». Он передает его с адъютантом и делает приписку: «Письма можно мне пересылать через начальника Гомельского узла связи (у меня узел связи пока еще остается в Гомеле) и он в этот же день будет передавать мне твои письма». Малинин передает и свой позывной — «Молот», приписывая в скобках: «Мой позывной сообщаю только тебе», а потом и вовсе откровение: «...отношения создают какой-то хаос мыслей и в этом лабиринте мы должны с тобой разобраться, для чего наша встреча уже неизбежна». А перед этим было письмо, где Михаил Сергеевич строго по-военному ставит вопрос ребром: все, хватит, мол, «выкаты», нужно переходить на «ты», кроме рабочих проблем есть еще и человеческие отношения. Но на коммутаторе ответ по-прежнему один: «Радуга, 10» отсутствует.

Нервы начальника штаба сдали до такой степени, что он пишет, как вспоминала его внучка Надежда Малинина, гневную записку: «Мол, ты, вообще, что творишь. Я тебе с адъютантом передаю секретные коды для связи, бегаю за тобой по всему фронту, а у тебя все какие-то дела».

В дни работы сессии, 23 марта 1944 года, он предпринимает последнюю попытку растопить ее сердце, привлечь к себе внимание как к мужчине и делает это весьма оригинальным способом: передает ей свою фотографию с дарственной надписью. Правда, она какая-то уж очень официальная. «Надежде Григорьевне Грековой. На память о совместной работе в Белоруссии (Гомель) во время Великой Отечественной войны. 23 марта 1944 года». Не зная о том, что творилось в душе Малинина, можно было бы воспринять ее как обычный знак признательности просто за совместную работу. Но для него, скорее всего, это была очень волнующая ситуация: сессия заканчивается, поводов для встреч больше нет, правительство может переехать в скором времени в Минск,

освобождение которого не за горами, и это — попытка таким образом еще раз напомнить о себе, своих чувствах. Но оставалась надежда, что все еще можно изменить, ведь подготовка отняла столько сил, было не до личного. А то, что Грекова с благодарностью приняла открытку, обнадеживало.

Сыграла ли эта записка свою решающую роль в том, чтобы другими глазами посмотреть на ситуацию, или сердце давно уже было отдано этому красивому сильному человеку, только в отношениях Грековой и Малинина, судя по письмам, наступил самый красивый период. Все письма начинаются неизменным: «Моя милая, дорогая Надюша!» И исповедь сильного человека: «Раньше мне казалось, что я не одержим теми человеческими слабостями, которые свойственны большинству людей. Я теперь убедился, что все это не чуждо и мне. Не прошло и 2-х суток, как мы расстались, но за это время не было и минуты, чтобы я не думал о тебе...»

«Я — СЫН, Я — ДОЧЬ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА»

ПЕРВАЯ НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БССР

21 марта 1944 года в Гомеле начала работу VI сессия Верховного Совета БССР. Ее значение, как писала в своих воспоминаниях Надежда Григорьевна, «трудно переоценить». И это действительно так. Сессия собралась после долгого перерыва в связи с войной, в момент исторических побед советских войск и массового изгнания гитлеровских захватчиков за пределы нашей Родины» (*О времени и о себе. С. 49*). Последние ее заседания состоялись 21—29 марта 1941 года. В военный период работал только Президиум Верховного Совета БССР, который находился в Москве и который своими указами, а их было принято 41, регулировал принятие решений в рамках Конституции.

Теперь же возобновление работы сессии означало возвращение к мирной жизни, свидетельствовало о скором приближении окончания войны. Ее заседания транслировали по радио по всей территории Советского Союза, не занятой врагом, с помощью военных была налажена и трансляция во всех партизанских отрядах республики. Она стала поистине событием для страны, для тех, кто был в тылу, на фронте, на оккупированной территории. Это видно по тем многочисленным телеграммам, которые были направлены в адрес сессии во время ее работы в Гомеле буквально из всех регионов республики, партизанских зон, больших и малочисленных отрядов, от трудящихся советского тыла, частей Красной Армии. Столько эмоций, столько искренних восторженных слов, пожалуй, больше не содержит ни один официальный документ советской эпохи.

Наиболее ярко, волнующе все эти чувства передает выступление народного поэта Беларуси, заместителя Председателя Верховного Совета БССР Якуба Коласа: «Сегодня, когда мы проводим нашу сессию на своей родной земле, мне хочется поклониться ей и ее народу за их безграничные страдания. ... Много тяжелых лет было в истории белорусского народа, много горя и несчастий перенесли его плечи, но никогда не сгибались они безнадежно и покорно под ударами жизненных невзгод, под тяжестью иностранного нашествия. Мужественно и стойко,

не падая духом, боролся белорус за свое человеческое достоинство. ... Не согнул его и самое жестокое, самое свирепое нашествие немецких хищников. Сегодня каждый из нас готов перед всем миром с честью сказать: «Я — сын, я — дочь белорусского народа» (НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 10. Л. 251).

Не менее важным событием стало принятие на сессии решений, определяющих принципиально новые направления деятельности республики, обусловленные реалиями времени. Это отражено в достаточно объемной повестке. Первый и самый главный на тот момент вопрос — «Освобождение белорусских земель, дальнейшие задачи борьбы белорусского народа против немецких захватчиков и ближайшие задачи восстановления народного хозяйства Белорусской ССР». Далее предполагалось утверждение Государственного бюджета Белорусской ССР на 1944 год и отчетов об исполнении государственных бюджетов за 1940 и 1941 годы.

На рассмотрение сессии впервые выносились и принципиально новые вопросы, которые определили ее как уникальную в своем роде: «О создании Народного комиссариата обороны Белорусской ССР и создании Народного комиссариата иностранных дел Белорусской ССР». Также в повестку вносился и вопрос «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета БССР, принятых между сессиями» (путем опроса за период со 02.04.1941 года по 27.03.1944 года). Они были оформлены отдельным протоколом №22 заседаний Президиума Верховного Совета БССР. Это поистине уникальный документ о деятельности законодательной власти республики в военный период. Но не менее уникальный документ — сами материалы сессии. Только одни выступления делегатов, которые реально передают то, что происходило на территории республики включая 1944 год, уже бесценны. В них — оценки тех событий, явлений, которые сегодня некоторыми оппонентами великой Победы или ставятся под сомнение, или пытаются подаваться в выгодном для исследователей свете.

Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 968, описание 1, дело 8. Объемная стенограмма первой мировой VI сессии Верховного Совета БССР от 21—24 марта 1944 года. В работе сессии принимает участие 219 депутатов, она правомочна, председательствует товарищ Грекова. С большим докладом, как писала Надежда Григорьевна, «выступил тепло встреченный депутатами первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии и председатель Совнаркома БССР Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко». Зал приветствовал его овациями.

В докладе Пономаренко (НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8. Л. 10—167) много внимания уделено итогам борьбы советского народа, много говорится о героизме, беспрецедентном сопротивлении, об оценках ситуации, о «пройденном за четверть века Советской Белоруссией пути, которая от нищенской, неграмотной в прошлом страны превратилась в индустриально-колхозную республику, созидательный труд которой был прерван вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз». Целый раздел — о том, кто и как проявил себя в период оккупации республики, особый акцент — западным областям, которые подтвердили приверженность советскому строю, не пошли на сделку с фашистами, не стремились к отторжению территорий, как это предсказывали аналитики перед началом военных действий — воссоединение с Белоруссией было насильственным, а в случае нападения Германии на СССР население перейдет на сторону гитлеровской армии».

Пономаренко очень эмоционально говорит о тех, кому так жаль было потерять рабов в лице белорусского населения: «Трудно, конечно, радзивиллам,

тышкевичам, сапегам и другим польским земельным магнатам расстаться с сотнями тысяч гектаров земли и лесов, которыми они пользовались в западных областях, отняв у белорусского народа. Трудно, конечно, отказаться от «быдла», в которое они превращали белорусский народ западных областей. ...Они выступили на стороне фашистов, мечтая вернуть все награбленное добро» (Интернированные Радзивиллы в 1939 году были отпущены по просьбе Муссолини в результате обмена заключенными) (НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8. Л. 15).

Отвлекаясь от доклада Пономаренко, хочется привести цитату последней жительницы Несвижского замка Эльжбеты Радзивилл из интервью «Советской Белоруссии» в мае 2009 года. На замечание сотрудников архива о том, что они не могут отдать ей фотографии, так как это собственность белорусского государства, она дала вполне конкретный ответ, расставив все акценты: «Это собственность Радзивиллов, которая находится у белорусского государства». Тем, кто превозносит сегодня без сомнения именитый род, собравший уникальные коллекции, все-таки следует помнить, что никто из них ничего не передавал в дар белорусскому народу добровольно и безвозмездно, заботы о нем не проявлял, как и о его грамотности, культурном наследии, а все уникальные ценности приобретались за счет эксплуатации этого самого народа.

Но основное в докладе Пономаренко — в дальнейшем развертывании всенародной борьбы против врага и тех больших и неотложных задачах, которые стояли перед республикой по ее восстановлению.

Из общего числа выступающих Грекова в своих воспоминаниях особо выделяет Мазурова: «Безусловно, интересной содержательной речью выступил на сессии секретарь ЦК ЛКСМБ К.У. Мазуров. Он длительное время находился в тылу противника и руководил деятельностью подпольных комсомольских организаций. О большом вкладе во всенародную борьбу комсомольцев и молодежи в тылу врага видно из того, что они составляли больше половины личного состава партизанских отрядов» (О времени и о себе. С. 50). Вопрос подготовки кадров из числа главным образом молодежи особенно важен. Людей погибло много, специалистов практически нет, большинство на фронте. Мазуров говорил предельно конкретно о том, как возможно и необходимо решать задачи. В дальнейшем между этими уникальными в своем роде управленцами, сильными личностями сложатся те деловые отношения, которые помогут реализовать многие инициативы как ЦК комсомола, так и правительства, в первую очередь по восстановлению Минска, республики.

Общие цифры о потерях республики в целом на сессии еще не звучат, но звучат относительно каждого конкретного региона. И они страшные. Надежда Григорьевна свои воспоминания, небольшие по объему, но очень емкие, описывающие конкретные события, в том числе и периода войны, закончила в ноябре 1985 года, когда на волне перестройки началось шельмование ветеранов, когда вновь испеченные демократы уже ставили под сомнение итоги победы советского народа, вернее целесообразность, оправданность таких жертв. Она словно хотела напомнить, какой ценой достался мир. А ту цену она помнила очень хорошо, об этом в 1944 году на сессии в выступлениях депутатов говорилось много и «слушать нельзя было без гнева и волнения о страданиях и пытках, которым подвергалось население». Воспоминания Грековой перекликаются с материалами протокола сессии, они, словно дополняя друг друга, восстанавливают события тех страшных военных лет.

И. Д. Ветров — депутат от трудящихся Полесской области, которая все еще находилась под оккупацией, говорил: «В марте 1942 года в Октябрьском районе гитлеровцы полностью сожгли 30 деревень, только за 4 дня фашистами было повешено, убито и сожжено более 5 тысяч местных жителей, в основном женщин, детей и стариков. В районе Карпиловка фашисты загнали в колхозные и школьные здания 608 человек мирных жителей и сожгли их. Особенно опустошению подвергся Лельчицкий район. Весь он превращен в пустошь, уничтожено более 10 тысяч человек мирного населения» (*О времени и о себе. С. 50; НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8*).

Вот данные из приветственной телеграммы трудящихся, партизан и партизанок Брестской области, полученной по радиосвязи:

«Около трех лет трудящиеся Брестской области находятся под игом фашизма, от власти которого кровью и слезами залита вся область. Гитлеровцы расстреляли и замучили свыше 90 тысяч человек, сожгли свыше 10 тысяч крестьянских хозяйств, разрушили старинный город Брест, угнали в Германию свыше 35 тысяч юношей и девушек. В Брестской, Кобринской, Пружанской, Коссовской, Ивацевичской, других тюрьмах расстреляны и замучены тысячи лучших советских людей, а часть сошла с ума от нечеловеческих мук, пыток и истязаний».

Сообщения о жертвах практически в каждом выступлении. И, конечно же, о подвиге. Об этом тоже много в приветственных телеграммах, радиogramмах:

«Медицинская сестра Мария Федоровна Москалева, родом из Кричева, кавалер ордена Красной Звезды, в момент, когда вышел из строя командир роты, взяла на себя командование ротой и повела бойцов в атаку».

«Капитан Дерюба, командуя батальоном, одним из первых прорвал вражескую оборону, вышел к Днепру и перерезал железную дорогу Томель—Жлобин».

«Только за 5 месяцев партизанами Минской области пущено под откос 202 вражеских эшелона, разбито и повреждено 1233 автомашины, 16 бронемашин, 31 танк, 7 самолетов, сожжено 1750 тонн горючего, разрушено 426 километров линии связи. От рук белорусского народа погибли кровавый палач Кубе, его лакеи Козловский, Ивановский и другие». Эти так называемые коллаборанты, хорошо подготовленные в недрах Абвера, немецкой разведки, для тех, кто реально знал об их деятельности, были предателями и фашистскими прислужниками, а не безвинными работниками, вынужденными трудиться и выживать во время оккупации, как это хотят представить сегодня некоторые их защитники.

Можно привести много примеров подвигов белорусских партизан: ими удерживалось до прихода Красной Армии почти 75% территории одной только Полесской области, под их защитой находилось более 200 тысяч человек мирного населения, в 1943 году в регионе 106 партизанских отрядов объединяли 30 тысяч человек, и еще много цифр, реальных историй о героизме, о самоотверженности простых людей. Об этом нужно помнить...

И еще один уникальный документ — приветствие сессии «От имени бойцов, сержантов, офицеров и генералов 1-го Белорусского фронта» с подлинными подписями Командующего войсками 1-го Белорусского фронта, генерала армии Рокоссовского, члена военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Телегина, гвардии генерал-майора Стахурского, генерал-полковника артиллерии Казакова, генерал-лейтенанта авиации Руденко. Они не меньше ее участников радовались успешному проведению сессии, к орга-

низации которой имели непосредственное отношение, той обстановке, которая царила в ходе ее проведения.

В выступлениях много радостных ноток, в целом заседания очень эмоциональные, дух победы ощущался во всем: и в приветствиях от партизан всех областей и бригад, и даже в выступлении Лаврентия Цанавы» (*О времени и о себе. С. 50—55; НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8*).

Программным был доклад не только первого секретаря ЦК КП(б)Б Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, на тот момент также Председателя СНК Белоруссии, но и Надежды Грековой, которая открывала сессию, вела ее заседания, а своим выступлением практически подводила ее итоги. Оно больше о неотложных задачах восстановления: жилой фонд, организация учебного процесса, книги, учебники, именно здесь на официальном уровне впервые прозвучал вопрос о возвращении культурных ценностей, вывезенных из республики, и о зверствах немцев на территории республики (*НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 10. Л. 517—642*). Именно она совсем скоро будет готовить документы о преступлениях против человечества, совершенных в Беларуси фашистами, которые озвучат на Нюрнбергском процессе, и в первую очередь о лагере смерти «Озаричи». И не просто готовить, а принимать непосредственное участие в судьбах узников, их медицинском лечении, реабилитации, устройстве.

В результате выполнения принятых на сессии постановлений впервые начал свою самостоятельную работу Народный комиссариат иностранных дел Белорусской ССР. Ее первым Наркомом стал Кузьма Бенедиктович Киселев, колоритная личность, уникальный человек, значимость которого, поистине дипломатический талант позволили немалое сделать для утверждения авторитета республики на международной арене, положить начало формированию белорусской дипломатической школы. Впервые начал свою работу и Народный комиссариат обороны Белорусской ССР.

ОЗАРИЧИ.

ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОТЯСАШИЙ МИР

В дни работы сессии открылось еще одно страшное преступление фашистов против мирного населения. Озвучены свидетельства о зверствах гитлеровцев в созданном на территории Калинковичского района Полесской области лагере смерти «Озаричи». Как вспоминала Грекова, его обнаружила военная разведка 65-й армии под командованием генерала П.И. Батова, «когда фронт стал наступать и вести активные действия. Чтобы задержать это продвижение войск, немцы решили организовать в Полесье сыпно-тифозный лагерь в надежде, что при его освобождении инфекция от заключенных перекинется на армию». Из доклада военных следовало, что в лагере «очень много больных сыпным тифом за колючей проволокой и с заминированными подходами». Это позже стало известно, что там находится более 33 тысяч больных без всяких лекарств, без всяких средств существования, а держались там тем, что грызли кору, ели мох, пили болотную воду. Штабелями лежали трупы. Население не могло оказать никакой помощи, потому что подходы были заминированы.

Вскоре о «ноу-хау» по массовому истреблению людей узнает весь мир, на Нюрнбергском процессе в Германии после ее капитуляции материалы будут

проходить под названием «Озаричский лагерь смерти». Здесь представят документальные свидетельства о более чем 20 тысячах узников, уничтоженных за рекордно короткие сроки даже по меркам военного времени — практически за 10 дней. По классификации преступлений против человечества он будет отнесен к категории «А» и по своей жестокости станет в один ряд с Освенцимом и Майданеком. Как планировался эксперимент — в документах Национального архива Республики Беларусь. Они подтверждают, что немецкие войска, которые находились на линии обороны Дубняки — Озаричи — Мыслов Рог — Паричи, сдерживать ее в результате стремительного наступления советских войск уже не могли. Коррективы не в пользу немцев внесли весна и ранняя распутица, которая грозила подтоплением немецких оборонительных сооружений, окопов.

Командир танкового корпуса генерал-лейтенант Фридрих Хоссбах, три пехотные дивизии которого удерживали линию обороны на этом участке, предложил решение проблемы, которое было одобрено лично Гитлером. Первоначально войска отводились на более выгодные оборонительные позиции по реке Тремля. Далее Хоссбах вместе с командованием 9-й армии и штабом группы армий «Центр» разработали еще одну операцию, аналогов которой не знала военная история. В кратчайшие сроки необходимо было организовать три концентрационных лагеря в местах возможного прорыва оборонительных линий войсками Красной Армии, то есть создать фактически живой заградительный щит. Для этого предполагалось заполнить лагеря населением, зараженным сыпным тифом и другими инфекционными заболеваниями. Таким образом решался ряд задач: прифронтовая территория очищалась от гражданского населения, которое помогало партизанским отрядам, и закладывалась «инфекционная бомба» — при освобождении узников в рядах Красной Армии вспыхнет эпидемия, которая задержит дальнейшее наступление. 31 января 1944 года командующий 9-й армией генерал Йозеф Гартне издал приказ «О добровольных помощниках из числа гражданского населения». Естественно, никаких добровольцев не было. Людей принудительно стояли на строительстве лагерей, которые и лагерями нельзя было назвать. Они представляли собой территории, окруженные проволокой, со сторожевыми вышками по периметру и вырубленными вдоль ограждений деревьями, кустарником. Нетрудоспособных — стариков, женщин, имевших несовершеннолетних детей, и детей размещали в отдельных местах, а тифозных больных — в специальных деревьях. Подходы к лагерям немцы заминировали.

23 февраля 1944 года командованием 9-й армии был издан еще один приказ «О тактике нападения на бандитские формирования». Согласно этому приказу немцы начали очищать прифронтовую полосу от гражданского населения, сгоняя людей в охраняемые места. С этого момента начали создаваться концентрационные лагеря в районе поселка Озаричи.

О том, что происходило в те страшные дни, написано немало исследований. Но самыми главными являются документальные свидетельства, воспоминания очевидцев. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилось письмо за подписью более чем 10 тысяч бывших узников лагеря смерти на имя Сталина — «Письмо дорогому нашему вождю товарищу И.В. Сталину от 33.434 граждан Советской Белоруссии, освобожденных нашей доблестной Красной Армией из немецкого лагеря смерти в районе местечка Озаричи Полесской области» (НАРБ. Ф. 4н. Он. 29. Д. 27. Л. 76—79). Они направили его практически сразу после своего освобождения, и оно очень эмоциональное. Вот как люди описы-

вают то, с чего все начиналось: «Ночью нас погнали дальше. По дороге конвоиры стреляли в отстающих. Так мы шли 12—15 км. Матери несли грудных детей и не могли уже двигаться от усталости, их тут же добивали немецкие изверги. Вот идет женщина с тремя детьми, один малый отстал, немец стреляет в него. Когда же мать и двое детей остановились, солдат-зверь по очереди застрелил и их. Идут мать и сын Бондаревы. Маленький мальчик не выдержал, упал, мать склонилась над ним. Немец-бандит застрелил мать».

В итоге на болотах фашистами были организованы три обнесенных колючей проволокой лагеря смерти «Озаричи». Первый лагерь был создан 35-й дивизией вермахта, которой командовал генерал-лейтенант Георг Рихерт. Он размещался на болоте в одном километре западнее хутора Дертъ среди редкого леса и имел размеры 900 метров в ширину и 400 метров в длину. Второй — в двух километрах севернее городского поселка Озаричи в болотистом лесу и имел размеры 600 метров в ширину и 350 метров в длину. Третий лагерь был в двух километрах западнее деревни Подосинник и размещался на болоте, имел размеры 350 метров в ширину и 650 метров в длину. Лагеря в Подосиннике и Озаричах организованы 110-й дивизией вермахта под командованием генерал-лейтенанта фон Куровски (НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 88. Л. 195). Первыми заключенными лагеря смерти «Озаричи» стали мужчины, построившие систему лагерей. Все они умерли от голода и болезней. Об этом впоследствии вспоминали узники:

«Пригнали нас на болото кругом заминированное и огороженное колючей проволокой. Здесь началось дикое издевательство. В лагере гибли люди не только от холода и голода, но и от жажды. За один глоток воды немцы забирали у нас последнее, что уцелело: кольца, деньги. Люди руками раскапывали глину и высасывали из нее влагу, когда гетели сменилась морозами, люди в лагере стали замерзать. Трупы валялись необорванными. Немецкие солдаты врываются в лагерь и заставляли снимать санюги, пальто. Они не стеснялись снимать одежду и обувь у детей. Мальчики Толя Чикилев и Виктор Мельников из г. Жлобина запротестовали, когда у них начали снимать обувь, им выстрелили в лицо» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 27. Л. 76—79).

Для установления зверств фашистских палачей была создана правительственная комиссия. Возглавил ее П.К. Пономаренко. Но основная задача по спасению людей легла на членов комиссии, в состав которой вошли Председатель Верховного Совета БССР Н.Г. Грекова, заместитель Председателя Совнаркома БССР К.В. Киселев и министр внутренних дел С.С. Бельченко. В своих воспоминаниях Надежда Григорьевна писала: «Добирались до лагеря тоже с помощью военных. Без помощи армии мы не могли бы добраться до лагеря и оказать помощь в освобождении этих 33 тысяч женщин, стариков и детей, зараженных сыпным тифом», и не потому, что это были дебри, бездорожье, главное — «никто не знал, на каком расстоянии заминированы подходы, какие еще «ловушки» оставили после себя немцы. Мы выехали туда: мы — члены комиссии и Михаил Сергеевич как представитель руководства фронтом. Мне довелось с помощью Михаила Сергеевича выполнить еще одно важное поручение» (Михаил Сергеевич Малинин. Статьи. Воспоминания. Документы. В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 194).

Увиденное повергло в шок. Все, о чем докладывали военные, не просто подтверждалось. Лагерь действительно «был размещен на болоте, на открытой площадке, обнесенной колючей проволокой. Подступы к нему гитлеровцы заминировали. Никаких построек, шалашей или землянок не было. Женщины, старики

и дети находились в нечеловеческих условиях. Они спали на мерзлой земле, пили грязную болотную воду, ели мох и кору деревьев. Находясь в бреду с высокой температурой до 40 градусов, они оставались без всякой медицинской помощи, умирали сотнями. Трупы умерших от сыпного тифа, голода и холода валялись на земле. Их не убирали. Всего в лагере находилось свыше 33 тысяч советских граждан. Среди них 15 213 детей в возрасте до 13 лет, в том числе 517 сирот, родители которых были убиты или погибли в этих лагерях» (*О времени и о себе*. С. 7). Мирных жителей Гомельской, Смоленской, Орловской и Брянской областей немцы угоняли при отступлении. Но план гитлеровцев не сработал.

Все органы власти — правительство, созданная комиссия «совместно с командованием Первого белорусского фронта» приняли срочные действенные меры для спасения жизни советских граждан, находящихся в этих лагерях, и предотвращения эпидемии сыпного тифа.

Малинин как опытный начальник штаба и командующий 65-й армии Батов, оценив ситуацию, определились с планом действий. Первыми на подступах к лагерю начали работы саперы. Предстояло разминировать большую территорию вокруг фактически трех лагерей. За проволокой оставались люди, которым требовалась незамедлительная помощь. Немцы отступили, оставив лагерь без охраны, но человеческие трагедии продолжались. Поняв, что фашистов больше нет, многие узники бросились бежать, но нарывались на мины, разорванными телами была буквально устлана прилегающая территория. Не всегда помогали и объявления военных через громкоговорители, их просьбы оставаться на своих местах до разминирования подходов. Люди все равно пробовали самостоятельно выбраться из этого ада и вновь нарывались на мины. Немцы продумали все до мелочей. После саперов в лагерь входили медики, военные специалисты. С ними в числе первых в лагерь входила и Грекова.

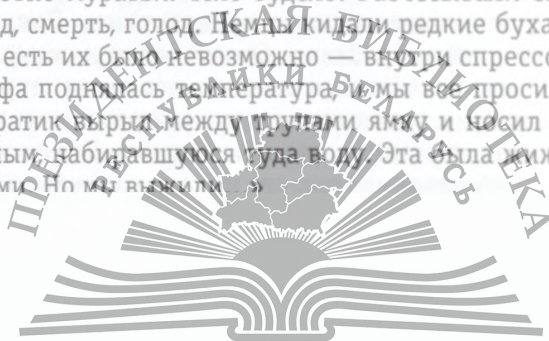
Малинин возвращался в расположение штаба фронта, перед ним сложнейшие задачи — в завершающую стадию вступала подготовка операции по освобождению республики. Но Озаричи на контроле, волнение за то, что там происходит, за работу правительственной комиссии не покидало. Передать состояние Михаила Малинина сложно. Он как никто другой, как человек, своими глазами видевший изощренность фашистов в умерщвлении населения, понимал всю опасность нового эксперимента немцев. Угнетало и то, что его не было рядом, он мотается по всему фронту: «Вчера самолетом прибыл в свой штаб Овруч после восьмидневных путешествий в районе Ковель, Самарин. Последние три дня почти не спал. «Немножечко» усталый вернулся к себе в штаб, и ты не можешь себе представить, как я был рад твоему письму». И потом предостережения, обеспокоенность за то, что любые неосторожные действия в эпицентре зараженных тифом людей могут иметь серьезные последствия. Все очень опасно. А в том, что это так, Надежда Григорьевна убеждалась на месте.

Увиденное не переставало шокировать, как и человеческие истории, которые Грекова описывает в своих воспоминаниях: «Например, жительница из Великих Лук Ирина Ивановна Лаврова категорически отказывалась проходить санобработку из-за боязни, что у нее заберут сверток, который она не выпускала из рук. О содержимом никому не говорит. Одно только твердит — отправьте меня скорее домой. Чисто по-женски удалось ее сначала успокоить, а потом разговорить. Она рассказала, что в лагере погибли ее мать и дочь, а в узелке она носит новорожденного мертвого мальчика, которого хочет привезти и похоронить на своей родине. Женщину едва уговорили отдать сверток,

когда развернули, там был полусгнивший трупик ребенка, ее успокоили, потом помогли добраться домой». Прошли десятилетия, а как вспоминала Надежда Григорьевна, перед ней все еще стоял образ молодой женщины, на лице которой легли суровые складки морщин. Волосы на голове почти белые, а глаза горели от радости освобождения из лагеря смерти.

Эти страшные истории дополнили воспоминания тех, кто выжил и через 75 лет после освобождения лагеря 19 марта 1944 года все еще хорошо помнит весь ужас, который пришлось пережить, подчеркивая в своих интервью: «Это не забыть никогда».

Из воспоминаний Антонины Верас, которой в то время было 15 лет: «Сельский староста сказал всем выйти на митинг. Потом меня, маму, младших сестру и брата погнали в колонне к Озаричам. Гнали как скот. Туда стекались людские потоки. Бабы, дети, старики в лаптях, портянках, даже босиком шли под конвоем... К вечеру нас всех загнали на болото, обнесенное колючей проволокой. Прямо на входе умер мой старенький дед Савелий. Женщины, пока у них были силы, сосновыми сучьями вырыли яму и положили туда тело. Потом людей уже не хоронили. Трупы валялись кругом. Тифозные вши были огромные — словно муравьи. Тело зудело. Расчесывали его до крови. Вокруг грязь, холод, смерть, голод. Немцы кидали редкие буханки хлеба через ограждения. Но есть их было невозможно — внутри спрессованные опилки. Воды нет, от тифа поднялась температура, чьему-то все просили пить. Помню, мой младший братик вырыл между трупами яму и носил своей шапочкой нам, обессиленным, набивавшую туда воду. Эта была жижа с фекальными и трупными ялами. Но мы выжили...»

С полным текстом документа можно
ознакомиться в библиотеке